

АЙЯ СУББОТИНА

НЕПОРОЧНАЯ
для
МЕРЗАВЦА

Annotation

Мой любимый погиб, спасая мою жизнь. И я, сопливая девчонка, нашла спасение в объятиях его дяди. Утешилась в заботе, которой у меня никогда не было, спаслась в новой любви, утонула в красивой жизни богатых и знаменитых, неожиданно став главной героиней сказки про Золушку.

О предстоящей свадьбе уже гремят все газеты и телеканалы. Мое подвенечное платье станет несбыточной мечтой всех женщин мира, а меня уже окрестили самой везучей бесприданницей.

И только Он, открыв дверь в прошлое, скажет: «Нужно было брать те тридцать сребреников, грязнуля, потому что теперь ты не получишь ничего, а я получу тебя, даром»

ОДНОТОМНИК.

ВАЖНО! Книга содержит реалистичное описание постельных сцен, некоторую часть нецензурных выражений, строго 18+!

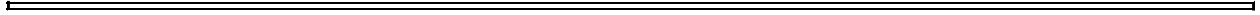
- [Айя Субботина](#)
  - [Глава первая: Кира](#)
  - [Глава вторая: Кира](#)
  - [Глава третья: Габриэль](#)
  - [Глава четвертая: Кира](#)
  - [Глава пятая: Габриэль](#)
  - [Глава шестая: Кира](#)
  - [Глава седьмая: Габриэль](#)
  - [Глава восьмая: Кира](#)
  - [Глава девятая: Габриэль](#)
  - [Глава десятая: Габриэль](#)
  - [Глава одиннадцатая: Кира](#)
  - [Глава двенадцатая: Габриэль](#)
  - [Глава тринадцатая: Кира](#)
  - [Глава четырнадцатая: Габриэль](#)
  - [Глава пятнадцатая: Кира](#)
  - [Глава шестнадцатая: Кира](#)
  - [Глава семнадцатая: Габриэль](#)
  - [Глава восемнадцатая: Габриэль](#)
  - [Глава девятнадцатая: Кира](#)

- [Глава двадцатая: Габриэль](#)
- [Глава двадцать первая: Кира](#)
- [Глава двадцать вторая: Габриэль](#)
- [Глава двадцать третья: Кира](#)
- [Глава двадцать четвертая: Габриэль](#)
- [Глава двадцать пятая: Кира](#)
- [Глава двадцать шестая: Кира](#)
- [Глава двадцать седьмая: Габриэль](#)
- [Глава двадцать восьмая: Габриэль](#)
- [Глава двадцать девятая: Габриэль](#)
- [Глава тридцатая: Кира](#)
- [Глава тридцать первая: Кира](#)
- [Глава тридцать вторая: Габриэль](#)
- [Глава тридцать третья: Кира](#)
- [Глава тридцать четвертая: Габриэль](#)
- [Глава тридцать пятая: Габриэль](#)
- [Глава тридцать шестая: Кира](#)
- [Глава тридцать седьмая: Габриэль](#)
- [Глава тридцать восьмая: Габриэль](#)
- [Глава тридцать девятая: Габриэль](#)
- [Глава сороковая: Кира](#)
- [Глава сорок первая: Кира](#)
- [Глава сорок вторая: Кира](#)
- [Глава сорок третья: Габриэль](#)
- [Глава сорок четвертая: Кира](#)
- [Глава сорок пятая: Кира](#)
- [Глава сорок шестая: Габриэль](#)
- [Глава сорок седьмая: Кира](#)
- [Эпилог: Кира](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

Айя Субботина
Непорочная для Мерзавца

Глава первая: Кира

Запах дыма наполняет и разъедает легкие.

Я задыхаюсь. Пытаюсь дышать и слышу собственные судорожные вздохи, но глотаю лишь отраву, которая медленно сокращает мою жизнь. Я скребу по горлу, чувствую, как кожа застревает под ногтями, но спасения это все равно не приносит. От дыма слезиться глаза, и когда кто-то кричит мое имя, я вижу только непроходимую бестелесную стену, за которой двигается тонкая тень.

«Я здесь!» — кричит мой рот, но легкие только выхаркивают несуществующую черную слюну.

— Кира! — Его голос. Где-то там, куда я ни за что не дойду своими ногами. И вряд ли доползу. — Кира, где ты?!

«Я здесь!» — из последних сил, почти теряя сознание.

И слова тонут в боли, когда на руку падает тяжелая горящая балка и кожа тлеет под ней, словно папиросная бумага.

И я кричу так отчаянно, что в груди будто что-то лопается, и мир качаясь, опадает карточным домиком, прямо в огонь, который танцует вокруг меня жертвенный танец.

— Кира! — Кто-то хватает меня за плечи, рывком тянет на себя и успокаивающе поглаживает по голове. — Кира, это просто кошмар.

Я задыхаюсь. Я уже не сплю, но все равно продолжаю задышаться. От отсутствия спасительного вдоха в горле словно вкручивают раскаленный винт, и каждая лопасть режет остро отточенным краем. Слепо шарю рукой, сбиваю прикроватную лампу, потому что мир течет вместе со слезами.

— Вот, Кира.

Я узнаю голос Димы, но легче все равно не становится. Только когда он вкладывает мне в ладонь прохладный баллончик, и я делаю первый спасительный вдох, паника начинает отступать.

— Дыши, маленькая. — Дима прижимает меня к себе, похлопывая по спине, словно младенца, дает выплакаться о прошлом.

Два года прошло, а эти сны все никак не отступают. Один и тот же кошмар, почти по одному же сценарию: пожар, закрытая дверь, лопнувшее зеркало и балки, которые валятся на меня, словно солома с крыши. Я поднимаю руку, и тонкая ткань ночной сорочки ползет вниз, обнажая уродливую кривую метку ожога, от запястья почти до самого плеча. Он тоже болит почти не переставая, словно одних кошмаров мало, чтобы я на

всю жизнь запомнила и ту ночь, и того человека, который спас меня ценой своей жизни.

И когда приступ астмы отступает, просыпается голос совести, который с некоторых пор тоже стал моим верным спутником. И подсказывает, что не очень честно вспоминать о покойном женихе в объятиях его дяди, чьей женой я стану через три недели.

Дима отодвигается, берет мое лицо в ладони и растирает слезы по коже, так, что не остается и следа. Ему тридцать четыре, и он далеко не ангел, но выглядит как настоящий голливудский актер: обаятельный, роскошный, желанный вдовец с принципами. Потому что даже у досужих журналистов на него ничего нет, ни одного позорного пятна на безупречной репутации, ни даже крохотного порочащего факта, ни единой интрижки.

— Лучше? — спрашивает он, целуя меня в закрытые веки.

Жест, от которого я всегда успокаиваюсь.

— Да, — говорю едва слышно, продолжая сжимать в ладони спасительное лекарство.

Моя астма — тоже еще одно напоминание о той трагедии. Врачи говорят, что она всего лишь невралгия, последствия перенесенной психотравмы, и что если я очень сильно захочу — болезнь пройдет, как надуманный страх. Но либо врачи ошибаются, либо я делаю недостаточно усилий над собой, потому что спасительный баллончик навечно поселился в моей сумочке.

— Прости, — дышу уже ровнее, втягивая обезображенную руку обратно в рукав. — Возишься со мной, как с ребенком.

Дима качает головой, делая вид, что согласен с моим самобичеванием, а потом чмокает меня в лоб и подталкивает перебраться на другую часть кровати.

Укладывается рядом, привлекая в свои объятия.

Он ждет нашей свадьбы, чтобы официально разделить со мной постель.

Поэтому в ближайшие три недели, мы будем спать в одной кровати, словно дети: целомудренно и в одежде. Теперь — под крышей Диминого дома.

Глава вторая: Кира

Цвет моего свадебного платья называется очень романтично — «пепельная роза».

Модельер делает последние замеры, подкалывает булавками остатки ткани на спине, чиркает в блокнот заметку, что нужен еще один слой ткани под тяжелую шелковую юбку с невообразимо длинным шлейфом.

— По-моему, все идеально, — говорит он нарочито пафосным тоном, явно наслаждаясь проделанной работой.

Я придерживаю юбки и выхожу в зал. Здесь со мной все подруги, хоть «все» для меня — это только две — Вера и Юля. Юлька как всегда скептически приподнимает бровь, потому что ей почти невозможно угодить, а Вера просто восторженно хлопает в ладоши и щебечет:

— Ты просто как самая настоящая принцесса из сказки.

Я вдоволь верчусь перед ними, поворачиваюсь и спиной, и боком, чтобы они как следует рассмотрели мое в самом деле королевское платье. Маленькая радость, в которой я с удовольствием растворяюсь, чувствуя, как капелька счастья превращается в брызги шампанского в животе, и пузырьки посылают по венам щекотку. Одно «но»: чтобы скрыть ожог, пришлось выбрать фасон с длинными рукавами, а сейчас жаркий и душный август, и через пару минут под плотной тканью кожа начинает чесаться и зудеть так сильно, будто ее снова обожгло. Но свадьба только через три недели, и мы с Димой надеемся, что сентябрь будет традиционно холодным. Когда-нибудь я отважусь показать это уродство на руке, но точно не на собственной свадьбе.

— А туфли? — Юля кивает на мои ноги, до сих пор обутые в простые «балетки». — Неужели прекрасный принц подарит хрустальные туфельки?

— Ну и зараза же ты, — тычет ее локтем Вера, а мне говорит: — Просто не обращай на нее внимания — она завидует.

Мы дружим, кажется, еще со школьной скамьи: вместе прошли школу, вместе поступили в один ВУЗ, и в следующем году вместе сего закончим. Ничего необычного — будем училками.

— Так что с туфлями? — Юлька лениво листает какой-то гламурный журнал, а потом вдруг замирает и даже перестает жевать жвачку. Скручивает журнал обложкой назад и разворачивает ко мне. — Твой.

Одно единственное слово, но я готова ее придушить, потому что нет никакого «моего», потому что так бить в самое уязвимое место могут

только близкие, которые точно знают, где больнее всего. И Юлька делает это нарочно, потому что до сих пор считает, что выходить замуж за Диму — дурацкая идея, ведь его племянник, родной брат моего Рафаэля...

Ох...

Черно-белое фото на развороте бьет прямо в сердце, выворачивает наизнанку тяжелым порочным взглядом. Взглядом, от которого хочется закрыться руками, словно от проклятия. И это просто издевательство, потому что на знакомом лице давно умершего человека, эти глаза кажутся просто чужеродными, словно их украли у другого человека. Взгляд и, пожалуй, жесткая ухмылка.

Габриэль. Вот уж где насмешка судьбы: человек с именем ангела оказался настоящим дьяволом. По крайней мере для меня. Настоящим кошмаром, который я, прилежная домашняя девочка, ненавижу всей своей душой.

— Ты, блин, совсем дура? — Вера вырывает журнал из Юлькиных пальцев, захлопывает и кладет под самый низ стопки на столе.

Юлька пожимает плечами, и я быстро отворачиваюсь к зеркалу. Пытаюсь собраться, мысленно повторяю свои заветные слова: это прошлое, оно давно ушло, его нужно отпустить и жить дальше. Закрываю глаза, делаю глубокий вдох, и улыбаюсь, зная, что когда снова посмотрю на себя в зеркало, там будет не испуганная двадцатилетняя девчонка, а я — умница, идущая на красный диплом, почти жена известного политика.

И больше никто и никогда не скажет мне, что...

Я открываю глаза — и Габриэль стоит там, позади меня. Привычным отвратительным жестом склоняет голову на бок, так, что каштановые с подпалинами волосы падают на глаза, и беззвучно говорит ту самую проклятую фразу: «Сколько ты стоишь, грязнуля из подворотни? Я тебя куплю, только отвали от брата».

«Никогда, — я сжимаю кулаки, — никогда, никогда, никогда ты больше не посмеешь меня ужалить»

И выдыхаю, потому что да — он не сможет. Никак не сможет. Ведь для этого ему пришлось бы как минимум перелететь океан.

— Не слушай ее, она просто злится, что с Игорем снова все неопределенно, — говорит Вера, когда мы выходим из салона после примерки. Теперь мне сюда только через неделю, на генеральную репетицию. — Юлька успокоится, и сама будет прощения просить, еще и голову пеплом посыплет.

Пока мы идем сзади, Юля идет перед нами и громко орет в телефонную трубку. Орет о том, что ее уже все достало, что так больше не

может продолжаться, что у них с каждым днем все хуже и непонятнее. А я словно стекленею от каждого слова, потому что это все так похоже на тот вечер, на нашу размолвку, после которой я заперлась впервой попавшейся комнате и долго плакала, уткнувшись лицом в подушку. Что я тогда ему сказала? Я не помню каждую фразу, но точно так же, как Юлька сейчас орет своему парню, орала в лицо Рафаэля: «У нас что-то ломается, понимаешь?!»

— Извини, но я... — Останавливаюсь и ловлю непонимающий взгляд Веры. Мы договорились все втроем пойти в кафе и устроить то, чего не делали уже очень давно: развлечь себя простыми посиделками.

— Кира, да ну брось, — пытается переубедить подруга.

Я быстро чмокаю ее в щеку, прошу попрощаться за меня с Юлькой, и просто сбегаю, пока не начала реветь на всю Андреевскую. Рафаэль всегда говорил, что я ужасная плакса, и держал в нагрудном кармане носовой платок. И еще смеялся, что я одинаково сильно реву и на душещипательных мелодрамах, и на детских мультиках.

Я прячусь в салоне подаренного Димой «Ниссана», кладу руки на руль и устало толкаюсь в них лбом. Где-то здесь, прямо в самом центре, пульсирует огромное, пожирающее изнутри чувство вины. За то, что сказала те слова сгоряча, поддалась импульсу. За то, что хотела порвать из-за ерунды, которой теперь и не вспомню. И за то, что Рафаэль все равно пошел меня искать, хоть дом уже весь был в огне. И погиб, пытаясь открыть дверь, которая почему-то оказалась заперта снаружи.

«Ты сможешь с этим жить, скоро отболит», — всплывают в памяти слова слома мамы.

Она говорила их почти все время, что провела возле моей кровати в ожоговом отделении.

Два года прошло, но у меня ничего не отболело и не зарубцевалось.

Телефон спасательным якорем буквально за шиворот тащит меня из тяжелых воспоминаний. Это Дима: спрашивает, как прошла примерка и всем ли я довольна.

Напоминает, что у нас ужин с его друзьями, а в пятницу мы летим на Бали на все выходные вместе с его друзьями.

Дима... Он хороший. Он вытащил меня оттуда, откуда обычно не возвращаются. И то, что нас связывает, куда сильнее любви.

Я пристегиваю ремень безопасности, выезжаю на дорогу и на следующем перекресте в последний момент сворачиваю влево. Импульс, который выстреливает со скоростью ядерной бомбы, словно мой личный палач нажал внутри Красную кнопку. Я дала обещание, что больше не

поеду к нему, не стану добровольно залезать на дыбу и давать прошлому глумиться над костями моих воспоминаний, но снова, как бабочка на огонь, опаяя крылья. Я совершаю этот акт чистого деструктива над собственной жизнью, но он нужен мне, потому что так я по крайней мере знаю, что живу.

Могила Рафаэля в отдаленной части кладбища. Большой памятник из белого гранита: неправильный ромб, на котором сидит плачущий ангел. Его видно издалека. Я сжимаю в кулаке купленную по пути белую лилию и уговариваю себя не плакать. Может быть, если духи действительно существуют, его призраку неприятно, что виновница его гибели портит воздух своим дыханием и солит камень слезами.

Я подхожу ближе, остается всего каких-нибудь пара метров, но из зарослей декоративного плюща выплывает крепкое мужское плечо. Останавливаюсь, пытаюсь понять, кто бы это мог быть. Рафаэль не был особенно компанейским человеком, скорее, таким же одиночкой, как и я, не знаю ни одного человека в его окружении, который бы пришел на его могилу вот так, не в годовщину и без повода.

Никого, кроме одного человека, которого я ненавижу так же сильно, как и боюсь. Но это просто не может быть он.

Я слишком смело делаю следующий шаг, нарочно игнорируя интуицию, которая не просто подсказывает, а орет, словно грешница на костре, что нужно бежать со всех ног.

И я почти готова ее послушать, потому что что-то в этих широких плечах под черной рубашкой кажется смутно знакомым, и потому что в ответ на мои осторожные шаги он поворачивает голову так ... похоже на то, как это делает тут монстр, за океаном.

Замираю, потому что из тени под немного волнистыми каштановыми волосами выскальзывает острый, словно опасная бритва, профиль: породистый нос, упрямые губы, тяжелая челюсть в небрежной щетине. И тень от ресниц дрожит на скулах какими-то адскими письменами.

Откуда он тут взялся?!

Я отступаю, потому что не готова — и вряд ли когда-нибудь буду готова — ко встрече со своим личным палачом.

И что-то хрустит под подошвой, щелкает, словно замок на клетке с цербером, в которую меня угораздило зайти.

Он поворачивается, прячет руки в карманы модных брюк: длинноногий, тугой, худощавый и рельефный, как чистокровный скакун. Такой... невыносимо опасный, что я зачем-то перекладываю сумку с бока на живот, и цепляюсь в нее двумя руками.

Габриэль. Будь он проклят.

— Грязнуля, ну надо же. — Он смакует каждый звук унижения, не торопится, наслаждается тем, как слова ядом злости проникают в мое самообладание.

О да, Габриэль всегда мастерски умел унижать людей. С первого раза нащупывал их болевые точки, безошибочно распознавал порог допустимого и всегда — всегда! — переступал его просто так, ради забавы, ради того, чтобы смотреть, как его издевательства превратят человека в ничто.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я на удивление спокойным голосом.

Габриэль приподнимает бровь, чуть подается вперед, раскатывая меня в блин одним своим взглядом. У него такие глаза... Они светло-янтарные, удивительно невыносимо яркие на смуглом лице. Глаза злого ангела.

«Закрой свои поганые глаза!» — орет мое до смерти испуганное подсознание, но я только сильнее стискиваю пальцы на сумке.

— Я здесь на могиле брата, грязнуля, — низким рокотом отвечает он.

Потом целует сложенные указательный и средний пальцы, прикладывает их к забрызганному листьями мрамору и говорит, явно не мне:

— Спи с миром, Раф.

А когда я пробую увеличить расстояние между нами, арканит меня одним единственным словом:

— Стоять.

Господи, если ты слышишь молитвы своей нерадивой дочери, спаси и защити.

Глава третья: Габриэль

Она стоит так близко, что я вижу, как бешено колотится артерия на ее шее.

На белой шее с россыпью мелких родинок, такой тонкой, что я бы запросто свернул ее одной рукой. И вся она какая-то... блядь, нескладная, тощая, как оголодавший воробей.

И взгляд такой же, даром, что глаза огромные, как херовы блюдца: настороженный, словно смотришь на взведенный автоматический арбалет. И ждешь, ждешь, что выстрелит — и ударит в самые печенки.

Грязнуля Кира. Хотя про себя я всегда называю ее «Кира-блядь», и других слов она не заслуживает.

Воображение живо рисует картинку, где она, распятая на медицинском столе, извивается, пока я собственной рукой набиваю на ее тощую задницу эти слова, и соблазн устроить ей такой свадебный подарок так велик, что приходится вцепиться в карманы изнутри.

— Что ты здесь забыла? — спрашиваю тяжелее, чем собирался.

С Кирой всегда так было: с первого дня, как Раф притащил ее к нам домой, было ясно — она все испортит, сломает, изваляет в грязи, потому что таким, как она, место в самом дешевом борделе Таиланда, где ночь с девочкой стоит меньше, чем гамбургер в обычной забегаловке. Ума не приложу, почему я тогда не нашел хороших ребят, которые бы устроили ей незабываемые каникулы. Всего на несколько дней, может, неделю. Чтобы маленькую тварь порвали, как шавку, чтобы на всю жизнь запомнила, где ее место.

И когда я готовлюсь ее догонять, зараза вздергивает подбородок и вместо того, чтобы прислушаться к инстинкту самосохранения и хотя бы попытаться сбежать, вдруг идет прямо на меня. Точнее, мимо меня, к могиле. Кладет цветок на плиту и начинает бормотать ... Бля, что она там бормочет? Молитву?

Я хватаю ее за локоть: слишком быстро, чтобы Кира могла это предугадать. Да я и сам не мог, потому что даже касаться ее кожи — невыносимо противно. Как будто схватился за оголенный провод и ладонь обуглилась сразу до кости.

— Заткни свой поганый рот, — шиплю в плотно закрытые глаза и почти волоком вытаскиваю ее прочь, подальше от места, которое не должно быть осквернено ее дыханием и запахом.

Она не сопротивляется, но едва успевает переставлять ноги, подстраиваясь под мой быстрый шаг. Останавливаюсь, когда перед глазами маячит каменный забор, а могилы остаются далеко позади. Я безбожник, антихрист, потому что поклоняюсь своей собственной вере, в которой нет херни про всепрощение, вторую щеку и «не согреси», но даже я уважаю покой мертвецов.

Разжимаю пальцы и вытряхиваю безвольную руку Киры. Краем глаза замечаю, как Кира прячет руку за спину, морщиться от красного браслета на коже — следа моего неласкового приветствия.

— Увижу тебя здесь еще хоть раз — закопаю рядом, — обещаю ни капли не лукавя.

Худая бледная дрянь... улыбается? Она это серьезно? Вот так, словно я пообещал задарить ее радужными пони, улыбается?!

— Так иди за лопатой, Эл, — отвечает Кира. Совершенно, блядь, потерявшая страх Кира.

— Вырой могилу. На будущее. Чтобы потом не заморачиваться.

Эл. Она назвала меня Эл. Своим поганым блядским ртом, словно имеет на это гребаное моральное право.

И я снова быстрее, чем она: сжимаю ее щеки пальцами, вдавливаю внутрь, до упора, до зубов, так, что зеленые глаза становятся влажными от слез.

— Как ты меня назвала? Ну-ка, повтори.

— Я-тебя-не-боюсь-Эл, — говорит она по словам, словно для умалишенного.

И я правда не знаю, почему до сих пор позволяю ей дышать.

Пальцы разжимаются и этот жест совершенно точно не в зоне моего контроля. Просто в голове будто вспыхивает огромный стоп-сигнал, который предупреждает, что эта маленькая тварь снова влезла мне под кожу и достала то, что давно отболело.

Разбередила, как рой дикий ос, вот только в своей слепой злобе они набросились не на своего обидчика, а на первого, ко повернулся под руку — на меня самого. И кажется, что злость течет по венам, такой яркий и сильный концентрат, что запросто может заменить кровь. И тогда я стану долбаным злым героем из комикса, мистером Хрен_ты_меня_проведешь_грязнуля.

Кира отступает, и рукавом, как сопливая девчонка, подтирает глаза. Не ревет — и то хорошо.

— Я приехал на свадьбу, — кривляюсь в злой усмешке. Она вскидывается, хлопает ресницами, как бестолковая Барби, хоть даже в

резиновой кукле сексуальности больше, чем в этом ничтожестве, которое вызывает только два желания: накормить, а потом к херам собачьим пинками вытолкать из нашей жизни. — Что, дядя не сказал тебе?

Дима — полный дурак. Или нет — он осел, кретин и тупица, потому что я предупреждал его, с кем он собирает связаться, а вместо слов благодарности услышал пожелание не совать нос в его жизнь. И нравоучение в его занудном стиле: «Тебе пора взрослеть и учиться прощать».

Надеюсь, дорого любимый дядя, ты по достоинству оценишь, как я послал в жопу твою мудрость. Потому что прощение — это для тех, кто имеет право на второй шанс, а не для девочек, продающих свою любовь за деньги.

— Ты его племянник, — пытается держать лицо Кира, но ее с головой выдает дрожащая нижняя губа. — Было бы странно, если бы Дима пригласил твою мать и не пригласил тебя.

— Это ни разу не странно, это тупо и дерьмово, и воняет тухлятиной и насмешкой, потому что брать тебя в жены из-под покойника — это отстой, а вот звать на свадьбу брата человека, которого ты убила — это цинизм.

Почти уверен, что сейчас этот уродливый рот откроется и Кира снова вывалит на меня дерьмо в духе: «Я не виновата!», но что-то видимо изменилась за эти два года, раз она даже не пытается оправдываться. Или моя злость вправила ей мозги и инстинкт самосохранения включил позднее зажигание?

— Тебе обязательно все портить, да? — вдруг оживает эта бледная моль, и зеленые глаза сверкают, словно криптонит. — Снова ворошить прошлое?

— А ты думала расслабить булки и жить королевой?

— Я по крайней мере не питаюсь чужим страхом, — отвечает она с горькой усмешкой.

— Ну вот видишь, как легко мы выяснили, что с голоду я не подохну, потому что в моем распоряжении будет вечный генератор.

Она все-таки надламывается: еда заметно опускает плечи, хоть явно пытается удержать голову ровно и сохранить невозмутимое выражение лица. Но мы оба знаем, что со мной у нее это никогда не работало, потому что — так уж распорядилась судьба — я, похоже, единственный, на кого не действует эта ее «я-невинная-овечка-магия». Потому что, после смерти брата, я единственный живой свидетель веселого прошлого этой монашки.

Кира поворачивается и медленно, все еще пытаясь сохранить достоинство, плетется к кладбищенским воротам. А я почему-то смотрю, и

смотрю, и смотрю, как выпирающие лопатки чуть не режут тонкую ткань блузки.

И где-то там, в жужжащем улье моих диких ос, наступает полная отрезвляющая тишина.

И я падаю башкой вниз, прямо на острые камни отвращения к самому себе. Потому что это она делает меня таким. Потому что это долбаная Кира-блядь с дотошностью археолога выковыривает и вскрывает мои пороки.

Настроение безнадежно испорчено. Я бреду к машине, по пути пиная траву, словно она виновница всех моих бед, а на языке вертится вопрос, который я так и не успел задать: «Почему ты не дала мне, Кира? Мало заплатил? Боялась испороть карму трахом с братом своего «любимого»?

Мой психолог уверена, что я просто зациклен на тех дверях в прошлое, которые открыл, но не смог закрыть, хоть у меня на этот счет есть другая теория. Поганая, но жизнеспособная, и я уверен, что как только я разыграю последний аккорд этого похоронного марша, все встанет на свои места, и без всякого контроля над гневом и прочей псевдонаучной херни.

Я хотел трахнуть Киру. Кира решила сыграть ва-банк и не дала себя поймать, вцепившись пиявкой в более легкую добычу. Поэтому, как только я завершу этот гештальт, меня больше не будут задевать ни ее попытки корчить невинность, ни криптонитовые глаза, ни, блядь-пошло-оно-все, худые лопатки, выпирающие, словно рыбы плавники. Господи, неужели никому не приходило в голову откормить ее хотя бы немного, или это тоже — часть ее образа бедной девочки, которой всю жизнь не хватало на хлеб?

Сомневаюсь, что у меня встанет на эту тощую сухую пародию на зрелую телку, но ради такого дела придется постараться.

Постараться — и показать любимому дяде, чем его будущая жена занимается с его единственным племянником. Прямо в ЗАГСе, сразу после пафосного: «Согласны ли вы, Дмитрий...»

Вот тогда мы все поговорим о прощении и второй щеке. Правда что-то мне подсказывает, что желающих обсудить этот конфуз будет не так уж много.

А Кира...

Кира просто сделает рестарт своей жизни и будет искать новый денежный мешок.

Девочки-из-Эскорта не пропадают в суровой рутине будней посудомойки. Но это уже будет чья-то другая история, и чей-то другой геморрой.

Глава четвертая: Кира

Дима начинает названивать, когда я не отвечаю на его звонки. Такое чувство, что поставил телефон на автодозвон и ждет, когда мне надоест сбрасывать, и сдадут нервы.

Но я просто не хочу с ним говорить, потому что слишком взвинчена. Если отвечу сейчас — это будет не попытка поговорить, а просто выброс адреналина и негатива, которыми я под завязку заряжена после встречи с Габриэлем.

Я сажусь за руль, закрываю машину и быстро, отдавая себе отчет во всей глупости ситуации, до упора поднимаю стекло. Руки дрожат и перед глазами до сих пор маячит лицо этого монстра. Если бы он не был где-то там, угрожающе близко, я бы ни за что не села за руль в таком состоянии, но если мы снова столкнемся лбами... Я не знаю, что тогда будет. Я сломаюсь?

Нет никого, кто бы помог с ответом на этот вопрос, поэтому лучше не рисковать.

Я просто катаюсь по городу, все время опаздывая на зеленые свет светофора, понукаемая сигналами нетерпеливых водителей. Но даже если бы я могла уехать на край света, то и тогда бы не смогла сбежать от прошлого, которое вернулось и напомнило о себе злыми словами Габриэля.

Мне... ох, господи, мне просто нужны были деньги. Небольшая сумма, которую я бы заработала за пару недель. Никакого интима, только сопровождение на официальные мероприятия.

И первый же вечер в проклятом агентстве заклеил меня на всю оставшуюся жизнь.

Рафаэль пообещал, что никогда и никому не скажет, как и где мы познакомились, но Габриэль просто должен был сунуть свой нос в наши отношения, потому что кичился своим правом старшего брата заботиться о благополучии младшего.

И если Дима узнает, вряд ли его порадует перспектива заполучить мину замедленного действия в свою безупречную биографию.

Даже пенять не на кого, потому что во всем от и до виновата только я.

Я должна была все ему рассказать. Сразу расставить все точки над «i» и тогда, скорее всего, мы бы просто разошлись двумя одиночествами. Но, видит бог, он был так сильно мне нужен! И я смалодушничала, поддавалась голосу сердца, который нашептывал, что рядом с этим человеком моя

жизнь, которую я добровольно положила в гроб Рафаэля, сможет воскреснуть, как феникс из пепла.

Дима ждет меня около ворот. Я паркуюсь черте как, выскальзываю наружу и просто стою, пока он ходит взад-вперед, и его нервозность выдают сжатые в карманах кулаки.

Он реагирует на звук мотора, оглядывается и широким шагом идет ко мне. Ни о чем не спрашивает, просто обнимает ладонями за щеки и крепко прижимается губами к моим губам. А даже не могу наскрести сил, чтобы обнять его в ответ, и проклятые руки безвольно висят вдоль тела, словно веревочные.

— Я должен был сказать тебе, — безошибочно угадывает он причину моего уничтоженного настроения. — Прости, малышка, я должен был, но просто не знал, как это сделать. Надеялся подобрать удачный момент. Габриэль же только вчера прилетел? Где вы успели...?

— На кладбище, — перебиваю я.

Знаю, Дима будет расстроен, потому что в унисон советам моего психолога, утверждает, что эти свидания с мертвецом рушат результаты многодневной терапии.

Но видимо не в этот раз, поэтому что Дима просто прижимает мою голову к своему плечу и шепчет, перебирая пальцами растрепанные волосы:

— Хочешь, я пошлю его? Пусть катится в свою Америку.

Мой рот уже открывает для желанного «да!», но в голове мелькают картинки, от которых к горлу подкатывает сухая тошнота. Я точно знаю, что Габриэль все ему расскажет. Он только и ждет, когда я оступлюсь и дам повод разыграть «джокера».

Черта с два он это сделает.

Потому что я сама все расскажу Диме. Обязательно расскажу. Завтра. Или после завтра?

— Он же твой единственный племянник, — говорю я, сдерживая неуместную иронию. — Будет странно, если ты его прогонишь.

— Уверена? — с сомнением переспрашивает Дима.

Уверена в чем? Что Габриэль не будет меня доставать? Да, уверена, что будет, и нет, не уверена, что совершаю умный поступок, пытаюсь переиграть палача на плахе.

— Мы больше не увидимся до самой церемонии, — озвучиваю то, во что сама же с трудом верю. — А один день я смогу его вытерпеть.

Дима отводит меня в дом, усаживает в кресло и ненадолго пропадает в кухне, чтобы вернуться оттуда со стаканом лимонада и нарезанными

яблоками. Весело, чтоб подбодрить, ведет бровями, прекрасно зная, что я совершенно и полностью равнодушна к простым красным яблокам с капелькой терпкости и кислинки. Могу съедать их мешками, как гусеница, и даже не замечаю, что обгрызаю все, до самого хвостика. Поэтому Дима предусмотрительно нарезает их дольками, убирает косточки и тугие пленки, которыми я однажды очень неосторожно подавилась. Так сильно, что пришлось ехать в больницу.

И даже сейчас, когда все почти идеально и я развеяла морок неприятной встречи, в память врезаются слова Рафаэля о том, что я — ходячие тридцать три несчастья, и за мной нужен глаз да глаз, особенно если я делаю вещи, которыми нормальный человек просто физически не может причинить себе вред.

— Можем остаться дома, если хочешь, — предлагает Дима, когда я снова некстати кисну в тяжелых воспоминаниях.

Я хочу, очень хочу, потому что наизнанку выворачивает от мысли, что придется сидеть в компании малознакомых людей, слушать их шутки, улыбаться и говорить что-то в ответ. Но у Димы своя жизнь, и в той среде, где он «обитает», есть свои правила, которым нужно подчиняться, чтобы не вывалиться за борт успешной жизни. Все эти обязательные встречи, ужины, необходимость поддерживать видимость хороших отношений с правильными людьми — это часть него самого, и раз уж я согласилась стать его женой, то нужно, как любит говорить Юля, соответствовать.

— Я в порядке, выпью аспирин — и буду готова поддерживать тебя за столом.

Он не то, чтобы охотно мне верит, потому что какое-то время изучает пытливым взглядом, но я скрепляю свое согласие поцелуем, и Дима охотно перебирается ко мне на диван. Обнимает, нежно и ласково, подбирается, словно Гензель к Сахарному домику, прислушивается, будут ли уместны его поглаживания пониже спины.

В какой-то момент мне даже хочется, чтобы он опустил ладони еще ниже, чтобы эти руки стали капельку сильнее, обозначились на ягодицах хотя бы временными отпечатками. Поэтому тянусь к нему, прижимаясь боком, осторожно поглаживая его грудь через дорогую рубашку. Он всегда подтянут, хорошо одет и пахнет хозяином жизни, и мне по душе такая гремучая смесь, потому что, вопреки всему, она обещает защиту, а не разрушение. И я больше никогда не соглашусь на что-то другое. Поэтому и собираюсь стать его женой, чтобы спрятаться от мира мужчин в неприступной башне брака.

И когда Дима откликается на мою мольбу, и пытается разжать мои

губы поцелуем, что-то резко, ошеломительно меняется. Даже не понимаю что, но воздух вокруг будто наполняется разряженным кислородом, и каждый вдох внезапно насквозь пропитан совсем другим запахом, и эти стоны мне в губы — они чужие.

Распахиваю глаза — и взгляд хищника пронзает меня до самого затылка. Боль такая нестерпимая, что хочется плакать, но глаза сухие от страха.

Габриэль?

Он насмехается, хватая меня за щеки и грубо раскрывает рот, как будто я — рыба, проглотившая его хитрую наживку, которую он достанет даже из желудка, и плевать, если порвет легкие и гортань. Я физически ощущаю, как он тянет, водит и морит, и вместе с отравленным поцелуем разрывает меня изнутри. И с упоением глотает губами мои жалкие попытки его остановить.

— Нет! — Я пинаю его ногами... и смотрю в ошалелые глаза Димы, которого только что чуть не столкнула с дивана.

— Кира, я... Прости, черт. — Он потирает переносицу, морщится и встает.

Я выдыхаю только когда зона моего личного пространства снова оказывается приятно пустой. Видит бог, я хочу его полюбить, хочу дать ему то, что он заслуживает, потому что ни один мужчина на свете не сделал бы для меня столько, сколько сделала он. Но каждый раз, когда мы пытаемся сблизиться, что-то происходит. Мы словно два грызуна в пластиковых шарах: бьемся друг об друга, делая вид, что это достаточная степень физической близости и нас все вполне устраивает. Но на деле все куда сложнее.

Тем более сегодня, сейчас, потому что этот порыв был порождением ненависти и страха, а никак не любви. И потому что в этот короткий импульс, в долю секунды, достаточную для рождения Частицы всего, я чувствовала себя живой.

— Я не тороплю тебя, хорошо? — Дима ищет в моем лице признаки прощения, а я несусь к нему, чтобы спрятать голову на плече.

Потому что он может увидеть там то, от чего мои внутренности скручиваются узлом, а душа наполняется ненавистью, только на этот раз — к себе самой.

Мой психолог говорит, что это пожар наполнил меня тягой к саморазрушению. И впервые за два года я не могу ничего противопоставить его словам, потому что любая нормальная женщина на моем месте давно бы сбежала от Ангела смерти, а я, вопреки здравому

смыслу, надеюсь уйти от него живой.

— Мне просто нужно немного полежать, — говорю сбивчиво, путаясь в словах, потому что собиралась отделаться усталостью после лекций, но в последний момент вспомнила, что вместе с подругами сбежала после второй пары.

И мое неуклюжее вранье кажется настолько очевидным, что я поскорее иду к лестнице, чтобы не оглядываться на человека, которого только что, сама того не желая, оскорбила предназначенным другому поцелуем.

Надеюсь, Габриэль, когда-нибудь ты столкнешься со своим личным чудовищем, и оно сожрет твое поганое сердце, до того, как ты перестанешь дышать.

Глава пятая: Габриэль

Я торчу в гостинице почти безвылазно.

Я, гуляка, блядун и неутомимый трахарь, пять дней кряду выхожу на улицу только, чтобы подцепить какую-то жопастую телку и отжарить ее до пустых яиц. И меня вообще не интересуют их имена, единственное, что имеет значение — чтобы девочка была сочной, не заморачивалась по поводу «только раз — и разбежались», а в кармане не заканчивались «резинки».

Потому что, так уж получилось, что в ту ночь, после нашей с Кирой встречи, я проснулся мокрый и с такой болезненной эрекцией, что хотелось, как оборотню, выть на луну. Я валялся в постели, качался с боку на бок, словно контуженный, окруженный фантомными звуками ее голоса и запахом слез, и ни хера не помогало, пока я не взял себя в кулак.

Кончил. Тупо спустил все в руку, и лежал, уставившись в потолок, не зная, от чего же корчит больше: от того, что сперма стынет на животе липким холодным пятном, или потому, что в последний момент перед этим «ручным» оргазмом, я увидел ее блядские криптонитовые глаза. Просто взял — и увидел, как будто это она мне отсасывала, и смотрела снизу-вверх, втягивая в горячий рот, так чертовски туго сжимая член щеками, что я хотел сдохнуть в ее поганных губах.

И с того сна все быстро пошло под откос. Словно я завис на самом пике американских горок, и вдруг начал падать спиной вниз, и небо, которое было таким охеренно близким, вдруг скрутило средний палец и от души пожелало разьебаться об неведение вдребезги.

Однажды меня угораздило вляпаться в драку с не слишком умными, но хорошо вооруженными перепуганными пацанами, один из которых решил, что выстрел в упор — хороший ответ на мое пожелание самому себе отсосать. Пуля прошла навылет, и мне повезло отделаться легким испугом, но я на всю жизнь запомню то чувство, когда острый кусочек стали прожег меня насквозь, словно игла — пластилиновую куклу.

До той ночи я был уверен, что ничего противнее быть уже не может.

Оказалось, может, и это — не физиология, а просто ее глаза в момент, когда я кончил в полной тишине и пустой постели.

Клянусь, если бы Кира-блядь была где-то поблизости, я бы просто ее задушил.

Но к счастью для моей матери и облегчению не слишком хорошей

репутации, Кира существовала на другом конце города, и наши с ней дороги больше не пересекались.

До пятницы, до звонка матери, в которой она случайно проболталась о дяде и его поездке на солнечные тропические острова. Естественно, с невестой. И, само собой, моя мать ненавидит ее так же сильно, как и я, потому что всепрощение в нашей семье под запретом еще со времен, когда был жив отец и он учил нас с братом всегда давать сдачи.

Она не знает, чем занималась Кира и как познакомилась с Рафаэлем, и я храню эту тайну только в память о брате и потому что не хочу пачкать его образ. Для нее он навсегда останется мягкой копией отца, потому что Раф унаследовал от него все. Как мы часто шутили — спиздил даже глаза, ведь в нашей семье белокожих я единственный темноволосый и смуглый.

Узнать, куда именно дядя повез свою куклу — плевое дело. Пара звонков нужным людям — и я знаю все, вплоть до бунгало, которое он забронировал на все выходные.

Политики только думают, что хорошо маскируются, а на деле вся их жизнь — сплошная возня между двумя стеклами под журналистским микроскопом.

Последнее, что я делаю перед тем, как запрыгнуть в самолет — снимаю девочку из эскорта. Ту, которая сразу, без всяких заморочек, соглашается трахаться за деньги.

Такая крепкая кобыла почти с меня ростом, с накаченной приседаниями жопой, с большими сиськами и аккуратной шоколадной полоской волос на лобке.

Я трахаю ее в самолете раза три — не меньше. За облаками, отпуская пошлые шутки о том, что мы покорили «высоту секса».

— Ты какой-то напряженный?

Хорошая девочка, правильно берет в рот: становится боком и оттопыривает задницу, чтобы я пару раз отвесил всей ладонью. Старается, просто как профессионалка, до самого горла. Хотя, она и есть профессионалка.

И когда я откидываю голову, чтобы забыться в этих тренированных губах, единственная мысль, жалящая пустую башку, на хрен убивает все желание кончить. Потому что я хочу совсем другой рот.

«Почему, блядь, ты не дала мне, Кира?»

Я отталкиваю голову девочки, хоть она очень старается и умудряется стонать даже со мной во рту, но сейчас она мне не нужна. Ни она, ни этот пустой трах, который будет просто еще одной разрядкой в духе первых трех.

— Как тебя зовут? — спрашиваю деваху, когда она поправляет одежду и садится напротив меня в кресло, тут же неувовимо — чувствуется опыт — поправляя макияж в считанные минуты.

— Снежана, — улыбається, на миг отрываясь от ручного зеркальца. Другая бы обиделась, а этой хоть бы что. Привыкла?

Хотя, какая в хрена разница.

— Ну и какая у нас легенда? — спрашивает она чуть позже, потягивая принесенное стюардессой шампанское.

Есть особая прелесть в частных рейсах: шампанское у ни всегда холодное и элитное, а не какая-то кислая бурда. А я, хоть и взрослый кобель, люблю игристые вина элитных сортов. Коньяки и водку пью исключительно под херовое настроение.

— Легенда? — переспрашиваю я. Вот сейчас, если она не перестанет зудеть тупыми вопросами, придется грубо попросить ее захлопнуть рот. Мне нужно как минимум подумать, что делать дальше, после посадки.

— Ну, ты же везешь меня на дорогой курорт. — Она прячет помаду в сумочку и делает выразительный «чмок» яркок-красными губами. Готов биться об заклад, у нее было много мужиков, которых страшно возбуждала размазанная по члену красная помада, но меня это не заводит, как, собственно, и ее рот в принципе. — Кем я должна притвориться? Если твоей девушкой, то нам нужно придумать историю. Ну, типа, где познакомились и...

— Моей девушкой? — Я чувствую себя идиотом, второй раз с трудом улавливая, куда она клонит. Вернее, я-то понимаю, но до последнего верю, что она несет всю эту чушь не всерьез. Но похоже деваху не шутит, поэтому придется вправить ей мозги. Жаль, что приходится быть первым, кто поимеет ее еще и в эту часть тела. — Послушай, Снежана. Ты — никто. Просто девочка, которую я купил, чтобы трахать, когда мне приспичит. У тебя проблемы с этим? Потому что я не собираюсь сочинять херню про нашу влюбленность. Ты — моя проститутка, и только так.

Она округляет глаза, явно неприятно удивленная таким положением дел, и я почти готов предложить ей свободный парашют, потому что, кажется, брать ее с собой было плохой идеей, но ей хватает ума промолчать.

— Хорошо глотаешь, — киваю на ее судорожно передернутое горло.

На самом деле, я взял ее не только для того, чтобы приятно проводить время и не заморачиваться съемом на пляже. Она — из эскорта. И я предвкушаю реакцию Киры, когда я представлю так мою спутницу. Дядя наверняка не сказал ей, что у него «особое» отношение к платным

девочкам. Еще бы, вряд ли в их вылизанных отношениях нашлось место неудобному разговору, и уж точно он не рассказал о милой и хорошей девочке Лизе, которую под него подложили влиятельные люди. И о том, что милая и хорошая девочка Лиза оказалась героиновой проституткой, которая сливала его звонки, скринила почту и делала прочую заказную работу, пока дядя думал, что нашел женщину своей мечты.

Говорят, молния не попадает в одно и то же место, но в Диму она въебашила дважды.

Самолет приземляется около шести вечера по местному времени. Неподалеку от курорта — частный аэродром, где нас уже ждет водитель. Все по высшему разряду, как я люблю. И деваха держит рот на замке, просто радуя сообразительностью. Если так пойдет и дальше, оставлю ей щедрые чаевые.

Я снял люкс с отдельным бассейном и прочей херней, которая на самом деле меня мало привлекает. Просто я человек определенного класса и моя жизнь — одно сплошное «все включено». Единственное, что меня интересовало — наличие зала для онлайн-конференций и возможность брать на прокат машину, что я и получил. Ну кроме того, что дядя живет в соседнем номере.

Прежде, чем зайти к себе, долго гипнотизирую взглядом дверь их номера, пытаюсь угадать, что за ней происходит.

«Ему ты даешь просто так, Кира? Жениху — бесплатно?»

Даже заношу руку, чтобы постучать, но вовремя вспоминаю, что это идет вразрез с моей историей, где все «совершенно случайно» и «ну-надо же, дядя, и ты здесь, вот так совпадения!» Поэтому, хоть искушение тянет заявить о себе в полный голос, я ухожу в номер.

Впереди целый вечер пятницы и Дима наверняка захочет устроить ей романтику. Или я ни хрена не знаю своего дядю. А, значит, можно не напрягаясь просто подождать их в баре на пляже.

Я принимаю душ, час валяюсь в постели с ноутбуком, пока Снежана перемеряет купальники, и только после восьми спускаюсь в бар.

Влажная тропическая ночь пахнет экзотическими цветами и сладкими фруктами, бар забит парочками всех мастей и оттенков кожи, и я, традиционно, притягиваю взгляды женщин, даже тех, которые заметно старше меня и в компании своих мужчин. Но сегодня я охочусь на другую жертву, и когда не нахожу ее с первого раза, чувствую горький привкус желчи во рту. Они что, решили не вылезать из постели?

Я почти готов отпихнуть Снежану, которой вдруг приспичило взять меня под руку, когда сзади раздастся знакомый — блядь, я его помню до

таких мелочей! — смех. Медленно, как птицелов, который вот-вот поймает райскую птичку, поворачиваюсь.

Я узнаю Киру сразу, хоть она и стоит спиной. В черном бикини без всяких выкрутасов, но с маленькой оборкой на трусиках а-ля микро-юбка для ламбады. Нужно признать — она умеет подать аппетитно свою тощую задницу, раз даже меня, большого не любителя костей, одолевает желание приподнять оборку и посмотреть, есть ли родинки у нее на ягодницах. А еще она в рубашке с длинным рукавом, перевязанной на талии, и сливочно-карамельные волосы собраны в высокую растрепанную прическу а ля «храм майя», которую украшает огромный желтый цветок.

— Габриэль? — Дядя как раз приносит Кире коктейль и видит меня из-за ее плеча.

Не без удовольствия наблюдаю, как дергается Кира, но она лишь немного поворачивает голову, даже не стараясь на меня посмотреть.

Ну и ладно, я и сам могу.

Подхожу ближе, протягиваю дяде ладонь, которую он не сразу соображает принять для рукопожатия.

— Бывают же совпадения, — говорю самой фальшивой из возможных интонаций.

— Что ты здесь... — Он хмурится и кладет руку на плечо Кире, притягивая ее к себе.

И только оказавшись у него подмышкой, Кира поднимает на меня взгляд. Хотя нет, не на меня, а на мою спутницу: пристально рассматривает всю с ног до головы. Какие выводы делает? О чем думает? Я могу прочесть мысли человека по одному движению его брови, но с Кирой это не работает, потому что она — закодированный сигнал, Энигма, которую мне, как Адаму Тьюрингу, приходится каждый раз разгадывать заново.

— Я просто отдыхаю. Как и вы. Не рановато для медового месяца?

Кира обнимает его за талию своими тонкими, как спички, руками. И мой взгляд приковывает кольцо с крупным бриллиантом. Какого хрена меня это цепляет, я же знаю, что они уже полгода, как официально обручились?

— Представишь нас? — игнорирует мой вопрос Дима, кивая в сторону Снежаны.

— Это моя зверушка, откликается на имя «Снежана». Девочка из эскорта.

— Господи, меня от тебя тошнит, — вдруг взрывается Кира.

И эти проклятые глаза двумя криптонитами врезаются мне в живот. Низкий подлый удар, от которого я, как несчастный Супермен, на всем ходу тараню невидимую стеклянную стену, и кожей чувствую каждый осколок.

Почти натурально чувствую, как кровь течет по коже, но продолжаю улыбаться, как ни в чем не бывало.

— Может, ты просто залетела? — отвечаю, ни на грамм не теряя самообладание. — Дим, тебя поздравить со скорым пополнением?

Нет, грязнуля, ни хрена ты меня больше не расшатаешь.

Если бы кто-то так цеплял мою девочку, я бы уже разьебал ему рожу до кровавых соплей, но это же Дмитрий Рязанов, чистюля и праведник. Максимум, что мне грозит — выговор, но не при людях и в как-нибудь в друго раз.

Поэтому выходные будут просто улетными.

Люблю безнаказанность.

Глава шестая: Кира

Я знаю, что он привез эту женщину не просто так.

Это его мне: «Я все ему расскажу».

Поэтому я очень опрометчиво говорю те слова, хоть минуту назад пообещала себе сделать вид, что Габриэля здесь просто нет, что он — лишь дурной сон, химера, которая ходит за мной попятам, но совершенно не реальна до тех пор, пока я сама не поверю в ее существование.

Но он всегда знал, куда и как морально ударить. А меня бил сильнее всех.

И все же... что-то там, у меня в груди, в крохотной точке под медальоном из полированного перламутра, чешется, словно свежая рана от пули. Невольно прижимаю ее ладонь, потому что кажется: кожа лопнет от напряжения и все мои боль, и ненависть, которые я испытываю к этому человеку, просто его изрешетят.

Я не верю в совпадения, и то, что Габриэль здесь — что угодно, но не случайность. Не удивлюсь, если и поселился по соседству, возможно, через стену, и тогда я буду слышать, как он потащит свою «зверушку» в постель, и их звуки...

Мысленно заглушаю дурацкие мысли беззвучной считалочкой про негрятят, пока Дима спокойно, с достоинством, отвечает, что прибавление в семействе — это точно не его, Габриэля, дело.

— Мы здесь с друзьями, так что, если ты не возражаешь... — Дима нарочно делает выразительную паузу, с тонкостью блестящего дипломата выбирая именно ту интонацию, которая явно унижает собеседника, но не дает ему повода плевать ядом в ответ.

А потом у Димы звонит телефон, и он с сожалением шепчет мне на ухо, что не ответить нельзя, потому что это его помощник, и звонит он на личный номер, а значит, что-то стряслось. И как только Дима уходит, Габриэль, не поворачивая головы к своей «зверушке», приказывает ей:

— Сходи в дамскую комнату.

— Я не...

— Просто исчезни, — грубо отшивает он ее.

Девушка даже не кривит губы, просто за секунду теряется где-то между столиками.

Мы с Габриэлем смотрим друг на друга, как охотник и жертва, и я слышу, как судьба вложила два патрона в свое фатальное ружье и с подло

выстрелила мне в спину, между лопатками.

Габриэль кладет ладони в карманы подвернутых полотняных брюк и, качнувшись на носках в мою сторону, зловеще шепчет:

— Помнишь, я предлагал тебе деньги, грязнуля?

— Лучшее воспоминание моей жизни, — огрызаюсь я.

— Рад быть твоим лучшим, — хмыкает он. — Так вот, Кира, нужно было соглашаться тогда, потому что до конца выходных я тебя все равно трахну, а ты будешь рыдать и умолять повторить. И хрен ты что от меня получишь, грязнуля. Впрочем, — Габриэль облизывает большой палец, кладет его мне на нижнюю губу и чуть оттягивает. — Зависит от того, как хорошо ты умеешь просить.

Я зажмуриваюсь, считаю до трех — и сбиваю его поганую руку ударом ладони. Шлепок привлекает внимание посетителей, но мне плевать.

Габриэль до хруста зубов сжимает челюсти, нависает надо мной, словно зловещая черная тень, но я опережаю его.

— Пошел ты, Эл, вместе со своим золотым членом и миллионами. Пошел ты! Тронь меня еще раз — и я отгрызу тебе руку, пока ты будешь спать. Хочешь испытать меня? Давай, попробуй.

Он тяжело дышит, воздух со свистом выходит через стиснутые зубы, а на руках от напряжения вздуваются вены, канатами натягиваются жилы, и волосы поднимаются дыбом.

Есть одно «но» в моем пламенном спитче.

Я хочу эти поганые руки. Всегда хотела.

Но лучше лягу в гроб, чем признаюсь в этом даже самой себе.

— Стала такая смелая, как легла под очередного олигарха, — наконец, находит слова Габриэль.

Я знала, что не услышу ничего хорошего, но он оказался слишком предсказуем. И эта боль меня отрезвила, как утопленницу выволокла за шиворот из черной бездны и отхлестала по щекам.

— Ничего нового, — отвечаю с улыбкой, а у самой сводит живот от слишком частых спазмов. — Ты повторяешься, Эл.

— Не смей так меня называть, — угрожает он.

Никто и никогда не называл его Элом. Никто, кроме брата. Это Рафаэль придумал такое прозвище, и хвастался, что когда-нибудь подарит ему сделанный на заказ кулон с буквой «L», и будет всем говорить, что его брат — жутко романтичный и на самом деле Эл — это первая буква слова Любовь. Рафаэля собственная выдумка очень веселила, и я, сама того не желая, зацепила этот отголосок прошлого, чтобы напомнить Габриэлю о брате.

Напомнила, на свою голову.

Габриэль делает шаг вперед и мне, чтобы сохранить лицо, приходится мысленно приклеится к полу, чтобы не поддаться искушению сбежать. Я боюсь его так сильно, что между позвонками с частотой раз в секунду случаются хаотические разряды короткого замыкания. И с каждой волной, живот сжимается все сильнее, тошнота, словно забродивший сок, булькает уже почти у самого горла.

Я боюсь его, но не потому, что Габриэль может причинить мне физический вред. Для такого, как он, это слишком грубо и не азартно. Он — игрок, знаток более изощренных наслаждений, мастер «пикантных» пыток, игры на нервах и использования людей для собственного удовольствия. Я видела, что он делает с девочками, которым не хватило ума держаться от него подальше. Габриэль их брал, словно одноразовые гигиенические салфетки, а потом протирал обувь и вышвыривал в ближайшую урну. И никогда, ни с кем — ничего больше.

— Ты меня не получишь, Эл.

— Что? — Он хмыкает, а потом, понимая, что не шучу, начинает смеяться, словно я рассказала анекдот века. — Ты думаешь, меня интересуют твоя тощая задница и плоские сиськи? Кира, ты не в себе.

Я поджимаю губы, чтобы не напомнить, насколько он был не в себе, в тот день, когда Рафаэль привел меня в их дом, чтобы познакомить с семьей. И что через полчаса Габриэль перегородил мне выход из ванной, где я мыла руки перед ужином, и сказал, что заплатит за мою «работу ртом». А когда я врезала ему по роже, очень зло пообещал, что купит меня в агентстве вместе со всеми потрохами.

Он знал, что я работала в эскорте, но не знал, что тот день был моим первым и последним. И он при всем желании просто не смог бы меня купить.

Я морщусь, когда в ушах начинает звенеть эхо мерзостей, которые он пообещал со мной сделать, как только купит «лицензию». Но мне внезапно становится легче.

Немного, но достаточно, чтобы избавиться от дурацких мыслей о его руках и ладонях.

Это просто... я не знаю, что-то животное? Первобытное? Просто инстинкт, потому что этот самец слишком хорош, чтобы отрицать его очевидный природный магнетизм. И я — не особенная женщина, которая родилась с иммунитетом к красавчикам, поэтому будет большим самообманом отрицать это влечение. Но мне по силам ему сопротивляться.

Габриэль — не его младший брат.

Габриэль — не Дима.

Он просто изуродованный собственным ядом монстр. Чудовище, которое, возможно, когда-нибудь найдет свою Красавицу и обретет с ней мир в душе. Но это — точно не про нас.

— Ну вот и хорошо. — Натягиваю на лицо «вежливость» и молю бога поскорее вернуть в эту реальность Диму и Снежану. — Я тебя не привлекаю, меня от тебя тошнит. Надеюсь, в следующих жизнях мы больше не будем пересекаться.

Я даже пытаюсь уйти, потому что мой желудок горит так, будто я выпила подожженный керосин. Еще немного — и меня ничто не спасет от позора. Меньше всего мне хочется, чтобы Габриэль был рядом, когда еще одно мое «психологически- физиологическое отклонение» заявит о себе громкой рвотой.

Опозориться перед ним сейчас, когда я почти вышла из этой перепалки королевой — слишком жестоко даже для насмешки судьбы.

Я пытаюсь найти взглядом Диму. Он же должен быть здесь, не мог просто так оставить меня рядом с этим чудовищем. Пытаюсь подсчитать время с момента его ухода — и с ужасом понимаю, что прошла минута, максимум две, а обычно по работе Дима может говорить даже по часу.

Не надеясь на лучшее, просто иду в сторону ступенек, которые выводят прямо на пляж.

Мне бы сбежать отсюда подальше, чтобы вдохнуть, заставить свой желудок думать, что со мной все в порядке, и те пара килограммы на моих костях — они «не уродство», и все это просто выдумки моей подкошенной после пожара психики.

Я не уродина, я не уродина, я не уродина даже с ожогом...

Я уже на ступенях, и зачем-то сбрасываю босоножки. Почти со стоном окунаю ступни в прохладный песок и готовлюсь поблагодарить небеса за эту передышку, когда Он хватает меня за локоть и рывком поворачивает на сто восемьдесят градусов.

Габриэль. Я чувствую его запах, потому что от него несет чем-то жутко дорогим, настоящим на злости и отвращении. Глаза будто живут своей жизнью, шатаются в глазницах высохшими вишневыми косточками, и от этой болтанки живот возмущается новым приступом спазмов.

Теперь мне точно конец.

Потому что меня выворачивает наизнанку. Прямо Габриэлю под ноги.

Глава седьмая: Габриэль

Почему я пошел за ней, хоть в тот момент испытывал самую сильную за свой «четвертак» потребность заткнуть кого-то любым доступным способом. И заткнуть я хотел Киру, и желательно так, чтобы раз и навсегда избавить ее голову от убеждения, будто она может со мной тягаться.

Я хотел, чтобы она свалила.

Чтобы исчезла из поля моего зрения, потому что мне было уже не продохнуть, но когда она потащила свою тощую задницу к выходу, я вдруг пошел за ней. Потому что Кира как-то странно качнулась на ходу, и вцепилась в перила двумя руками, словно слепая без палки. И в этот момент она выглядела такой чертовски уязвимой, что мои бесы порвали крылья последнему ангелу, когда тот вдруг заявил, что нельзя оставлять девушку в беде, даже если эта девушка — Кира-блядь.

Если не можешь изменить обстоятельства — просто посмотри на них под другим углом.

Не дословно, но примерно так. Я пошел за Кирой и этот факт пришлось принять, как непреложную истину. Но зачем я за ней пошел? Чтобы выручать в беде? Черта с два.

Чтобы добить.

Именно так, Габриэль, ты просто идешь за ней шаг в шаг, ждешь, когда она остановится, думая, что сбежала, а потом используешь ее, как и остальных шлюх: без всяких нежностей, отдерешь ее так, что она будет выть от похоти, и просить еще. Пара фоток на память с моим членом у нее между ног — и она сама свалит в закат, даже без напутственного толковывания.

Но Кира не останавливается и шатает ее все больше. Когда накрывает так, что она чуть не заваливается на бок, я едва успеваю поймать ее за руку и повернуть к себе, чтобы она не растеклась по песку высохшей медузой. Вот спрашивается, зачем мне это дерьмо?

Я как раз пытаюсь найти ответ на этот вопрос, когда Киру тошнит почти на меня.

— Блядь, ты вообще охуела?! — ору я, взвинченный до верхнего предела своего терпения.

А вместо извинений она вытирает губы тыльной стороной ладони, моргает, на миг давая понять, что пытается сфокусироваться на чем-то у меня за спиной — и падает назад, словно использованная спичка.

Видно демоны во мне были сытыми и довольными, потому что не отмудохали ангела достаточно крепко, раз этот засранец восстал и вдруг толкнул меня к ней.

— Отвали от нее, придурок! — ревет сзади знакомый голос дяди.

И я одергиваю руки, в эту минуту жалея лишь об одном — почему нельзя отмотать время назад? Я бы точно вернулся и как следует врезал себе по яйцам за вот эту слабость. Это же Кира: продажная кукла, промокашка и девочка, которая кочует от одного мужика к другому. И мне плевать, что сейчас, на песке, она выглядит бледной, как покойница.

Пожинай, что посеяла, Кира-блядь.

— Она точно беременная, — кривляюсь я. — Когда сделаешь заявление для прессы, дядя?

Он берет ее на руки и проходит мимо, напоследок бросая:

— Кира больна, но, знаешь, племянничек, это не твоего ума дело.

И звучит это так, будто мой вылизанный чистюля-дядя вдруг отрастил яйца и научился рычать.

Я рассматриваю вмятину в песке и не без удовольствия растаптываю выпавший из волос Киры цветок. Кстати, так даже интереснее. Люблю загонять добычу с соперником.

В бар меня совсем не тянет. Там бродит Снежана и, положив руку на сердце, я уже от нее устал, хоть мы не провели вместе и суток. Понятия не имею, что буду с ней делать еще два дня, но уже сейчас мысль о том, чтобы поиметь ее не вызывает во мне никаких эмоций. Хотя, конечно, вид голой бабенки, стоящей на коленях с откляченной задницей возбудит любого мужика, если только он не конченный импотент.

Я гуляю по пляжу и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда был жив брат. Мы были погодками, но нас частенько принимали за двойнят: один рост, похожие черты лица. Только полностью противоположный цвет глаз и волос. И еще Рафу досталась аристократичная бледность нашей матери, поэтому он, с его светлыми волосами и глазами, и кожей, цвета «словной кости» полностью соответствовал материнскому представлению об ангелах. В честь которых она нас и назвала. А потом находила забавным, что я похож скорее на дьявола. Забавным это было до тех пор, пока отец, проиграв почти все наши деньги, пустил в себя пулю, и мне пришлось по макушку нырнуть в дерьмо, чтобы спасти семью от банкротства и позора. Раф остался чистеньким, потому что некоторые люди просто неспособны на хреновые поступки, на подкуп, предательство, шпионаж и все, чем живет мир медиа-магнатов.

У матери был ее личный ангелочек, красивый, умный и полностью,

кристально чистый, как слеза девственницы на лбу новорожденного младенца. И именно его она лелеяла, словно Чудовище свой Аленький цветочек. А я был просто удобным, на все способным дьяволом, который просто делал, что должен, и это тоже воспринималось как должное.

За день до того, как Раф погиб, мой «эСБэшник»^[1] предоставил огромную папку с материалами по совету директоров и распорядителей трастового фонда, который учредил еще мой дед. Оказалось, что моя мать уже давно играла у меня за спиной, и плела заговоры в духе Мадридского двора, с целью пропихнуть Рафа в совет распорядителей трастового фонда, который учредил еще мой дед, и который я, даже в самые черные дни, умудрился сохранить нетронутым, а через пару лет даже приумножил.

И я сделал то, что сделал бы любой Дьявол: по-королевски упаковал всю папку, даже не сделав копий с документов, которые были в единственном числе, и вручил ей за ужином вместе с букетом цветов. А мать просто пожала плечами и сказала, что я хорош для роли Серого кардинала, потому что моя репутация отпугивает от «ВАЛиЭН» потенциальных инвесторов, и будет лучше, если компанию возглавит Рафаэль, а я, само собой, займу пост генерального директора.

В общем, за тем ужином она много чего сказала, а я много чего понял. Например, что быть говном куда выгоднее, чем белым зайкой. Ну хотя бы потому, что когда я послал куда подальше собственную мать, у меня ничего не ёкнуло и голос совести не забил в набат.

А потом Раф погиб.

И я стал тем, кого она вынуждена была принять, хоть — в этом нет сомнений — она будет любить своего Непорочного ангела до самой смерти. И до самой же смерти будет думать, что жизнь ужасно несправедлива.

Но, несмотря на это, мы прекрасно ладим в вопросах бизнеса. И понимаем друг друга с полуслова, когда речь заходит о людях, которые становятся у нас на пути. Поэтому в вопросах сведения счетов с Кирой мы едины, как Уроборос и его хвост.

Я возвращаюсь в номер, и нахожу Снежану совершенно голой, спящей на животе.

Кажется, она немного перебрала, потому что, когда я тяну ее за щиколотки к краю кровати, что-то бормочет заплетающимся языком. Мне не нужен феерический секс, достаточно просто разрядки и пустой башки. Снежана стонет, мычит и пытается корчить из себя звезду порнофильма, но я грубо прошу ее заткнуться, а потом просто набрасываю подушку ей на лицо. Потому что в какой-то момент воображение рисует на ее месте Киру

и пустые толчки, наконец, начинают приносить удовольствие.

Я кончаю тяжело и с громкими матами, выбешенный собственными дерьмовыми фантазиями.

Это долго закончиться, как только я ее поймею.

Это просто неудовлетворенность от ее пафосного и фальшивого: «я не продаюсь!»

Конечно, блядь, ты не продаешься, ну так и я не собираюсь покупать.

Глава восьмая: Кира

Я прихожу в себя уже в номере. Прохладно, легко и ненавязчиво тянет прохладу кондиционер, на лбу — влажное полотенце. Моргаю, пытаюсь привыкнуть в тусклому освещению и миру в полутенях, который постепенно обретает контуры и линии, превращается в нашу с Димой комнату в номере отеля.

Не сразу, но все-таки пытаюсь приподняться хотя бы на локтях. Что было перед тем, как я потеряла сознание? Габриэль? Его перекошенной злой иронией лицо всплывает в орнаментах полупрозрачных штор, которые треплет ветер, и поэтому улыбка то и дело кривляется, будто этот ненормальный даже здесь, сейчас, пытается сказать мне, какое я ничтожество.

Я знаю, что ничтожество, но за свои грехи буду отвечать перед Богом, а никак не перед Сатаной.

— Эй, привет, спящая красавица...

Голос Димы буравит мою дурную фантазию, и призрачная улыбка Габриэля растворяется со штор.

— Прости, от меня одни неприятности, — говорю то, что должна сказать в этой ситуации любая воспитанная девочка. На самом деле мы оба знаем, что это просто формальная отписка, слова, за которые я прячу свое неудобное присутствие в его жизни.

Есть две вещи, которые, несмотря на противоположность, могут до абсурдного хорошо уживаться друг с другом. Первая — не всегда люди, которых мы любим, нам удобны. И вторая: любимый и удобный — это не синонимы. Поэтому как бы Дима ко мне не относился, я доставляю ему кучу проблем.

И раз уж так вышло, что прошлое не стало ждать, когда я откопаю его скелете в темном шкафу, то самое время добровольно вручить будущему мужу свое грязное белье. И надеяться, что он меня простит.

— Он просто полный урод, маленькая. — Дима гладит меня по волосам, и я обхватываю его руками. — Эта проститутка... Черт, Габриэль делает это назло мне.

Погоди, что? Назло тебе?

— Дима, я думаю, что....

Он не дает мне закончить. Отстраняется, убедившись, что мне не нужна его помощь, чтобы сесть, и встает, разделяя нас парой метров

тропической ночи и блоком лунного света. Дима жуёт нижнюю губу и все мои попытки открыть рот пресекает тяжёлым взглядом. Понятия не имею, с какими внутренними демонами он сражается, но выглядит так, будто собирается взять чемпионский кубок.

— У меня была женщина, которую я любил, — наконец, начинает он свое признание. — Очень сильно любил. Она была милой, обаятельной, умной и загадочной.

— Прямо гремучая смесь, — почему-то неуместно язвлю я. И тут же извиняюсь, взглядом предлагая ему продолжить.

— Мы были вместе примерно полгода, и я был так увлечен, что не замечал странностей, которые появились в моей жизни одновременно с ней. Но, ты знаешь, на меня работает целый штат профессиональных загонщиков, поэтому все, что проскальзывало мимо моих влюбленных слепых глаз, не проплывало мимо них. Позже я узнал, что эта женщина не была «случайной встречей», и что ее под меня просто подложили, потому что она была зависимой от дозы наркоманкой, и за «порошок» сливала всю личную информацию. Конечно же, я сразу от нее избавился. Но от чувств избавиться так же быстро не удалось.

— Давно это случилось? — машинально переспрашиваю я, вдруг понимая, что несмотря на наши теплые отношения, Дима впервые так разоткровенничался. И следом приходит мысль, что он в принципе ничем со мной не делится, и, если разобраться, то я знаю о нем почти то же самое, что знает и вся страна из газет, телевидения и политических ток-шоу.

— Около двух лет назад. — Дима вымученно улыбается и добавляет: — На самом деле, я думал, что любил ее только до встречи с тобой. И, знаешь, мне стыдно, что эти чувства появились до того, как Раф...

Он не рискует заканчивать и на несколько минут в комнате зависает душная тишина.

Я знаю, что он хочет сказать дальше, но продолжаю уговаривать себя, что на самом деле все не так уж плохо, и Дима не поставит знак равенства между моим прошлым и своей шпионкой-наркоманкой, но он разбивает мои надежды в пух и прах.

— Габриэль притащил эту проститутку просто, чтобы досадить мне. Напомнить о прошлом. Это все его грязные игры.

Мы обмениваемся понимающими взглядами, потому что нет необходимости озвучивать причины: Габриэль ненавидит меня, и ненавидит своего дядя, потому что пока я с ним, до меня нее дотянуться.

Но я знаю то, чего Дима знать не может.

Эта Снежана — она для меня. Его громкое паршивое: «Ровно столько

ты стоишь, грязнуля, и ровно то же самое я сделаю с тобой».

— Все эти продажные женщины — они просто, как мусор, — с отвращением бормочет Дима. — Липнут к ногам, чтобы вместе с грязью проникнуть в чуждую жизнь, и паразитировать на ней. За деньги, шмотки и порцию наркоты. И я даже рад, что «любимый племянничек» устроил это шоу. Теперь я точно знаю, что принял за любовь простую игру на моих слабостях.

Я надеюсь, что сглатываю не слишком громко, и что мои зубы не стучат, когда Дима приседает на пол возле кровати и кладет руки мне на колени.

— Сделай, как я люблю, — говорит уставшим голосом, и сам же укладывает мои руки себе на голову.

Мои пальцы словно по команде приходят в движение. Перебираю Димины волосы, заново прокручивая в голове все его откровения.

И все больше убеждаюсь, что мой личный Темный ангел устроил показуху для меня.

Кому как ни ему читать людей, словно открытую книгу? И Габриэль все просчитал. Не удивилась бы, покажи он почти точную запись этого разговора еще до его «рождения».

Это его мне: «Вот, что с тобой будет, грязнуля, если ты сама расскажешь о прошлом девочки-из-эскорта. Рискнешь остаться без покровителя? Рискнешь начать войну без генерала?»

Мне нужно все ему рассказать, но я не знаю, как. После этой вывернутой наизнанку души, он вряд ли сможет нормально воспринимать мой рассказ. Или я просто цепляюсь за это, чтобы не признаваться? Нашла удобное оправдание молчать?

Я так запуталась во всем, что неожиданно комната превращается в мухоловку, которая начинает медленно сжиматься вокруг меня, выдавливая из груди жалкие крохи воздуха. Баллончик лежит в кармане рубашки, и я сразу тянусь к нему, чтобы сделать спасительный вдох. Дима обнимает мои ноги и мягко, но настойчиво, покрывает невесомыми поцелуями кожу: вверх, до бедер, поглаживая пальцами чувствительную тонкую кожу под коленями. Я цепенею, потому что никогда раньше он не позволял себе ничего подобного. Смешно сказать, но даже Рафаэль позволял себе смелые ласки и как минимум пару раз видел меня совершенно голой. А Дима всегда носился, словно с куклой, и сам сказал, что хочет, чтобы все было красиво и правильно: романтическая любовь, красивая свадьба, волнительная для нас обоих первая брачная ночь.

— Маленькая, я же чуть-чуть совсем, — словно прочитав мою панику,

оправдывается он.

Я зачем-то киваю, хоть ему вряд ли нужно мое разрешение. А в голове зарождается омерзительная мысль, что он нарочно привез меня сюда, вырвал из привычной среды обитания, как рыбу, и собирается нарушить собой же установленное правило — мы не спешим, мы взрослые люди и можем контролировать свои эмоции и потребности.

Но я быстро вышвыриваю сомнения, потому что они — порождение отравы по имени «Габриэль». Все, чего он касается, покрывается ржавчиной сомнений.

— Ты такая красивая, — шепчет Дима, и его руки ощутимо впиваются мне в бедра.

А я почему-то, словно заевший на одной цифре будильник, таращусь на его безупречные ногти и идеально подрезанную кутикулу. И мысль, почему я думаю об этом, а не получаю удовольствие, стопорятся на границе, за которой маячит размытое осознание: мне просто неприятно.

Я падаю на спину, все еще сжимая лекарство в руке, и, кажется, пальцы вот-вот сплющат его, словно картонный. Дима ведет ладонями вверх, замирает около кромки трусиков, и я с шумом — громче, чем собиралась — всасываю воздух через нос. Дима не останавливается, поднимает голову и прижимается губами к моему животу, скользит языком по кромке пупка. Я втягиваюсь сразу вся, словно та странная земляная лягушка, которая в минуту опасности сжимается до состояния не аппетитной высохшей картофелины.

Я должна чувствовать возбуждение, потому что Дима мне правда нравится. В нем есть шик и шарм, у него самые потрясающие в мире соломенные волосы и совершенно фантастические серо-стальные глаза, он занимается спортом и притягивает женские взгляды. Мне невероятно повезло, что после случившегося именно Дима оказался рядом. Но я не могу заставить себя думать о везении в такой момент, потом что единственное, чего хочется — несмотря на жару, забраться с головой под одеяло.

Закрывать глаза и представить...

Веки сжимаются до красных призрачных полос, и хочется оглохнуть, чтобы не слышать, как Дима шепчет слова извинения и просит не отталкивать его, потому что он сходит от меня с ума и потому что день совершенно дурацкий, и моя кожа — все, что может его спасти. Как будто я волшебная игрушка, потискав которую, он обретет душевный покой.

«А ты и есть игрушка, — откликается внутренний голос, почему-то предательски похожий на голос Габриэля. — Дорогая красивая игрушка для

олигарха, и он купил тебя за дорогие вещи, украшения, машину и обучением по специальному эксклюзиву а ля «будущая жена влиятельного политика».

— Я просто с ума от тебя схожу, — говорит Дима, взбираясь сверху, зажимая мои ноги своими коленями.

Мне не нравится чувствовать себя беспомощной, и первая попытка вырваться приходит неосознанно. Я толкаюсь, вытягиваю спину, мотаю головой в безмолвной попытке провозгласить свое категорическое «Нет!»

— Шшшш, — успокаивает он. — Я не буду до конца, не заводись, маленькая.

Но уговорить себя лежать без движения никак не получается. Это все равно, что лежать на раскаленных камнях под солнцем, и не замечать слезающую кусками кожу. И хочется схватить Диму за щеки, заставить посмотреть мне в глаза и до сорванного горла орать, почему же он не видит, что что-то не так. Со мной, с ним, с нами?

Кто-то стучит в нашу дверь. Дима вскидывается, мотает головой и смотрит на меня так, будто только что проснулся и не понимает, как мы очутились в одной постели. Время позднее, но я заранее благодарна любому, кто вторгся в этот поганый сон наяву.

— Прости, ради бога... — Он сдавленно дышит и после третьего удара, кричит: — Да иду!

Только когда он выпадает из зоны моего личного комфорта, я перевожу дыхание.

Меня словно заново запустили, подключили к аппарату после кратковременной остановки сердца. И порция живительного лекарства из баллончика, тает на языке.

Дима возвращается через минуту с полным подносом всяких фруктов и бутылкой вина в ведерке со льдом. Обслуживание в номер здесь по часам, но для постояльцев их «люкса» особые привилегии. И мне противно от того, что я наслаждаюсь ими, будто имею на это право, будто уже заплатила аванс своим телом.

— Прости, маленькая, — он выглядит искренне огорченным из-за того, что перегнул палку.

А я чувствую себя полной стервой, потому что чувствую облегчение, что хотя бы сегодня мы не переступим ту самую черту.

Глава девятая: Габриэль

Я люблю первоклассные гостиницы, потому что в них есть просто роскошные крытые бассейны для таких, как я, любителей задать телу предельную нагрузку в шесть утра.

Все нормальные люди, прилетая на Бали, отсыпают жопу минимум до полудня, а я, закинув на плечо полотенце, собираюсь задать своим мышцам жару.

Но в общем, это все та еще хрень, потому что мне просто хочется свалить из номера. Из номера, в котором от Киры меня отделяла только треклятая стена. И я дошел до того, что проснулся в три часа ночи с вполне оформленной мыслью, что я запросто, если захочу, могу вывалить ее кулаком и вытащить грязнулю из дядиных объятий. И вот с таким говном в голове я сражался до самого рассвета, а теперь, проиграв, бегу с поля боя.

Бассейны для плавания находятся на противоположной стороне, и когда я прихожу, персонал гостиницы как раз раскладывает на лежаки свежие полотенца. Завидев меня, девочки в форменных костюмчиках, тут же подбираются, но я прохожу мимо, даже не взглянув. Никогда не понимал тяги к излишне загорелым, словно пережаренная курица-гриль, девушкам. К тому же коротышкам. И совершенно одинаковым. Не конфетное ассорти, а заводской брак: вроде и должны быть одна в одну, но почему-то отличаются и это бесит.

Я успеваю сделать пару кругов, разогреться до энергичного заплыва, когда замечаю возню с другой стороны. Смахиваю воду с волос, но она все равно течет по ресницам и слепит, мешая сосредоточиться. Либо я окончательно спятил, либо это действительно Кира. В каком-то нелепом, полностью на хрен закрытом купальнице кислотного желтого цвета, словно она на полставки подрабатывает ловушкой для насекомых.

Она останавливается у края доски, вертит в руке шапочку для волос, как будто плавать в ней или без нее — вопрос, без которого завтра не взойдет солнце. Но все-таки откалывает шапочку на лежак и медленно идет по доске, к самому краю.

Сосредотачивается, поднимает руки и делает вдох, а потом подпрыгивает на одной ноге, чтобы, сделав почти профессиональное сальто, с головой уйти под воду.

Я что есть силы тараню ладонью висок, выколачивая эту картинку, потому что мне ни хрена не нравится, как основательно я на нее залип.

Понятия не имел, что она умеет такое вытворять. Может быть, девочек из эскорта учат и таким трюкам? Слышал, что некоторых в самом деле обучают делать минет и картинно стонать, чтобы заказчик точно знал, что за свои деньги отжарит ее по полной.

Кира замечает меня сразу, потому что от того места, где она всплывает, до меня чуть больше одного касания. И паника в ее глазах превращается в штормящий всяким зеленым дерьмом океан, и меня туда втягивает, словно в воронку.

Она подбирается, быстро плывет до лесенки и выходит наружу, но я все равно догоняю ее около лежака и успеваю завладеть полотенцем до того, как им оно попадет Кире в руки.

— Отдай, пожалуйста, — просит она, и, если честно, я бы взял эту ее вежливость и подтерся ею, потому что большего эти слова не стоят.

Но я тупо таращусь на ее грудь, потому что купальник намок и соски Киры стоит торчим, плотно натянув материал. Это словно... я нее знаю, что. Искать подарки на рождество и в коробке из-под скучного конструктора вдруг найти айпад. Потому что Кира и «грудь» в моей вселенной не пересекаются, а тем более там нет места слюням, которые я на нее пускаю, будто мальчишка, впервые в жизни увидевший в порно голую бабу.

— Прекрати.

Голос Киры выгружает меня из подвисшего состояния, а когда она, очевидно увидев мой взгляд, обхватывает себя руками за плечи, я вдруг понимаю, что в плавках мое «приятное удивление» выпирает наружу с очевидностью, достойной судебного иска за непристойное поведение.

Она пытается отобрать у меня полотенце, тянет руку и совершает, возможно, вторую по величине ошибку своей жизни, после знакомства с моим братом — пытается забрать у меня полотенце. А правда такова, что я никогда и ничего не возвращаю по принуждению. С таким же успехом Кира могла бы попытаться отобрать застрявшую в пасти бульдога тряпку.

Она оступает, я отклоняюсь назад — и Кира, бесполезно взмахнув руками, падает на меня.

Она меня ни капли не привлекает, как женщина, она — тощая доска, совершенно лишенная сексуальности вечно нахмуренное существо. Да у самки богомола чувственности больше, чем у этой шлюхи, но херня в том, что есть определенные вещи, на которые я продолжаю откликаться. Например, на то, что когда ладонь на автомате опускается ей на задницу, кожа буквально зудит от ощущения упругого тепла. Нет у Киры-бляди жопы, но мое тело с этим утверждением категорически не согласено.

У Киры с запозданием включается зажигание, и она вдруг распахивает свои криптонитовые глаза, когда я вдавливаюсь в нее своим стояком.

— Это просто физиология, грязнуля, — сыто ухмыляюсь я. — Не принимай на свой счет.

Мне нравится, что сейчас она вынуждено прижата ко мне так сильно, что ее соски почти болезненно царапают мою грудь. И почему-то в голове гуляют мысли о том, что я, наверное, мог бы стащить с Киры купальник и попробовать их наощупь. Но это просто херня, что-то из разряда мыслей, которые посещают вегетарианца, когда он видит аппетитный кусок мяса: я понимаю, что Киру хочет не моя голова, а мой член, а я не иду на поводу у этого засранца.

И я бы, возможно, отложил веселье до другого случая, если бы нее этот блядский взгляд. Она реально смотрит на меня, будто на кусок дерьма, и румянец, который минуту назад раскрасил ее щеки, испаряется без следа. И я снова ни хрена не понимаю, о чем она думает, потому что за этой маской может быть все, что угодно: от похоти до полного безразличия. Не удивительно, что во мне просыпается охотничий азарт. Я должен вытряхнуть ее наружу из уютного мирка самозащиты, должен содрать с нее кожу и посмотреть, что под ней, и у меня нет ни единого разумного объяснения этой потребности. И я скорее позволю дать себе под зад, чем признаю, что это болезненная одержимость.

— Как тебе моя зверушка? — спрашиваю я. — Знаешь, она отлично, просто первоклассно сосет, до самого горла. Вас этому специально обучают? Хочешь, проведу экзамен на профпригодность? Я как раз в нужном настроении.

— Больной ублюдок, — огрызается Кира, и я пользуюсь моментом, чтобы перекинуть полотенце ей через голову, и прижать к себе. Из-за разницы в росте Кире приходится задрать подбородок, и я только надеюсь, что эти ущербные глаза не прожгут во мне дыры. — Извращенец.

Я прищелкиваю языком и наматываю края полотенца на кулаки, поэтому Кире, если только она не самоубийца и не любительница игр с удушением, приходится подняться на цыпочки. Почти уверен, что меня стошнит от одного ее дыхания, но ... ничего нее происходит. Меня словно заряжают жидким электричеством и искры со свистом пролетают по венам. И что-то душит меня, хватает за глотку и мешает выдохнуть, потому что при следующем вдохе я обязательно схвачу ее поганое дыхание, и оно просочится в мою кровь вместе с чертовыми кровяными тельцами, которые гонят по венам кислород.

— Придумай что-то пооригинальнее, Кира-блядь, — говорю я,

справившись с чувствами.

Я умею держать себя в руках, и тем более перед заносчивой эскортницей, а мысли, блуждающие у меня в черепной коробке — просто отголоски человечности. В конце концов, я не родился на свет беспринципной сволочью — для этого мне пришлось долго над собой работать. — А заодно придумай, почему ты уже течешь на меня, как последняя сучка.

Прежде, чем она успевает что-то сказать или сделать — я читаю в ее поганных глазах желание расцарапать мне рожу — завожу руку ей между ног и накрываю ладонью промежность.

Глава десятая: Габриэль

Я пристально всматриваюсь в лицо Киры, хочу поймать румянец стыда, увидеть, как от смеси праведного гнева и похоти на ее глаза набегут слезы, но ничего не происходит.

Она даже не шевелится, не пытается сбежать, и это явно не ступор. Она просто холодная ледышка, которую я трогаю между ног. И от жара в развилке между ее бедрами становлюсь просто каменным, и приходится сжать челюсти до хруста зубов, чтобы не отодвинуть в сторону клочок ткани и попробовать, какая она изнутри. Такая же, блядь, ледяная? Она что, фригидная?

— Что такое, Эл? — Кира медленно и ядовито растягивает губы в улыбку, от которой моя потребность поставить ее на колени и просто грубо оттрахать, становится совершенно, невыносимо болезненной. — Ну, давай.

Она чуть-чуть щурится, и под светлыми ресницами зелень глаз просто, на хрен, вышибает из меня мозги. И я впервые в жизни чувствую себя беспомощным, словно мне подарили куклу без инструкции к использованию, и что бы я с ней не делал — она все равно не заведется, не откроет рот и не станет податливой и на все согласной малышкой.

И в том, как она вдруг разводит ноги в стороны, нет ни капли желания. Я поймел столько женщин, что научился чувствовать их желание по одному взгляду, а Кира — даже если это со всего размаху лупи по моему самолюбию — совершенно меня не хочет.

— Как ты там любишь говоришь? — Кира тянется к моим губам, и у меня мурашки бегут по коже, так хочется швырнуть ее в проклятую воду. — У меня на тебя не встает.

— Захлопни свой поганый рот, Кира, — цежу я буквально по звукам, словно жадный ростовщик.

И все-таки вижу слезы в ее глазах, от которых взгляд покрывается мутным туманом.

Она будто здесь и не здесь, словно я держу в руках лягушачью кожу, из которой только что вылетел дракон, и мне ни хрена не смешно от такой трансформации.

— Ты просто боишься меня, — с каким-то безумием шепчет Кира, но ее слова пропитаны колким, словно стеклянные сколы, ядом злости. — Надо же, кто-то вдруг дал отпор великому Габриэлю. Ну так давай поднимем ставки.

Она тяжело дышит, грудь часто поднимается и опускается, и когда Кира приоткрывает рот, чтобы судорожно смочить языком губы, я какого-то хера вздыхаю, и все-таки убираю ладонь. Нужно срочно вымыть руки с мылом, вычистить термоядерным средством, чтобы даже под кожей не сохранилось ни капли ее запаха.

Но Кире уже все равно: мы уже так близко, что почти прикасаемся друг к другу носами.

— Хочешь трахаться, Кира? — взрываюсь я, потому что оглушение спадает одновременно с ее всхлипом, в которой столько животной потребности, что самец во мне просто не может игнорировать очевидный призыв.

— Хочу, чтобы ты исчез из моей жизни, — твердо бросает она и вдруг обнимает меня за шею, словно ядовитый плющ.

— Прекрати, блядь, корчить из себя куртизанку, — каким-то совершенно задушенным голосом, хриплю я. У меня на глотке и правда будто сотня скрюченных пальцев, и каждый жмет на болевые точки, о существовании которых я раньше даже не догадывался.

— Я не куртизанка, Эл, я шлюха, — смеется Кира. — И ты, холеный золотой мальчик, бесишься, что эта шлюха тебе не дала.

Я понимаю, что она собирается поцеловать меня своими бледными губами и крепко, до противного зуда, сжимаю рот. Боюсь дышать, потому что каждая «затяжка» ее запахом — это словно глоток сока запретного плода. Собираюсь оттолкнуть ее, послать на хер, собираюсь угрожать свернуть шею, словно безмозглому цыпленку, но не успеваю ровным счетом ничего, потому что Кира впивается в меня жалящим поцелуем, от которого я каменею.

Она — треклятая Медуза Горгона со вкусом толченой звездной пыли. Все силы уходят на то, чтобы не разжать губ, не поддаться на провокацию. Чтобы просто не сдуреть. А она нарочно, открывает рот и лижет мои губы, как какое-то животное, и это так мерзко и желанно, что я позволяю ей и дальше делать со мной это ненормальное дерьмо.

— Ты и правда шлюха. — Кого я убеждаю? Себя, ведь мгновение назад Кира сама в этом созналась.

Я хватаю Киру за плечи, сдавливаю смертельными тисками, в которых трещат ее ребра.

Хочу ее. Не как продажную девку. Просто, как Киру. И это самая дерьмовая правда моей жизни за последнее время.

А потом этот Ядовитый плющ вгрызается в мой рот, и я воплю от боли, потому что Кира едва не прокусывает мне губу. Она сплевывает кровь

в бассейн, подбирает с пола полотенце — и сваливает в гребаный рассвет, словно Королева, уделавшая дракона шпилькой для волос.

Я просто стою возле бассейна и чувствую себя так, будто это не я ее хотел поиметь, а она меня — хотела и поимела, и для этого ей даже не пришлось стаскивать с меня трусы.

Это что за на хрен сейчас было?

Несколько долгих минут я бултыхаюсь в собственной беспомощности, и впервые в жизни чувствую себя на хрен отыметым по полной программе. И ее губы на моих губах, бя... Тру рот тыльной стороной ладони, до красноты, до жжения, чтобы вытравить из-под кожи впрыснутой этой гадиной отраву, но ничего не помогает. Я чувствую ее вкус сильнее, чем собственную кровь, которая теперь у меня на ладонях. Щупаю кончиком языка припухлость и морщусь от боли. Эта дрянь явно не сойдет за несколько дней, а значит, я буду носить на себе метку Киры. А это значит, что всякий раз, когда я буду пить кофе или коктейль, или тупо бухать в баре, она о себе напомнит.

Я возвращаюсь в номер с сумасшедшей башкой и полным непониманием, как же так получилось. Как я вдруг стал жертвой, хотя я загонял эту дрянь как настоящий охотник. Я ведь чувствовал, как сильно она меня боится, как растягивается оголенным нервом вся сразу, до пальцев на ногах. Может, она была под кайфом?

Я практически вываливаюсь из горячего душа, смазываю дымку пара на зеркале и «любуюсь» раной на нижней губе. И за каким-то хреном скольжу по ней языком, и снова оказываюсь на грани долбаной смеси отвращения и желания. По-хорошему, сейчас самое время валить отсюда подальше. Привести мысли в порядок, придумать новый план по превращению жизни Киры в кошмар, но меня выкручивает от одной мысли, что я сяду в самолет, а она в это время будет отсасывать моему дяде, и он, возможно, будет лупить ее по заднице, чтобы старалась усерднее. И в этот момент мерзкий полудохлый ангел шепчет мне на ухо разбитыми губами: «Нет, придурок, это твоя фишка — шлепать самку по заду, и это тебе до каменного стояка хочется врезать по ее тощим булкам, пока она будет держать твой член глубоко в горле, и кончить в тот момент, когда она застонет, принимая боль как награду».

Чтобы вытравить ее вкус, извожу почти полтюбика зубной пасты, но Кира словно въелась мне в язык. Ни черта не помогает. Еще и Снежана просыпается и прется в ванну. Слава богу, хоть не трогает, а то бы я оторвал ей руки. И все равно, когда я случайно замечаю ее взлохмаченную голову у себя за спиной, нервы окончательно разъедают терпение.

Не та, блядь, голова. И не тот рот. И вообще все не то.

Я с трудом понимаю, что делаю, когда со всего размаха тараню кулаком стекло.

Снежана взвизгивает и с криками «ты больной!», вылетает наружу. А я смотрю на сотни своих отражений, которые разбегаются по спирали, и мне становится легче от того, что костяшки кровоточат.

Я трезвею. Это хорошо.

Больше никаких слабостей, только пустой трах, чтобы подарить любимому дяде эксклюзивное видео, и вытолкать Киру-блядь из своей жизни.

Сую кулак под проточную воду и, практически не чувствуя боли, вытаскиваю из кожи кусочки стекла. То, что доктор прописал для моей почти не прекращающейся эрекции.

— Дай хоть перевяжу, — спохватывается Снежана, когда я возвращаюсь в спальню.

Видимо вспоминает, что может получить сверх положенного, если будет хорошо стараться, а ее приступ истерики этому никак не способствует.

— Свали на хер и сделай так, чтобы я тебя не видел, — говорю я, накидывая рубашку.

К пяти часам вечера я успеваю купить преуспевающую электронную газету. Которая заметно портила жизнь моим изданиям. Она, конечно, не стоит тех денег, что пришлось отвалить, но я все равно не собираюсь использовать ее по назначению, разобью на пару мелких изданий, а продам по кускам. Так я обычно поступаю со всем, что усложняет мне жизнь: покупаю, ломаю и выбрасываю.

А когда я готов поверить, что жизнь налаживается, на горизонте появляется мать.

Вместе со своей вечной протее — Анечкой из рода Беловых. Дочери того самого музыкального продюсера, который специализируется на раскрутке молодых звезд. Он и из Анечки пытается вылепить этакую Рианну отечественного разлива, но пока что продукт отцовской любви больше похож на Рианну версии «тот самый дешевый Китай».

Зато моей матери Анечка очень нравится, и она даже не скрывает, что заделалась нашей сводней. Только потому, что в руках моей семьи основные медийные каналы и издания, я не даю спелтням об их тесной дружбе расползаться дальше положенного.

Не потому, что мне неприятно быть заочно сосватанным, а из здравого расчета. Пока я хожу в статусе почетного холостяка, многие богатые

папаши предпочитают не сражаться со мной в открытую. Как знать, вдруг придется породниться.

Мать сухо чмокает меня в щеку и тут же заявляет, что я просто обязан сводить Анечку на прогулку по пляжу и показать ей местные достопримечательности, как будто мы не на долбаном тропическом курорте, а в Лондоне или Париже.

— А это кто? — спрашивает она, когда в баре гостиницы ко мне подходит Снежана и, как порядочная, отрабатывает свои деньги попыткой меня приласкать. На этот раз я это позволяю, потому что Анечке самое время открыть глаза и увидеть человека, за которого ее хочет выдать моя мать. Судя по ошалевшим глазам «китайской Рианны», она была обо мне лучшего мнения.

— Это проститутка, — говорю я, опрокидывая в себя порцию белого рома. Горло обжигает приятной горечью, словно я без последствий проглотил лезвие. — Я забочусь, чтобы не подхватить заразу от местных. Считай, что это прививка.

Мать жуёт губами и укладывает ладонь Анечки себе на сгиб локтя, похлопывая с покровительством всесильной женщины.

Анечка, конечно, не страшилище, но точно не в моем вкусе. Хотя бы потому, что меня не привлекают поделки врачей. На ее идеально ровном носу, яблочках щек, разрезу глаз и даже сиськах висят пятизначные ценники. Не представляю, что должно случиться, чтобы мне захотелось держать возле себя ходячую рекламу пластической хирургии.

Но что-то все-таки случается.

— Мы ужинаем вместе с моим братом, — говорит мать. — Ты должен пригласить Аню.

Ужин с Димой.

Хотя, нет, правильнее будет сказать — целый длинный вечер с Кирой.

Моя мать ведет какую-то свою игру, но что-то мне совсем не хочется вникать в ее планы.

Глава одиннадцатая: Кира

— По-моему, к этому образу чего-то категорически не хватает, — вкрадчиво говорит Дима, когда я верчусь перед ним, только что встав из кресла стилиста.

Толкает меня к зеркалу... и я знаю, что будет дальше. Он частенько проделывает один и тот же «трюк» — становится сзади и надевает на шею дорогое украшение. Сегодня это обруч из белого золота с сапфировой подвеской в форме ракушки. Красивая вещь, которая бы обрадовала любую женщину, а меня душит, как будто на шею накинули петлю.

— Тебе нравится? — Дима ведет пальцами вдоль по моим ключицам и сокрушенно вздыхает, одними губами говоря, что мне нужно больше есть.

Обязательно. Я обязательно научусь есть больше, жить, как все нормальные люди.

Получая удовольствие от еды и не комплектовать по поводу своей испорченной внешности, но точно не сегодня. И, если не врать самой себе, не в ближайшее время.

— Очень красивое, — отвечаю я, и поворачиваюсь, чтобы поблагодарить Диму поцелуем.

И снова все ломается. Необратимо, прямо с обрыва, без шанса уцелеть, летят в пропасть мои попытки отделаться от мыслей о Габриэле. Я, как ребенок, целый день выстраивала защитные стены, убеждала себя, что я в само деле совсем ничего не почувствовала, и что моя игра была безупречной, но вдруг оказалось, что моя крепость была из песка, ее смыло первым же штормом реальности.

Дима обнимает меня за талию и потирает к выходу. Сегодня у его друзей, с которыми мы здесь отдыхаем, важное событие — они хотят сделать заявление о том, что обручились. И меня подворачивает от одной мысли о необходимости улыбаться, радоваться и источать счастье за других. И там будет Габриэль. И его мать. Дима «осчастливил» меня этой новостью часа два назад, а я до сих пор не придумала ни одной маломальски рабочей стратегии сопротивления этому семейству.

Я просто не смогу там находиться, потому что до самого нутра, до рези в желудке хочу еще хотя бы один поцелуй человека, которого ненавижу всей душой. И эта потребность такая сильная, что просто странно, как до сих пор не проступила на лбу предупреждающей надписью: «Эта женщина насквозь порочная».

Зачем я его поцеловала? Потому что хотела его попробовать, как грешница, не удержалась перед яблоком искушения.

— Ты слишком переживаешь из-за всего этого, — догоняет меня Дима, и берет за руку, переплетая наши пальцы в неразрывный замок. — Я не дам тебя обижать, Кира.

— Знаю, — натужно улыбаюсь в ответ.

И знаю, что даже если он будет очень стараться, Габриэль с его ненормальной матерью все равно разделают свой персональный десерт — меня.

Мы выходим из гостиницы в приятные тропические сумерки, и я позволяю себе вольность немного расслабиться, попробовать кожей легкий ветерок со вкусом морской соли и будущего дождя. Я благодарна Диме, что он делает мою жизнь наполненной, и я больше не пустая бутылка. Правда, и не дизайнерское винтажное изделие, которое любой коллекционер захочет к себе на полку. И если я не придумаю, что делать за этим ужином, то превращусь в бутылку с призывом о помощи.

В баре занята целая секция, куда вход только по приглашениям. Мы с Димой приходим как раз, когда официанты один за другим приносят подносы с закусками. Все выглядит невероятно аппетитным, и я с облегчением перевожу дыхание, потому что с момента, как мы сюда приехали, это мой первый действительно настоящий голод.

Габриэля и его матери еще нет, но остальные гости в сборе. Шумная компания из шести человек, и Дима мгновенно перетягивает на себя внимание. Все хотят завести знакомство с перспективным политиком, поэтому меня почти не замечают, пока подружка со стороны обрученной не замечает кольцо у меня на пальце. Выгибает бровь в таком жесте понимания, мол, все с тобой ясно. Я прикусываю кончик языка, чтобы не бросить что-нибудь сгоряча, и сама себя ругаю за несдержанность. Что со мной такое? Я же не конфликтный человек, и всегда предпочитаю отдать победу в споре, чем отстаивать ее с пеной у рта.

Ответ приходит вместе с последними гостями: Габриэлем, его матерью и девушкой, которая, судя по цепкой хватке на его локте, пришла с ним. Ее лицо кажется смутно знакомым, но я избавляюсь от этой мысли, ведь гораздо важнее другое — я стала такой нервной из-за него, Габриэля. Он заразил меня, словно вирус, и от терпения и благоразумия остались жалкие испорченные баррикады.

Я с облегчением опускаю взгляд в бокал с коктейлем и, кажется, провожу так первую половину вечера. Изредка поворачиваюсь, чтобы обмолвиться парой слов с Димой, охотно поднимаю бокал, присоединяясь к

пожеланиям счастья, любви и других слов, которые принято говорить в таких случаях. И мне даже почти удается отделаться от мысли, что я — микроб на стекле под микроскопом с увеличительной способностью Хаббла^[2], мать Габриэля откашливается и, постукивая кончиком ножа по бокалу, просит слова. Весь вечер она мило шутила, и даже общалась с Димой, но именно сейчас отвратительное предчувствие пробирает меня до костей.

Она говорит длинную речь, наполненную уместным в этом случае пафосом, но каждое слово выкручивает меня про спирали вверх, туда, где кончаются все предположения, чем же она закончить эту театральную миниатюру. Ни малейшей мысли по этому поводу.

— Надеюсь, когда придет время, мой брат, и мой сын встретят таких же достойных девушек, которые украсят собой нашу семью, — заканчивает она до противного спокойно. — Не всем суждено встретить настоящую любовь с первого раза, но всем даны глаза, чтобы разглядеть подделку.

За столом виснет неловкая пауза. Мать Габриэля поднимает бокал и мне так сильно хочется, чтобы все гости просто встали — и ушли, что за это я готова продать душу дьяволу. Но это было бы слишком сказочно, поэтому весь тост сводится к послевкусию: «мы сделаем вид, что ничего не поняли и просто запьем эту дрянь свежей порцией «Дайкири».

Я отодвигаю свой коктейль нетронутым. Просто кладу пальцы на стеклянный кругляш ножки и медленно толкаю прочь от себя. И нарочно скребу ногтями по полированной столешнице, и, по-моему, даже улыбаюсь сквозь зубы.

— Что-то не так? — слышу обращенный ко мне вопрос.

Поднимаюсь, плюю на то, что опрокидываю стул и грохот нарушает чью-то счастливую идиллию. Я должна посмотреть в лицо своему страху, потому что, в конце концов, это просто смертная женщина, даже если она богатая расфуфыренная стерва и собственном прокрустовым ложем^[3], куда я никак не укладываюсь.

Когда я смотрю на нее, то на миг в глазах Валентины проскальзывает что-то вроде удивления, и даже эту мелочь я записываю на свой счет. Не такой уж я отважный вояка, чтобы брезговать маленькими победами. Что, богатая стерва, не ожидала? Думала, кролик подожмет уши?

— Для женщины вашего круга и образования, Валентина, вы слишком грубо ерничаєте.

Цинизм не любит пошлости. Попробуйте в следующий раз быть чуточку оригинальное, прямолинейность удел хабалки с рынка, а не тетки

будущего президента. Ну или обратитесь к Диме: уверена, у него есть пара грамотных менеджеров, которые поработают над вашими высказываниями. И да, я не буду пить за этот поганый тост.

— Валентина, прекрати, — рычит где-то поблизости Дима, но я уже выпала из этой системы координат и улетела в другую солнечную систему, чтобы найти более благоприятную планету и прилипнуть к ее орбите. Хорошо бы, чтобы бона была полностью необитаемой и за поясом астероидов.

О чем я только думаю?

Я смазываю горечь улыбкой и демонстративно откланиваюсь в пояс, потому что уже не важно, буду ли я пай-девочкой или пацанкой с полным ртом нецензурных слов. Меня только что демонстративно расчленили и все присутствующие выпили мою кровь, так что пусть катятся к черту. Нужно быть честной хотя бы самой с собой — я человек не из их круга, и никогда не стану такой, как они. Я притворщица и дрянь, но я хотя бы не вытираю ноги об чужие души.

И самое главное — если я немедленно отсюда не уйду, то и сама превращусь вот в такую «Валентину»: бессильную в собственной злобе одинокую королеву жизни на троне из кроличьих костей. Но сегодня она по крайней мере не станет выше за счет моей сломленной спины.

Хорошо, что здесь, куда ни выйди — всегда окажешься на пляже. Я стягиваю босоножки кончиками пальцев на ногах, и оставляю за собой, словно две громадные хлебные крошки. Дима меня догонит, но сейчас он делает то, что ему диктует политическая дрессировка: ставит на место оппозицию, крушит несогласных убийственными аргументами и проводит блестящие дебаты. Почти жаль, что не на камеру.

Может быть, я заблужусь среди этого неба? Потеряюсь среди звезд? Ну или на крайний случай сбегу в джунгли, и может быть проживу там счастливую, но короткую жизнь человека с минимальным набором прививок от всяких тропических болезней.

Эта мысль так меня заводит, что какую-то часть пути я просто бегу: подобрав легкую юбку до самых бедер, врезаясь пятками в песок, подальше ото всех. И только когда свет от «цивилизации» теряется в тусклой полоске у меня за спиной, останавливаюсь, чтобы перевести дух. И просто падаю на песок, скручиваясь раковиной.

Может быть, утренний прибой оближет мне ноги и смоет с тела чужую желчь, а, может, меня смет в океан, и я стану рыбой-клоуном.

— Кира!

Нет, господи, только не он.

Глава двенадцатая: Габриэль

Она лежит у моих ног, словно русалка: бледная, худая, с волосами, будто вросшими в песок. И тяжело дышит, потому что бежала так, что я еле за ей угнался. А зачем гнался? Кто бы ответил на такой простой вопрос? У меня ни малейшей трезвой мысли на этот счет. Есть только сносное оправдание для той части меня, которая желает растоптать эту заразу и не гнушается никакими способами: «официально», я пошел за Кирой, чтобы, пользуясь ее состоянием, поймать одну и закончить начатое матерью — добить.

Но я не могу.

Просто не могу даже до нее дотронуться, пока она издает такие звуки, словно дышит через забитую землей трубку в горле. Я должен поставить ее на ноги, убедиться, что она не скорчится в судорогах и ухватиться за этот повод засудить мою мать за моральное издевательство.

— Уйди, — не поворачиваясь, просит Кира. — Простой уйди. Хочешь поиздеваться? Я вся твоя завтра утром.

Я хочу сказать, что не в моем вкусе травить стегать загнанную лошадь, но почему-то молчу. И почему-то присаживаюсь на корточки, протягиваю руку, чтобы притронуться к ее плечу. Но не притрагиваюсь, так и держу ладонь в свободном парении над ее плечом, и убеждаю себя в том, что просто не хочу снова вляпываться в ее запах.

— Не люблю играть с полудохлыми мышами, — говорю сухо и грубо.

Отлично, мужик, у тебя просто охеренно выходит. Еще немного — и ты сам согласишься, что сейчас тебе ее ни капли не жаль.

Жалость — это сострадание. Сострадание — это сопереживание. Сопереживание — это слабость. Кира — добыча, а я — хищник, и наша история точно не про льва и собачонку, которую подбросили ему в клетку. Хотя бы потому, что свой ужин я собираюсь сожрать.

Но для начала расшевелю.

Волку не интересно задирать покорную овцу.

Кира поджимает колени к животу, молчит.

— Ты, блядь, худая, как жертва вынужденной голодовки, — зачем-то озвучиваю свои мысли. — Что с тобой такое? Дядя не любит нормальных женщин?

Она медленно, словно преодолевая притяжение с другой стороны, поворачивается ко мне лицом. Смотрит своими погаными глазами и

говорит тихо-тихо, как будто нас могут подслушать:

— А ты? Ты любишь? А то вдруг не встанет на суповой набор — и все планы мести насмарку.

У нее какая-то хмельная улыбка, хоть я следил за ней вечер и Кира точно не могла «поплыть» от одного коктейля. Хотя, если ничего не ела...

Да какая мне разница!

— Вернись за стол, Кира, — предупреждаю я. Раз она огрызается, значит точно не при смерти.

— Ты не ответил на вопрос, — издевается она.

А потом вдруг кашляет и вскидывается всем телом, словно не долетевшая до воды летучая рыба.

И начинает задыхаться.

Даже в сумерках я отчетливо вижу, как у нее синеют губы, как кожа становится белесо-серой, без признаков жизни, как у свежей мумии в саркофаге. Кира прикладывает руки к верхней части груди, сжимается в болезненных судорогах и хватает воздух широко распахнутым ртом.

Что с ней такое? Я же и пальцем ее не тронул?!

— Кира, что... — Я хватаю ее за плечи и тяну на себя, зачем-то стучу ладонью по спине, как будто она могла подавиться кислородом. — Кира, ответь, что такое?!

Бес толку, она просто мотает головой и показывает на свое горло. Может, в самом деле подавилась? Но это все равно не имеет значения, потому что она оплавляется у меня на руках, словно свечной огарок. Тело теряет упругость, грузно тянет вниз, словно неправильные песочные часы. И с каждый нервным всхлипом, что-то во мне громко отчаянно колотит в череп, прямо в заднюю стенку, словно там у меня медицинский чип, который обязательно найдет ответ на эту загадку. Но я не долбанный доктор Хаус, я не знаю, что с ней! Я знаю только, что, если срочно чего-нибудь не сделаю, она умрет прямо у меня на руках.

— Мое... лекарство... — вялыми губами едва слышно хрипит Кира. — В... сумке...

Наверное, сумка осталась в баре, но я не знаю, хватит ли мне силы оставить Киру одну.

Это задача, где каждое известное все равно неизвестно, потому что здесь и сейчас мне нужно сделать выбор, даже приблизительно не зная, будет ли он правильным.

Кира наклоняется вперед, и ее голова падает мне на плечо, и я чувствую, как рваное дыхание практически сходит на нет, и почему-то ее слезы у себя на рубашке, хоть совершенно точно, что этого не может быть.

Я хочу взять ее на руки, но Кира, пусть и вяло, отталкивает мои руки.
— Жить надоело? — зверею я.

Если она еще хотя бы раз попытается меня остановить — я ей точно голову откручу.

Сначала вытащу ее с того света, а потом собственноручно туда зашвырну. Но на сопротивление у Киры уже не сил, и она делает громкий, наполненный обреченностью холостой вдох, и закрывает глаза. Я бью ее по щекам, чтобы привести в чувство, что голова просто безвольно качается по плечам, и волосы рисуют зловещее предсказание на песке.

— Кира! — Теперь трясу ее, словно умалишенный, и, наверное мой крик слышен на весь чертов остров, но мне плевать. Она должна открыть глаза, должна хотя бы попытаться вдохнуть, потому что я не донесу ее живой.

Но сколько бы я ни орал, ей, как обычно, плевать на все. Может быть, она уже умерла?

И почему у меня дрожат пальцы и сердце огненной хлопушкой взрывается в груди, когда прикладываю два пальца к артерии на ее шее? Пульс есть, но я едва его чувствую.

И удар, который украдкой толкается мне в пальцы — словно мольба о помощи.

Что это? Злая насмешка судьбы? Ее ядовитая ирония? Почему именно я должен спасать убийцу своего брата?

У меня нет ни единого ответа, зато есть потребность вытащить Киру с того света. Если она и отправится в свой персональный ад, то точно не здесь и не со мной, не запачкает мои руки своей смертью, не отравит меня сожалением.

Мысли текут вязко, словно загустевшая карамель, и когда я закрываю рот Киры своим ртом, единственное, о чем я могу думать — я должен заставить ее вдохнуть. Даже если придется затолкать свое дыхание кулаками ей в горло. Свободной рукой зажимаю ей нос, и вталкиваю воздух ей в легкие. Еще раз, стараясь не думать о том, что ее холодные губы разбивают меня в пух, и прах. Она словно Снегурочка из сказки, а я — идиот, которому совсем сорвало крышу, раз нее боюсь отравиться ее, возможно, последним вдохом.

Я роняю ее на песок, на ходу вспоминаю, как и куда нужно давить, чтобы сделать массаж сердца, но Кира вдруг оживает: громко хватает воздух, словно ее выбросило в открытый космос, и она припала к единственному источнику кислорода. Она продолжает хвататься за грудь, но, кажется, пытается справиться с дыханием. А я зачем-то собираю ее

волосы в кулак и отвожу ей за спину, чтобы не лезли в глаза. Как будто мне есть до этого дело.

— Ты... — Кира вздыхает так, что ее плечи тянутся вверх, словно молодой побег из семечки.

А я только сейчас замечаю, что ее туника сползла на землю и на правой руке оголился уродливый ожог. И от одного его вида в груди все сжимается, потому что, судя по размеру, ей было больно, очень больно. Мне должно быть легче от этого, ведь хотя бы так она покрыла часть своей вины, но мне ни хрена не легче, и злорадство поддыхает голодной смертью. Мне просто хочется раз видеть это, вернуться в реальность, где она будет просто Кирой без всяких там шрамов, которые теперь будто и у меня на коже.

Она замечает мой взгляд и рыщет рукой песку в поисках накидки, все еще ужасно, по- кощевски, кашляя.

А я... Я не знаю, что я такое в это мгновение, потому что это точно не Габриэль протягивает руки, обнимает ладонями впалые и все еще смертельно бледные щеки.

Это слишком грубо, но я все равно не способен себя контролировать.

Кира смыкает ладони на моих запястьях, приковывает меня к себе, будто к кресту, и даже не сопротивляется, когда я буквально вгрызаюсь в ее рот. Жадно, алчно, до соленого отчаяния на языке. И весь мой мозг сосредоточен вокруг только что рожденной звезды в самом центре черепа. Звезды, которая каждую секунду посылает в мою душу термоядерную реакцию: она ведь могла умереть, а я так и не взял то, что хотел...

Я больной извращенец, раз даже сейчас думаю о ее отказе, но это не просто прихоть или месть — это часть меня, токсин, наркотик, без которого не жить. Ирония сраной жизни, но теперь я задыхаюсь в ее губах, и просто не могу дать своим легким никакой альтернативы. В меня словно подсадили паразита, который глушит доводы рассудка и упивается беспомощностью носителя.

Губы Киры полностью в моей власти, и мне плевать, как они будут выглядеть после этого поцелуя. Она пометила меня собой, так пусть получает обратно каждую толику моего гнева, отвращения, моей — блядь его все! — ненормальной потребности уничтожать ее и воскрешать бесконечное количество раз.

«Ради бога, продажная тварь, просто молчи... Не трави меня своим поганым дыханием...»

Но Кира выдыхает прямо мне в рот. И за секунду мои черти превращаются в долбанных карамельных лошадок.

О'кей, жизнь, сегодня твоя взяла. Я сломаю ее потом. Завтра. Или послезавтра.

Я слизываю все, что она дает: горечь, боль, разочарование, страх. Дальше и дальше, словно нетерпеливый ребенок — чупа-чупс, поскорее, лишь бы добраться до жвачки.

Где-то там, в этом уродливом десерте по имени Кира, спрятана сладкая начинка, и я должен запустить в нее зубы.

Кира скребет по моим рукам, царапает кожу до крови, но я просто не могу от нее отлепиться. Прилип намертво. Врос, как раковая клетка.

Ты же этого хотела, Кира-блядь? Хотела меня вот такого, без тормозов от тебя? Ну так бери, и глотай, потому что больше никаких карамельных лошадок, потому что ты — моя слабость, а я избавляюсь от всего, что может меня уничтожить.

— Отвали от нее! — откуда-то, словно из параллельной вселенной раздается дядин крик.

А следом в меня врзается и его кулак: смазано, по роже, почти профессионально, так, что я валюсь на песок под аккомпанемент хруста собственной челюсти.

Глава тринадцатая: Кира

Я беззвучно падаю с огромной высоты в собственное тело.

Наверное, поэтому не чувствую ни рук, ни ног, только колючую проволоку вокруг сердца, которая стягивается так сильно, что треск проколотой кожи заставляет меня кровоточить слезами.

Габриэль зарывается пальцами в песок, тяжело дышит, пока Дима кружит надо мной и заботливо кутает в накидку. Она вся в песке и царапает кожу, но это немного отрезвляет, потому что я полностью пьяная от этого поцелуя.

И паника снова подкатывает к горлу, грозя превратиться в новый приступ.

Мне страшно, потому что случившееся — ниспосланное выше персональное откровение.

Впервые за два года я поборола приступ без баллончика. Я умирала. Я чувствовала, как сердце, словно отчаянный, но невезучий бегун, еще пыталось побороться на длинной дистанции, но каменело от каждого удара.

И вдруг — вкус ненависти на губах, от которого отчаянно захотелось жить.

— Я тебя убью, Габриэль! — беснуется Дима, отодвигая меня за спину

А Элу, как всегда, плевать на чужие угрозы: он встает и, глядя Диме в глаза, хрипло смеется, и скалит окровавленные зубы.

— Ты мудака, — отвечает Диме, когда тот яростно прет на него, хватая за грудки и еще раз заносит кулак. — Да я бы трахнул ее прямо здесь. Может, свалишь, пока мы развлекаемся?

Дима бьет его еще раз, и я вскрикиваю от хруста костяшек, впечатанных в челюсть.

— Повтори, что ты сказал? — требует мой жених.

— Что твоя девка на меня потекла, — отвечает Габриэль, и получает новый удар.

Дима держит его за ворот, и просто методично, как отбойный молоток, разбивает лицо.

А Габриэль даже не поднимает руки, не пытается защищаться, но после каждого удара смеется еще громче, пока его лицо не превращается в кровавое месиво, и Дима тащит его к воде, чтобы швырнуть в океан, словно грязный носок.

— Хватит! — ору я, но голос теряется в злобных выкриках Димы и уже слабеющем смехе Габриэля.

Я должна что-то сделать. Должна, наконец, прекратить этот кошмар. Поэтому, собираюсь в кулак, бреду к Диме и пытаюсь схватить его за руку, которой он методично колотит Габриэля, словно боксерскую грушу. Но он стоит спиной, а я никак не даю о себе знать, и когда я пытаюсь его остановить, Дима слепо, на одних рефлексах, поворачивается — и бьет меня кулаком. Но видимо в последнюю минуту понимает, кто перед ним, и пытается как-то увести от меня удар, поэтому кулак счесывает щеку и отправляет меня в полет на спину. В глазах расцветают то ли красные маки, то ли красная сакура, но ясно одно — я медленно вываливаюсь из реальности, сползаю по отвесной стене, как испорченная детская игрушка «лизун».

— Кира... Черт, Кира...

Его запоздалые извинения обрываются на полуслове неприятным хрустом, от которого я немного трезвею и начинаю карабкаться вверх, удирая от беспамятства. На фоне ночного неба хорошо видна фигура Габриэля — он стоит ровно, даже не шатается, только зло, словно нашел виноватого, срывает с себя рубашку буквально по кускам: сначала рукава, потом остальное. Пуговицы с мелодичным «бульк» падают в воду.

Кровь из разбитого рта и носа течет по подбородку, расплзается по шее жутким воротником. Он потирает кулак, которым только что поставил Диму на колени, и, не глядя в мою сторону, говорит:

— Может хватит корчить целку, Кира, и пора все рассказать? Или ты успела защититься и уверена, что тебя не поймают за руку?

Только что мне хотелось защитить его. Всего пару секунд назад я думала, что даже Габриэль со всеми его грязными словами и оскорблениями не заслужил такие побои. А теперь злость клокочет внутри разбуженным Везувием и отчаянно хочется повернуть время вспять, чтобы сидеть на берегу и наблюдать, как Дима превратит его красивое лицо в сложную задачу для пластического хирурга.

— Я тебя все-таки убью, — рычит Дима, поднимаясь с колен и подтирая разбитым кулаком кровь с губы. И уже мне, с сожалением: — Кира, я не знал, что...

— Ты не знал... что? — перебивает его Габриэль.

И на этот раз смотрит на меня сверху вниз, изучает, словно свалившегося с Плутона пришельца. Я знаю, что это лишь прелюдия перед тем, как он пустит в ход скальпель, но я не собираюсь подыгрывать ему покорной лягушкой на разделочном столе.

— Я работала в эскорте, Дима, — говорю на удивление четко и ясно. Кажется, самая моя осознанная и правильная речь за весь вечер, не считая плевка в лицо Валентине. — Прости, что не сказала сразу.

Я вижу, как под мокрой тканью напрягается его спина. Как он медленно поднимает плечи в беззвучном вдохе и так же медленно их опускает. Я хочу сказать, что действительно сожалею, что не сказала раньше, хоть должна была и единственная причина моего молчания — простое малодушие, страх снова остаться одной. Но, кажется, уже все равно слишком поздно.

Габриэль сплевывает на песок, и со словами: «С королевы, наконец, упала корона», проходит мимо, нарочно задевая Диму плечом так, что того разворачивает на девяносто градусов.

И как только мой личный обвинитель исчезает из виду, меня прорывает фонтаном слов.

Они совершенно бесполезны, но я говорю и говорю, потому что если замолчу хоть на минуту: они застрянут во мне смертоносным ножом и разрежут до самого копчика. Я говорю, что мне просто были нужны деньги, быстро и много, и поддалась на уговоры знакомой, которая сказала, что в эскорте каждая «девочка» сама решает, ложиться ей под клиента или нет, и что очень многие проводят годы в этой профессии, просто сопровождая мужчину на различные мероприятия и деловые встречи. Пересказываю нашу с Рафаэлем историю знакомства, но теперь без фальшивого «он увидел меня за прилавком магазина», пытаюсь объяснить, что мы сообща решили не раскрывать мое прошлое «эскортницы», которое и состояло-то всего из одного дня.

— Помолчи, пожалуйста, — просит Дима, но я, как машина без тормозов, не могу сходу остановиться. И тогда он поворачивается и на всем ходу летит на меня, берет за плечи и сжимает так, словно хочет выжать из меня остатки жизни. — Заткнись Кира. Просто... заткнись уже. Не хочу тебя слышать.

Дима окидывает меня болезненным взглядом преданного человека. Ищет что-то в моем лице, и я начинаю верить, что все обойдется. Он отойдет, подумает ночь, а завтра мы погорим уже с холодными головами. Но иллюзия исчезает, стоит Диме осмотреть на мои губы. Понятия не имею, о чем он думает, но эти мысли разрушают все чувства, которые он ко мне испытывал. И нежность выкипает из его взгляда, оставляя лишь пустоту.

— Ты знала, как это для меня важно, — ледяным голосом говорит Дима. — Знала — и продолжала молчать. Тебя под меня тоже кто-то

подложил?

— Нет.

— Почему я должен тебе верить?! — Он сжимает еще сильнее, и я почти надеюсь, что на этот раз у меня треснут ребра и хотя бы тогда я смогу вдохнуть. Жаль, последний раз в жизни. — Почему я должен тебе верить, если ты такая же, как и она? Неужели в этом мире не осталось порядочных женщин?

От разжимает руки и пятится назад, размахивая рукой, будто отгоняет несуществующую мошкарку. А потом просто уходит, оставляя меня одну. Мне нужно паниковать, наверное, плакать и жалеть себя, но я знаю, что получила эту оплеуху судьбы совершенно заслуженно. Я должна была сказать ему, но не сказала. Тогда казалось, что это неважно, а потом все время находились оправдания, почему для разговора не удачное место время или погода. Наверное, подсознательно я все-таки понимала, что у нашей сказки нет и не может быть хорошего конца, и все эти два года просто оттягивала время.

И хоть сейчас невыносимо сильно хочется плакать, я чувствую облегчение.

По крайней мере я больше не буду бояться, что Габриэль при всех снова обзовет меня своим коронным «Кира-блядь». Мне уже все равно.

Глава четырнадцатая: Габриэль

— Не трогай меня! Отвали со своими примочками, я не ребенок!

Мать фыркает и все-таки тянется, чтобы приложить к моей разбитой в хлам губе ватный тампон с каким-то антисептиком. Я успеваю отвернуться, срываюсь на ноги и тычу в сторону двери:

— Пошла вон отсюда! Ну?!

— Тебе нужен врач, — спокойно отвечает она и демонстративно садиться на диван, закладывая ногу на ногу. — Я никуда не уйду, пока не удостоверюсь, что жизнь моего единственного сына не оборвется из-за заражения крови.

— Тебе не плевать? — взвинчиваюсь я.

— Нет, раз я здесь и уже полчаса терплю твой дурной характер. Весь в отца.

— Ну хотя бы чем-то, а то бы решил, что я тут подкидыш.

Я бы и рад уйти, хоть на край света, но я банально трушу. Вот так, можно признаться в этом хотя бы самому себе. Я боюсь, что этот сраный остров слишком мал, чтоб мы с Кирой на нем разминулись, а если я снова ее увижу, то... Будет что-то очень хуевое, чую это нутром.

Наверное, дядя горд собой до усрачки, что в кои то веки втащил нерадивому племяннику. Но он понятия не имеет, что я просто использовал его, как и большинство людей в моей жизни. Тот поцелуй... Он въелся в мой рот, в слизистую, как высококлассный кокаин, и одурманил до состояния: «я хочу больше, я хочу еще, я хочу ее сожрать, чтобы сделать частью себя». И чтобы отрезветь, мне нужны были чьи-то кулаки. Нужно было, чтобы этот тихоня от души меня отпиздил, чтобы его кулаки выколотили из меня все эту херню, потом что в ту минуту я не мог сам с ней справиться.

Я просто шел ко дну, как непотопляемый Титаник, который напоролся на предназначенный лично ему айсберг.

Кира призналась. Вот так просто, без ломоты, без истерик, не пыталась даже обозвать меня лжецом, хоть Дима бы безоговорочно ей поверил.

Ненавижу его.

Ненавижу его, блядь, за то, что он, кажется, действительно ее любит.

— Может расскажешь, что произошло? — Мать смотрит на меня без интереса, скорее испытывающее.

Конечно, она ведь и так все знает. В ее мозгу работает целая шифровально-расшифровочная машина, которая никогда не дает сбоев. А уж сложить два и два этой женщине вполне по силам. Но она хочет знать подробности унижения Киры, хочет знать грязь, которую я вылил на нее, хочет насладиться вкусом ее слез и отчаянием. И я будто смотрюсь в зеркало. Потому что я точно такой же. Вот только сейчас, со вкусом ее поцелуя во рту, мне хочется удавиться. Наверное, чувство радости от хотя бы частично свершившейся мести придет потом, но я отчаянно цепляюсь за каждую мелочь. Как она редела там, в песке, разбитая, словно кукла с оторванными руками и ногами, совершенно униженная и брошенная всеми. Кира это заслужила, черт! Я не сделал ничего такого, за что мне должно быть стыдно. Она знала, что рано или поздно обман вскроется и могла все рассказать дядя, чтобы не доводить до такого!

Я тараню кулаком стену, и мать сдабривает этот жест лютой злости ленивыми аплодисментами.

— Ты можешь просто уйти? — рычу я, прикрывая глаза. За веками словно танец с саблями: все мелькает, искрится, полосует глазные яблоки до нервных импульсов в челюсть, прямо под зубы. — Вы можете все свалить на хрен хотя бы из моего номера?

«Все» — это она и Анечка, которая всюду следует за матерью, словно привязанная. И я не знаю, для чего она здесь, потому что если в ее голове есть хоть капля здравого смысла, она будет держаться от меня подальше не только сейчас, но и всю оставшуюся жизнь. И от словосочетания: «замуж за Габриэля Крюгера» будет плевать, как монашка на сатану.

Но мать избавляется от нее, видимо справедливо оценив мое эмоциональное состояние как не подходящее для сватовства. Анечка на полусогнутых — мне ее правда почти жаль — вдоль стенки пятится к двери и выходит, писклявым голосом пожелав моей матери хороших снов.

— Ты хоть представляешь, как выглядишь? — жужжит мать, глядя на закрывшуюся за своей протезе дверь. — А она, между прочим, идеальная пара: красивая, глупая, с хорошим приданым и явно без замашек на место главной в семье. Ничего лучше ты себе не найдешь, или я совсем не знаю своего сына.

— Ты, может, и свечку над нами поддержишь? — грубо огрызаюсь я.

Но это же Валентина Рязанова-Крюгер — ее невозможно расшатать или вывести из себя.

Это не баркас, который утонет в малейшем шторме, это непотопляемый Ноев ковчег нашей семьи. Может быть отец застрелился не из-за долга, а просто потому, что хотел хотя бы сдохнуть не по ее указке?

— Ты заставил ее признаться? — Мать игнорирует мой вопрос и скрещивает руки на коленях с видом человека, который настроился на длительные переговоры. — Как это было? Что она сказала?

— Правда думаешь, что я хочу обсуждать это с тобой? — Я трясую головой и иду в ванну.

Зеркало уже поменяли, персонал гостиницы сработал, как часы. И в этом зеркале на меня смотрит разбитая рожа с заплывшим глазом. Давно меня так не отделявали.

Кажется, последний раз так прилетало еще в школе, когда на Рафа наехал со своими быдловатыми друзьями сынок местного нефтяника, и мне, как старшему, пришлось вмешаться. Получили мы тогда оба, но тех уродов отделили по первое число.

Я смываю кровь, пока вода не становится бледно розовой, потом сжимаю зубы, задерживаю дыхание — и вправляю нос. Еще одна отцовская наука. Из глаз хлещут искры, но зато хоть снова становлюсь похож на человека.

Зачем я ее поцеловал?

Проклятье!

Мать так и сидит в комнате, и нетерпеливо покачивает ногой.

— Я спать иду, а ты можешь спать на коврик. Никаких откровений на ночь глядя для любимой мамочки, — ерничаю я, демонстративно щелкаю выключателем и закрываюсь в спальне.

Она уходит через минут десять: спокойно, без громкого хлопка дверьми вместо пожеланий спокойной ночи.

Я перекатываюсь на спину, смотрюсь в потолок и пытаюсь не думать о том, что даже выставленный на низкую температуру кондиционер все равно не может потушить бушующий во мне пожар. Меня словно подожгли и оставили тлеть, и каждая мысль о Кире — словно меха, вмиг раздувает пламя до высоты кельтского костра. Она же тощая, бледная, вся какая-то совершенно нескладная и выглядит затравленным в углу кроликом, который от страха может отгрызть себе лапы. Она — воплощение всего, что меня отворачивает в женщинах. И даже ее криптонитовые глаза мне глубоко противны, но именно сейчас они смотрят на меня с потолка из-под светлых ресниц. И я в сердцах швыряю туда подушку, чтобы избавиться от наваждения, но это ничего не дает, разве что во взгляд становится еще зеленее, отчего рот снова наполняет вкус поцелуя.

Снежана возвращается очень сильно за полночь, немного выпившая, но сразу принимается за работу.

Мне с ней пусто. Мое тело работает, как часы, я же здоровый молодой

мужик, но это все равно, что прикидываться насосом: механическая работа организма, который просто сбрасывает тестостерон. Я закрываю глаза, когда Снежана забирается сверху — и на ее месте воображение рисует другую фигуру. Тонкие ноги, тощая задница, и выпирающие тазовые кости, за которые я хочу схватиться так сильно, чтобы на коже остались кровоподтеки. Я не хочу разрушать иллюзию, поэтому позволяю этому призраку отыметь себя по полной. Но когда поганый призрак становится почти реальным, Снежана начинает гортанно стонать — и все на хрен меркнет.

Переворачиваю ее на спину, ладонью прижимаю голову к подушке.

— Ни единого звука, — предупреждаю я, хоть теперь это все равно не имеет значения.

В десяток толчков заканчиваю начатое, но мне не становится легче. Снимаю презерватив, и швыряю его черт знает куда. И снова в душ, в ледяную воду, а оттуда — на воздух, потому что в собственном номере душно, будто в газовой камере. И воняет там фальшивым сексом.

Кажется, я брожу по пляжу до утра: просто лениво переставляю ноги, перебирая пальцами песок, и думаю о том, что у мести дерьмовый вкус. И хоть я все сделал правильно и мне не за что себя корить, нет никакого облегчения от свершившегося правосудия.

Нет вообще ничего, даже меня прежнего.

С дядей я сталкиваюсь в коридоре, когда возвращаюсь в номер. Часы в холле показывают десять двадцать утра и я, наконец, готов сдать на милость сна, потому что в голове такая мешанина из мыслей, что не распутать и за неделю.

У Димы здоровенный синяк на скуле, но, конечно, выглядит дядя лучше, чем я.

Возможно, мне стоит сказать какую-то пафосную хрень про его спасенную моими стараниями репутацию, ведь если бы это после свадьбы раскопали журналисты, он мог бы поставить крест на своей безупречной репутации. Возможно, но хрен дождется. Это ему нужно меня благодарить, и он даже идет ко мне, и поднимает руку, как будто собирается предложить рукопожатие и распитие мировой. Но нет, только хлопает по плечу: тяжело, грузно, с такой улыбкой, которую я никогда и не видел на его слащавой роже.

— Что, все снова спокойно в Датском королевстве? — предполагаю я вслух, а в ответ слышу:

— Конечно, твоими стараниями, дорогой племянник. Надеюсь, Кира когда-нибудь поймет, что ты для нее сделал.

Это звучит не то, чтобы правильно. Что значит «он надеется»?

— Кем бы она ни была в прошлом, ни одно живое существо не заслуживает участи стать частью нашей семьи, — бросает Дима, и отталкивает меня к стене.

— Где она? — тупо спрашиваю я. Зачем? Ведь на самом деле мне глубоко плевать.

Дима поднимает палец в потолок, и скрывается в кабинке лифта.

Что, блядь, это все значит? На крыше что ли, как Карлсон?

Мимо проходит девушка с тележкой обслуживания номеров. Я ставлю ногу на пути колесиков, достаю из портмоне купюру и кладу поверх стопки выглаженного белья.

— Девушка из этого номера, куда она пошла?

— Она выехала рано утром, мистер. — Смуглянка хватает купюру и прячет ее в карман форменного платья.

— Куда выехала? — Следующую купюру кладу прямо в карман.

— В аэропорт. Хотела успеть на первый рейс. Уже должна быть в самолете в небе.

Я уступаю дорогу и чувствую себя Минотавром в лабиринте: хочется потеряться в узких коридорах и пугать людей своей злобой.

Все правильно. Свалила, чтобы не попасть мне под руку еще раз.

Но почему тогда я чувствую себя парнем, который торчит в пустом ресторане и все еще верит, что красотка придет на свидание?

Глава пятнадцатая: Кира

Полгода спустя....

— Это тебе просили передать.

Я отрываю взгляд от планшета и смотрю на милый букет карамельных розочек, оформленный шариком, почти как свадебный. И рядом с ним Вера кладет стильную визитку.

— Ну? — подруга торопит и от нетерпения стучит пальцем по кусочку картона, как будто вызывает особенного визиточного джина. — Хотя бы посмотри от кого!

Мне правда не интересно, но чтобы удовлетворить ее любопытство, все-таки смотрю.

Алекс Морозов. Самый модный фотограф, который шумит на весь инстаграмм своими выдающими фотосессиями на фоне упругих женских задниц. Работает в стилистике эротической фотографии, и среди звезд, желающих получить его фото в свои портфолио — все, от певиц до моделей и балерин. Но и сам выглядит, как мечта фотографа: весь в татуировках, со стильной стрижкой, спортивный и весь такой рельефный, что можно цеплять на рекламу фитнес-центра.

— Ты когда его успела зацепить? — восторженно шепчет Вера, и тут же хватает с моего стола какие-то бумаги, делая вид, что заинтересована их содержанием.

Сигнал, что в закулисы международного лица «Мандарин», где мы с Верой проходим практику, появилась Евгения Юрьевна Смирнова, заместитель директора по методической работе. Ей почти сорок, но выглядит на тридцать с натяжкой, и на нее здесь пускают слюни все, даже те, кто давно и счастливо женат.

— Я чего-то не знаю? — Смирнова смотрит на букет, словно на свидетельство жуткого разврата, который вот-вот случится на глазах детишек местной элиты.

Здесь с этим очень строго. И я сюда попала только благодаря отцу Веры: он старинный приятель директора и лично за меня поручился. Само собой, по просьбе дочери. И я буду благодарна Вере по гроб жизни.

— Это просто цветы, — бормочет Вера.

— От кого? — Смирнову нельзя назвать деликатной, скорее наоборот. И она оправдывает свою репутацию, когда берет визитку и вслух читает имя: — Морозов. Вы же в курсе, Кира, что он развелся всего два месяца

назад?

— Да, Евгения Юрьевна, — отвечаю я.

Об этом все социальные сети знают: известный фотограф отобрал у жены опеку над дочерью. Беспрецедентный случай и очень грязная история. Но я должна знать все о детях, к которым меня поставили воспитателем на время практики. А дочка Морозова — в моем классе.

— Я надеюсь, вы не забыли, что в соглашении, которое вы подписали, есть пункты о личной информации и недопустимости отношений... — Она делает выразительный «прострел» взглядом в сторону букета, и тянет паузу, чтобы я почувствовала всю степень ответственности.

Я с ним всего пару раз поговорила о Виоле, ничего такого: Морозов интересовался успеваемостью дочери, а я дала ему исчерпывающую информацию и похвалила. Тоже самое я бы сказала о любом другом ребенке в своем классе и тем же самым тоном.

Мне и в голову не могло прийти, что за моей вежливостью можно увидеть флирт.

— Я хорошо помню эти пункты, — говорю я послушно. Мне очень нужна эта работа, потому что я планирую выложиться на всю катушку и остаться уже на полную ставку.

Моя куратор очень меня хвалит и до сегодняшнего дня у Смирновой к моей работе не было никаких нареканий. Будет очень несправедливо потерять все это из-за одного букета, тем более, что мне не нужен ни Морозов, ни его ухаживания.

Мне вообще никто не нужен, потому что я теперь сама по себе. Лет на пять минимум, пока не начну забывать прошлое, которое до сих пор без стука вваливается в мои сны то кошмарами, то какой-то несусветной порнографией в исполнении... Господи!

Я трясую головой, беру букет и без сожаления отправляю его в мусорное ведро. Вера делает «бровки-домиком» от сожаления и провожает букет таким взглядом, будто это невообразимый акт вандализма.

Но Смирновой и этого мало, так что я рву визитку на мелкие кусочки и посыпаю обрывками цветы. Только после этого замдиректора удовлетворенно кивает.

— Верю, что больше таких проколов не будет, Кира Викторовна.

Я молча киваю, а когда она уходит, бросаю на Веру неодобрительный взгляд. Она тушует, делает шаг к ведру, но я успеваю загородить ей дорогу.

— Слушай, Кира, ну цветы-то чем виноваты? — умоляет она.

— Совершенно ничем, но мне нужна эта работа и я не хочу потерять

ее из-за букета и чьего-то неуместного флирта. И в следующий раз, пожалуйста, не бери ничего для меня.

— Ты полгода уже на диете сидишь.

Диета — это что-то вроде нашего закодированного слова, означает полное отсутствие отношений с противоположным полом. А еще теперь у меня нет личного психиатра, машины и прочих радостей жизни, и было бы лицемерием утверждать, что мне было легко отказаться от всего этого. Потому что, как оказалось, машина была не роскошью, а удобным средством передвижения, а квартира, которую снимал Дима, располагалась в модной новостройке, и соседи там не имели привычки играть на баяне в час ночи и орать под фальшивую мелодию матерные частушки. Теперь я снимаю квартиру почти на окраине, и два часа добираюсь на работу на метро и общественном транспорте.

Подъем в пять утра, отбой — в десять вечера, обязательные звонки маме каждый день и все выходные — за переводами на английский, которые приносят ощутимую прибавку к моей официальной зарплате.

У меня все хорошо. Потому что о плохом просто думать некогда.

Занятия в «Мандарине» заканчиваются в шесть вечера и после них я обычно очертя голову несусь к станции метро, но сегодня мы с Верой и Юлей устраиваем что-то вроде посиделок, по случаю скоро Юлиного замужества. В следующие выходные она, наконец, станет законной женой своего «Шикарного Варфоломеева», так что, раз уж завтра ленивая суббота, мы устраиваем что-то девичника, но без стриптизера, зато в дорогом ресторане.

Погода просто ужасная: февральская метель, минус двадцать и транспорт ездит ужасно несмотря на снегоуборочную технику, которой на улицах тьма. Поэтому мы с Верой опаздываем минут на тридцать точно, за что Юля встречает нас адским взглядом.

— Это у тебя что? — она тычет мне в область груди и я только теперь замечая размазанный след от ручки на лацкане бежевого пиджака. Мой любимый костюм, «остатки роскоши». Я специально берегла его для особенных случаев, и сегодня бы ни за что не надела, но я бы просто не успела заехать домой переодеться. А Юля бы никогда не простила отсутствие на ее девичнике. Ведь кроме нас с Верой у нее больше нет близких друзей.

— Это Луганский, — стону я разочарованно. — Целый день лез ко мне обниматься.

Луганский — это Мишенька, сын владельца сети строительных магазинов. Тот случай, когда мальчик слишком любвеобильный и

совершенно не понимает слова «нет».

После уроков, на кружке рукоделия, от нечего делать высосал половину стержня шариковой ручки, а вот эти следы на мне, похоже, остатки того, что не попало в рот.

— Химчистка с этим справится, — не очень уверенно подбадривает Вера, но я машу рукой, чтобы не выдать разочарование. Не хочу портить вечер своим кислым лицом.

Юля сразу предупреждает, что будет очень обижаться, если мы начнем скромничать, и заказывает дорого игристое вино, под которое предлагает взять красную рыбу, салат из свежих овощей. Я пытаюсь сказать, что не очень голодна, то Вера под столом наступает мне на ногу и я просто улыбаюсь и даже шучу, что Варфоломеев еще не в курсе, что его жена — транжира.

Но аппетита все равно нет. В голове блуждают мысли о прошлом, которое теперь кажется похожим на дурной сон, в котором я была Золушкой, о которой писали в модных журналах и светской хронике, но о которой забыли на следующий день после ее падения с Олимпа. Я благодарна Диме за то, что он стер наше расставание, сделал его «невидимым» для прессы и оградил от вещей, которые бы обязательно испортили мне жизнь. Учитывая послекусие нашего расставания, я знаю, чего ему это стоило.

Глава шестнадцатая: Кира

— Я вытрясла из Варфоломеева свадебный подарок, — торжественно сообщает Юля после третьего по счету тоста.

Я почти ничего не ем, поэтому голова уже немного кружится. Делаю совсем маленький глоточек, фактически, просто макаю губы в колючую от пузырьков мускатную сладость.

— Мы летим на тропические острова! На десять дней! — Юля чуть не опрокидывает со стола тарелку, так активно жестикулирует. — Отель — пять звезд, все включено, три бассейна и один — с соленой водой! СПА!

Я сглатываю сухой комок непрошенных воспоминаний, которые, словно партизаны, начинают штурмовать мою голову из всех щелей. пляж, песок, шум прибоя и воздух со вкусом тропических фруктов, сладкий до дымки в глазах. И жадный убивающий поцелуй, от которого хотелось плакать и добровольно взойти на плаху.

Тошно от самой себя, что в такой ответственный момент, не могу от всей души порадоваться за подругу. Потому что, словно назло, стоило вспомнить Габриэля, мне почему-то начинает мерещиться его запах, и я инстинктивно задерживаю дыхание. А потом его голос — сразу в оба уха, смех с хрипотцой, от которой пробирает по всему позвоночнику до самого копчика.

— Мне нужно в туалет, — бормочу я и комкаю салфетку до состояния бумажного шарика.

Это все нервы, от которых мой желудок снова подворачивает выплеснуть все, что я съела. Нервы — и обидные слова про уродину.

— Все хорошо? — беспокоится Вера, и уже поднимается, чтобы пойти со мной, но я успеваю ее остановить.

Я лавирую между столиками, натыкаюсь на женщину в дорогом костюме и бормочу извинения, когда она фыркает мне в лицо. Я вроде пытаюсь убежать от воспоминаний, от проклятого голоса, но он летит на меня скоростным экспрессом. И снова преграда на пути, на этот раз мужчина в костюме, правда, я не рискую поднять голову выше, потому что внутри бултыхается и булькает, как в ведьмином котле. Хочу обойти, но он поворачивается — и я со всего размаху налетаю ему на грудь. Пячусь, проклиная себя, что зачем-то накрасила губы красной помадой, и теперь мой «поцелуй» красуется прямо между третьей и второй пуговицей на белоснежной рубашке. Сомневаюсь, что отделаюсь просто извинениями.

— Мне так...

Я поднимаю голову и натываюсь на светло-янтарные глаза и злую усмешку в суточной щетине.

— ...жаль... — по инерции заканчиваю фразу.

Габриэль. Под руку с расфуфыренной девицей в роскошном черном платье, но почему-то с лошадиным лицом. Нет, она красивая, но все равно похожа на лошадь, особенно, когда улыбается до самых десен, словно рекламирует зубную пасту. Зачем я смотрю на ее руку? Ту, которой она держит Габриэля под локоть, и на которой красуется здоровенный бриллиант в окружении своих более мелких собратьев.

— Привет, грязнуля, — выдыхает злость Габриэль и смазанным движением проводит по отпечатку моей помады. — Слепая, как всегда. И неуклюжая.

Его спутница оценивает меня взглядом и конечно же задерживается на чернилах от ручки. Почему, почему именно сегодня я должна выглядеть так, словно меня с креста сняли?

Нахожу силы взять себя в руки и, кажется, расплющиваю бедный бумажный шарик в ладони до состояния «почти потекла вода».

— Ну, в твоём гардеробе это не последняя белая рубашка, — говорю спокойно и вежливо. — надеюсь, не нанесла непоправимый урон твоему кошельку.

И я лучше выколю себе глаза, чем опущу взгляд на его правую руку.

Мне все равно, даже если за эти полгода он успел обручиться или жениться, и развестись и повторить тоже самое на бис. Это же Габриэль Крюгер, и в данный момент меня от него тошнит.

— У тебя что-то... вот здесь. — «Лошадка» тычет пальцем в свое брендовое платье в том месте, где у меня воротник, и улыбается так, что еще немного — и сквозь зубы пролезет раздвоенный язык.

— Спасибо, — цежу я и пытаюсь обойти их, но в последний момент Габриэль делает шаг в сторону, и я все-таки налетаю на его плечо. На этот раз, правда, не губами, а просто щекой.

Надо же, а я почти забыла, какой он высокий. Выше, чем был Рафаэль, и выше Димы.

Правда, Дима был коренастым, крепким, а Габриэль худощавый, жилистый, и я все-таки опускаю взгляд на его запястья. Дорогие стильные часы на стальном ремешке от модного брэнда, краешек белоснежного манжета с красивой лаконичной запонкой. И...

Я выдыхаю, кажется, слишком громко, потому что кольцо на его пальце выглядит совершенно неестественно. Как будто на породистого

жеребца надели трехрублевый галстук. Кольцо простое: светлый металл — скорее всего платина, это же Крюгер! — с двумя желобками по всей длине.

— Мне нужно замыть пятно, — говорю, на миг прикрывая глаза, потому что так я хотя бы на минуту выпаду из этой странной реальности, в которой Габриэль свалился на меня снова, правда, теперь уже женатым.

Кто она такая, что ради нее ты пожертвовал своей свободой, Эл? Еще одна твоя инвестиция? Вложение в долгоиграющие отношения с выгодным деловым партнером? На самом деле, его всегда окружали красотки, первоклассные девочки с лицами, которым позавидовала бы и Барби. Эдакие непризнанные Мисс вселенная. И то, что его «Лошадка» не из таких, сразу наталкивает на мысли о браке по расчету. Или он ее в самом деле любит?

Господи, да какое мне дело?!

— Отойди, — прошу я, надеясь, что Габриэль не станет устраивать травлю хотя бы при своей жене и посреди дорого ресторана.

Проходит долгих несколько секунд, за которых я успеваю втянуться в аромат его одеколона: он пользовался им и два года назад. Я почти не помню, какого цвета были глаза Рафаэля, но отчетливо вспоминаю, что в нашу первую встречу Габриэль пах тем же кедром и грейпфрутом. Я чувствую себя так, словно каждая клеточка моего тела тянется к нему. Еще немного — и встану на носочки, чтобы «случайно» еще раз потереться носом о его пиджак, вдохнуть знакомый аромат.

Но Габриэль, наконец, уходит и я иду в туалет быстрым шагом, практически падая, потому что невпопад переставляю ноги. Наматываю пригоршню бумажных полотенец, мочу их под краном и смываю весь макияж. Кожа немного жжет, потому что я терла слишком сильно, и уже через пару секунд проступают некрасивые красные полосы, словно мое лицо «причесали» миниатюрными граблями.

Нужно срочно что-то придумать. Найти причину, чтобы уйти. Я могу придумать по меньшей мере десяток убедительных причин, но правда в том, что ни одна из них не будет убедительной. Ведь на самом деле мне хочется остаться. Эдакая ода саморазрушению, потому что даже безмозглое насекомое стремится спрятаться, когда его жизни угрожает опасность.

Дверь открывается, и я быстро еще раз прикладываю к лицу мокрые ладони.

Щелчок.

Поворачиваюсь. Здесь большая дамская комната с кабинками, на которых индивидуальные защелки. Внешнюю закрывать незачем.

Габриэль стоит там, опираясь плечами на дверь и смотрит на меня

полностью непроницаемым взглядом.

Он зашел в женский туалет и закрыл его точно не для того, чтобы поглумится над моим испачканным пиджаком.

Глава семнадцатая: Габриэль

— Ты так и не отъелась, Кира, — говорю я первую приличную вещь, которую испиваю схватить среди толпы развратных мыслишек.

Какое-то бледное дежавю. Снова она убегает, снова я за каким-то хером иду за ней, еще и запираюсь в туалете один на один. Обычно, именно так у меня случался пустой отвязный трах: нашел красивую кобылу без комплексов, угостил дорогим коктейлем, дал понять, что природа на мне не отдохнула — и загнал в туалет, чтобы трахнуть до пустых яиц.

Но с Кирой... Я даже прячу руки в карманы брюк, потому что трогать ее — все равно, что ласкать драную кошку в течке. Она только думает, что вся такая неприступная, независимая и каменная, но у каждой женщины есть сигналы, которые легко распознать. Сбившееся дыхание, прикрытые глаза, полуоткрытые губы. И капельки воды дрожат на светлых ресницах.

Черт, нет, Габриэль, тебя уносит не туда. Не надо думать о ней, как о хрупкой куклке, потому что такие, как Кира, выживают даже после извержения Везувия. Наверное, случить всемирный потоп, она и то бы выкарабкалась без ковчега, потому что шлюхи живучее кошек. Уровень приспособляемости — бесконечность.

— Это женский туалет, — говорит она сухо. А руки дрожат, когда отматывает бумажное полотенце и промокает лицо.

— Я видел.

— Тогда дай мне выйти — не хочу смотреть, как ты тешишь свой фетиш, справляя нужду в женском туалете.

Она сначала задает быстрый шаг, а потом, когда понимает, что уступать я не собираюсь, останавливается. Я запросто могу схватить ее за шиворот, как котенка, и она даже пискнуть не успеет, но зачем? Буду просто смотреть, как она медленно корчится от паники и желания.

— Как дела, Кира? — Я вальяжно расстегиваю еще одну пуговицу на рубашке, и ухмыляюсь, потому что беглянка быстро отводит взгляд. — Кого окучиваешь на этот раз?

— Не тебя? — пытается огрызаться она, и это словно горсть сухого хвороста на тлеющие угли моего раздражения.

— Думаешь, я сплю и вижу, как бы затащить тебя в постель?

Отрываю спину от двери и делаю шаг к Кире. Не самая удачная идея: пугать ее и одновременно трахать себе мозг. Я жду, что она отступит. Это ведь Кира, у нее именно такая парадигма поведения: корчить целку,

строить невинные глазки и всегда делать вид, что она одна-одинешенька против злого мира. Любому нормальному мужику захочется защитить трепетную лань, даже если в ее шкуре сидит ехидна.

— Думаю, тебе лучше пойти к своей жене, — отвечает Кира, и даже не шевелится, словно загипнотизированный кролик.

Надо же, заметила. Когда женщины смотрят, носит ли мужчина обручальное кольцо? Когда видят в нем потенциального партнера. А ты видишь, правда, Кира?

Я тоже много чего вижу. Например, что на ней нет ни одной дорогой побрякушки, только простенькое золотое кольцо, которое она носила всегда. И у нее здесь вряд ли свидание, потому что на свидание не ходят в таких костюмах, если только не хотят соблазнить престарелого профессора за «отлично» в зачетке.

— Совсем на мели, да? — Это вопрос, но ответ на него мне не нужен. Я и так увидел, что хотел.

— Хочешь стать спонсором? — дерзит в ответ.

— Запросто, Кира, только если ты дашь письменное обязательство не падать в голодные обмороки. Я не люблю трахать бревна, тем более — стружки.

Мы смотрим друг на друга, словно два фокусника, каждый из которых пытается разгадать уловку другого. Ищем подсказки в движении губ, ширине зрачков. Я ненавижу каждый ее изъяс, но помню каждый из них. И это на хрен выбешивает до состояния полного живота льда, порубленного колючими осколками.

— Зачем тебе женщина, на которую «не встает»? — Вот стерва. Вопросом на вопрос, бросая в меня моими же словами. — Или кто-то просто заврался?

Она все-таки находит лазейку и с точностью черной мамы жалил именно туда. От яда вскипает кровь, и я чувствую себя огнедышащим драконом, которому до кровавых соплей врезала по зубам тощая выскочка.

Я успеваю сцапать ее за грудки: одной пятерней зажимаю в кулаке блузку, а другой двумя пальцами зажимаю ей рот. Кира мычит, но не делает резких движений.

— Какого цвета на тебе белье, грязнуля? Простая игра. Блиц: ты отвечаешь, я — проверю. Если не соврала — получишь... двести баксов. Как элитная шлюха за час работы. Легкие деньги, согласись.

Зачем я это делаю? Я же не такой больной ублюдок.

Мелкая дрянь будит во мне что-то настолько мерзкое, что я не узнаю мудака, который смотрит на меня из зеркала у Киры за спиной.

Если она откажет — я ее просто растопчу, сомну, как пустую сигаретную пачку. А если согласится, это будет означать только одно — я ни разу в ней не ошибся.

Кажется, в шахматах такая ситуация называется «патовой».

Кира щурится, но все-таки медленно кивает. Я убираю руку с ее губ, и пальцы жжет, как будто выпустил из кулака редкую бабочку, и больше мне ее не поймать. Но бабочка здесь, прямо передо мной: распахнула свои поганые крылья в цветной сахарной пудре узоров, и меня тянет так, что шкура лопається и все нервы наружу.

Я кладу руку ей на живот. Кира вздрагивает, но продолжает смотреть мне в глаза.

Отвожу полу пиджака, легко, двумя пальцами расстёгиваю пуговицу на браках, берусь за язычок молнии. Кажется, готов, как загнанная лошадь, закусить удила до красных пятен в глазах, до глухоты.

— Я сегодня без белья, — отвечает она и я ни черта не могу понять, шутит она или говорит всерьез. У Киры лиц фарфоровой куклы: бледное, худое, идеально, с неестественно большими глазищами и ресницами, которые слиплись влажными иголками. Я все еще держу ее блузку в кулаке и Кира придвигается ближе, жжет шею частым дыханием, словно напалмом. — Будешь проверять? А давай поднимем ставки, Эл? Четыреста баксов, и ты попробуешь угадать, сделала я депиляцию или нет?

Какого...?

Я чувствую себя ослом. Или нет, монахом, который всю жизнь иступлено молился голой статуте прекрасной девы, а она вдруг ожила и оказалась простой блудницей. И теперь ее нужно окропить святой водой и сбросить со скалы, или побить камнями, а хочется одного — бросить в постель и оторваться так, чтобы подышать от бессилия.

— Ну, Эл, кто же нарушает собственные правила? — Кира хватается меня за запястье, когда пытаюсь расстегнуть молнию на ее брюках. — Где твоя ставка?

Я знаю, что если притронусь к ней, то не смогу сдержаться. Можно врать всему миру, что я — железобетонная стена и класть хотел на эту стерву, и она ничем не лучше остальных, но если, блядь, она без трусиков, и я прикоснусь к ней...

Я убираю руку, достаю портмоне и беру наугад пару купюр. Показываю ей, а у самого челюсть сводит, как от кислой оскомины, кладу деньги на край фарфоровой раковины.

— Раздевайся, Кира-блядь, я думаю, что для своих трахарей ты оставляешь «дорожку».

Говорят, мужики в возрасте любят, когда так.

Как она смотрит. Как будто готова убить меня, воскресить, и снова убить, и так — до бесконечности.

— Ты проиграл, Эл, — сипло проговаривает она почти по слогам, словно ей так же, как и мне, убийственно не хватает воздуха для следующего вдоха.

Берет деньги, комкает их в кулаке и бросает в корзину.

А я просто тупо стою и даже не могу поднять руки, чтобы придушить ее, избавиться, наконец, от этого наваждения. Она проходит мимо, видимо уже решив, что я окончательно повержен. Я бы и рад отпустить, потому что рядом с ней в четырех стенах — вообще никак, потому что от одной мысли, что я дышу тем же воздухом, который выдыхает она, плавит мозги.

Я сцапываю ее за локоть, рывком тяну на себя, так, что мы почти до боли впечатываемся друг в друга телами.

— Я бы поставил тебя на колени, взял за волосы и прижал к этому грязному полу, придавил, как ядовитую змею, — шиплю я голосом, в котором от меня-настоящего не так уж много. Это голод человека, который подышает от жажды и голода, сидя на пиру с заморскими угощениями. — Ты бы горло сорвала от криков, Кира, и просила бы еще... — Наклоняюсь к ней. — И еще... — Ниже, почти касаясь губ. Уже могу рассмотреть каждую трещинку, каждую ранку на влажной полоске слизистой. И прикусываю язык, чтобы не поддаться искушению. — И еще.

И она змеей бросается на меня: до боли врезается в меня губами, выдыхает мне в рот всю свою злость, негодование, желание, на которое я откликаюсь так быстро и сильно, что хочу убить сам себя. Меня никогда так не целовали: чтобы мозги в хлам, чтобы хотелось просто взять, покорить, сделать своей. Бросить на кучу золота, как дракон, чтобы наелась им под завязку. Может, хоть тогда, хоть на минуту, стала бы настоящей.

Хочу увидеть, что там, под этой тонкой кожей, под ниточкой вен на тощих запястьях.

Я просто стою, как истукан, пока она отравляет меня самым невыносимо болезненным поцелуем. Стерва, высасывает душу! Если укусит еще раз — я ее прямо тут, на месте...

Но Кира отрывается от меня, и я — блядь, нет, нет, нет! — тянусь за ней, как слюнявый подросток, который не научился держать член в штанах. Тянусь за еще одной дозой, и только силой воли заставляю себя остановиться.

— Ну что, Эл, этого тебе хотелось? — почти кричит Кира, и с размаху лупит меня по щеке.

Я даже не пытаюсь ее остановить, потому что мне нужно протрезветь. — Вот так, да? Без чувств? Без сопливой розовой романтики? Просто за деньги?

Нет, я хотел не этого, но она — последний человек на земле, которому я признаюсь в своей слабости. Потому что она и есть моя слабость.

— Ты — не Рафаэль, поэтому можешь хоть подохнуть, доказывая себе, что можешь купить всех женщин мира, но меня ты не купишь никогда. Варись в собственной беспомощности, Эл, и может быть, когда-нибудь, ты станешь человеком.

Она уже у дверей, вырывается на свободу, но черт тянет меня за язык оставить за собой последнее слово:

— Конечно, я не куплю тебя, Кира, но только потому, что не собираюсь покупать.

Глава восемнадцатая: Габриэль

Я возвращаюсь в зал через десять минут. У меня жуткий стояк, просто до боли, и о чем бы я ни думал, каким бы поганым дерьмом не пытался забить свою голову — все равно Кира там и все равно ее запах вьелся в мои ноздри. Нужно успокоиться, взять себя в руки, иначе я разнесу первого, кто скажет слово поперек.

Но в зале все еще хуже. Я чувствую ее запах просто как голодный зверь. Понятия не имею, чем она пахнет, но, кажется, именно так должен пахнуть порок помноженный на похоть. Это просто... инстинкт. Да, именно инстинкт. Я хотел, мне не дали, и меня проснулся спортивный азарт. Поимею ее — и все пройдет. Помню, в детстве, нам с Рафом отец подарил коллекционные игрушки: ему «Порше», мне — «Ламборджини». И я хотел его машинку, потому что какой-то тумблер в моей голове щелкнул неправильно, и игрушка брата стала самой вожаделенной вещью на свете. Я пытался поменять его на свою, но Раф уперся. И тогда я дождался, когда брат уснет, и к херам собачьим разбил его машинку молотком. А когда увидел, что внутри просто железки и пластмасса, желание получить машинку просто улетучилось. Не было в ней ничего такого, особенным ее сделало мое ненормальное желание.

С Кирой — тоже самое. И для меня она стоит примерно столько же, сколько детская игрушка — куда меньше тех денег, которые с таким пафосом вышвырнула в ведро.

К счастью, у Наташи, моей жены, болит голова и я цепляюсь за этот повод, чтобы свалить. Компания скучная, а я не в том состоянии, чтобы смеяться над бородатыми шутками.

Мы сидим в машине, оба на заднем сиденье. Наташа болтает по телефону, я смотрю в окно, на метель, которая зверствует с самого утра.

Что-то не так в моей жизни. Где-то не там я свернул на этой гоночной трассе, и меня вот-вот расплющит о бетонную стену, которую не объехать. И почему-то хочется, чтобы подушка безопасности не сработала. Треснуться бы обо то-то башкой, чтобы вышибить всю дурь, а лучше — просто забыть.

Забыть?

Черт! Да пошло оно все!

Дома Наташа сразу бежит в ванну, переодевается во что-то почти прозрачно и пытается завалить меня в постель.

Я ее не люблю. Это просто бизнес. Просто ее отец — мой единственный конкурент в сфере медиа бизнеса. И просто жениться на его дочери было лучшим решением, чтобы прищучить этого гада. Понемногу, я начинаю подминать под себя его активы, вырываю перья из задницы, пока его башка трескается мою красную икру. Образно говоря. По моим примерным расчетам, у Наташи около года, чтобы либо доказать свою пользу, либо принять мои правила игры. Конечно, она знает, что я не храню верность, но знать и принять — большая разница. Может быть, она станет удобной женой, но мне в принципе плевать.

Отец всегда говорил, что люди больших денег живут в мире, где любовь — это разменная монета. Чувства — для слабаков. Раф поддался чувствам — и они свели его в могилу. Со мной такой херни точно не будет.

— Не хочу, — отталкиваю Наташу, когда она начинает недвусмысленно опускать голову.

— В душ пойду. Спи, не жди меня.

Что-что, а минет она делать не любит, и как следствие — делает его хреново. А я не до такой степени ею дорожу, чтобы терпеть, пока мой член вяло лижут, как карамельку.

Вода в душе горячая, бьет упругими струями прямо в лицо, лупит по векам, под которыми все зеленое от поганных криптонитовых глаз. Она все-таки торчит во мне, как иголка, через которую в вену шурует кислород, и смертельные пузырьки вот-вот перекроют поток крови. Чешу вены на сгибе локтя, потому что эта зараза буквально въелась в меня, и с каждой секундой, пока я не нашел способ вышвырнуть Киру из своих мыслей, она проникает все глубже.

Снова она во мне, и теперь-то я точно знаю, что это никакое не «снова», это — «всегда».

Поганая тварь, она точно знала, зачем говорила все те вещи, зачем играла со мной.

Точно натаскали, преподали пару уроков, как пудрить мужикам головы. Но это еще и ее особенный дар. Дар быть невинной шлюхой, потому что только с ней этой срабатывает.

Вода стекает по моим кулакам, которыми я упираюсь в горячий кафель. Этими руками я ее трогал. Эти долбаные пальцы болят, потому что не получили то, чего хотели.

Кира...

Я не понимаю, почему ее имя у меня на губах, но от него тело мгновенно оживает, и член наполняется кровью. Я пытаюсь игнорировать. Пытаюсь думать о том, что в постели меня лежит доступное роскошное

тело, которое я могу взять в любой позе, жарить всю ночь, пока мозги не превратятся в кашу, но...

Кира, Кира, Кира...

Запах ее волос, собранных в до смешного в училковский пучок.

Ее кожа, на которой — только тронь — остаются следы.

Ее теплые упругие губы.

Это саморазрушение, потому что моя внутренняя программа окончательно сломалась.

Один код говорит ей, что эта женщина — продажная шалава, и тянуть к ней может разве что старого извращенца с вялым членом. Другой — что это Кира, и что мое тело хочет ее до посинения яиц. Две крайности, и меня швыряет из одной в другую, словно я — жук в коробке, которую трясет придурковатый ребенок.

В паху так тяжело, что хоть стену долби, и я слишком поздно осознаю, что держу себя за член и рука сама скользит по всей длине.

Нет, это полная херня.

Кира... И ее тугие губы, и язык, как жало. И те ранки на коже.

Бессмысленно врать, что я не хочу ее рот. Хочу так сильно, что кровь проламывает вены, словно стеклянные лабораторные палочки.

Я же хотел ее целовать. Хотел убить поцелуем. Выпить досуха.

Кажется, я стону. Поднимаю голову, чтобы набрать полный рот воды, выплевываю — и снова, теперь уже намеренно:

— Кира, блядь...

Пытаюсь замереть, сделать так, чтобы рука на члене не жила собственной жизнью, но куда там. Думать о чем-то другом, о ком-то другом, быстро, пока еще есть куда отступить, перебраться в голове всех женщин, которые у меня были. Среди них должна быть хотя бы одна горячая штучка, которая нокаутирует образ Киры и вышвырнет ее из моей башки.

Я не буду думать о Кире, я просто на хрен не буду о ней думать.

Я просто...

Ладонь сжимается сильнее, скользит по горячей коже, и я жмурюсь так сильно, что ресницы режут глазные яблоки.

Кира и ее горячий ядовитый рот. Тугой, жадный. Только для меня одного. Вытрахать его до самого горла, чтобы она больше никогда и ни с кем, чтобы только с моим именем на губах.

Я двинулся на ней. Помешался.

Удовольствие скользит под кожей. Поганое удовольствие. Желаю его и не могу принять. Но хочу. Так сильно хочу, что в жопу тормоза.

И в мозгу калейдоскоп картинок, и урановые мурашки по животу от одного ее взгляда снизу-вверх: такая бесстыжая, покорная, на коленях передо мной. И мы оба знаем, что сейчас я бы отдал себя всего: на, стерва, жри, радуйся, что сегодня победа за тобой.

Я зажимаю стон зубами, потому что эти движения уже слишком быстрые, и потому что я живо представляю ее язык на моих венах.

Что ты со мной сделала, Кира? Что в тебе такого, что из-за тебя я дрожу в душе, как будто мне четырнадцать и гормональный всплеск застал прямо на уроке литературы?

Вопрос без ответа.

В моем воображении она стонет, принимая меня все глубже, жадно, наслаждаясь всем, что я даю. В моей грязной фантазии она послушная и такая... моя.

Моя.

Я распахиваю рот, как рыба, глотаю воду, чтобы не подавиться этим на хрен не нужным «моя». Не нужна она мне «моя».

«Да, малышка, открой свой поганый рот... Покажи мне, что в тебе есть хоть капля меня, что не я один тобой отравлен...»

Я сжимаю зубы на костяшках, чтобы сдержать стон. Кожа лопается, я захлебываюсь собственным желанием матерится до хрипоты.

Вколачиваюсь в кулак, словно ненормальный, так яростно, что горит ладонь.

И падаю. Просто падаю так низко, что дальше — только преисподняя.

Вода бьет по спине миллионами игл, и каждая вонзается на всю длину, парализуя мышцы, удерживая в груди ненавистное имя.

Наверное, так и выглядит одержимость.

Завтра я придумаю, как от нее избавиться, даже если придется вырезать ее на медицинском столе.

Я меняю душ с горячего на холодный, почти ледяной, и жду, пока тело замерзнет до состояния «больше ничего не чувствую». Мышцы деревенеют, но это именно то, что нужно. Мысли постепенно приходят в порядок, и я с трудом, но все-таки вышвыриваю оттуда поганый криптонитовый взгляд.

Когда возвращаюсь в спальню, Наташа лежит на животе, лениво листая что-то в планшете. Она поворачивается на мои шаги, призывно стреляет глазами, но я игнорирую ее игривое настроение. Похоже, «головная боль» была лишь предлогом, чтобы поскорее избавиться от скучной компании, но он и мне пришелся кстати.

Укладываюсь рядом, закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на

том, что мне делать со всей этой дрянью.

Было бы большим преувеличением сказать, что я не думал о Кире все эти полгода.

Думал. Не настолько уж я безнадежен, чтобы самому себе не признаться в том, то Кира-блядь была со мной постоянно: когда я делал предложение Наташе, когда потом вел ее в ЗАГС, на свадебной гулянке в ресторане, в первую брачную ночь. И это не считая дней, когда криптонитовая ведьма появлялась просто так, не приурочивая себя ни к какому важному событию в моей жизни: на встрече с деловыми партнерами или когда я слушал отчет финансового отдела. Но я старался не возвращаться к этой странице своей жизни, которую перевернул и пошел дальше. Почему-то воображение особенно настырно подсовывало ее, сидящую на песке, такую худющую и бледную, что только ее зацелованные мною губы были единственным ярким пятном. И моя в кои-то веки проснувшаяся совесть сказала: «Уймись, хватит, она сбежала, сдалась, оставила твою семью в покое, пусть теперь имеет мозг и кошелек другого лоха».

Но сегодня я увидел другую Киру, и она точно не была похожа на бедную овечку.

Она бросила мне вызов. И выглядело это не как смирение или попытка просто избавиться от компании человека, которого боится до дрожи в коленях. Она хотела меня поиметь. Взять за яйца своими погаными газами — и трахнуть, как последнюю сучку.

Поэтому, когда совесть снова нерешительно подняла руку, я просто оторвал ее и затолкал ей в глотку.

— Эй. — Пока я убиваю в себе все человеческое, Наташа успевает взобраться на меня и начинает царапать ногтями грудь. — Вернись ко мне, Габи.

Меня тошнит от этого ее «Габи», но я позволяю себя трахнуть. Это просто механика, ничего больше. У Наташи хорошая грудь, классная жопа, отличное тело, и до тех пор, пока она служит временем заслоном от нападков ее папаши, это полностью компенсирует ее пустую башку и весьма посредственную внешность.

Глава девятнадцатая: Кира

Я почти не сплю всю ночь с пятницы на субботу, потому что боюсь засыпать. Стоит закрыть глаза — и там Габриэль. И я так отчетливо чувствую его запах, будто рядом, стоит лишь протянуть руку. Я даже позволяю себе крохотную слабость: закрываю глаза, цепляюсь взглядом за его взгляд из-под длинных темных ресниц — и падаю лицом в подушку, представляя себе...

Нет! Это просто страх, который мое подсознание конвертирует во что-то более приятное. Механизм замещения, так, кажется, называл это мой психолог. Или не так? Или я просто обманываю себя?

Утро субботы затянуто темно-серыми снежными тучами и синоптики снова передают метель и не рекомендуют надолго выходить из дома, а тем более — выезжать на своем транспорте. Но еще часов в девять звонит мама и так яростно кашляет в трубку, что я быстро собираю вещи, бросаю в сумку ноутбук и выскакиваю за дверь, перекусив только булочкой с маслом и медом.

Снега пока нет, поэтому я почти без проблем добираюсь до метро, прыгаю в первый же вагон — и чуть не подскакиваю на месте, когда возле самого моего уха раздается щелчок затвора фотокамеры. Поворачиваюсь, инстинктивно прикрывая лицо рукой — старая привычка, кажется, это было первым, чему меня научили Димины консультанты.

— Привет, девушка с неуловимой улыбкой, — говорит Алекс Морозов, разглядывая меня невозможно-синими глазами за стеклышками очков. — Кира Викторовна.

Я немного отступаю назад, чтобы вытолкнуть Алекса из моего личного пространства, но он приближается. И так, шаг за шагом, не говоря ни слова, мы пятимся в тупик вагона.

— Не знала, что модные фотографы ездят в метро, — говорю я первое, что приходит в голову.

— Ради вот таких кадров, — он трясет фотоаппаратом, — можно поехать и к черту на рога.

— Вам понравился букет, Кира?

— Вы поставили меня в неловкое положение, — не тушуюсь я. — Я на практике, и мне очень нужно это место. Симпатии с родителями учеников категорически запрещены, а этот букет увидела заместитель директора. Букет и вашу визитку.

Алекс с извинением кривит губы, и продолжает меня рассматривать.

— Милая шапка, вам очень идет, Кира.

— Обычная, — ворчу я, ненавидя себя за то, что тут же появляется желание ее снять.

Этакий треугольник с пушистым помпоном размером почти с мою голову. Взяла первое, что нашла на лотке потому что часть зимних вещей осталась на квартире, которую снимал Дима, и я не стала их забирать, как и остальные его подарки.

— А ведь я вас помню, — вдруг вскидывается он, щелкает пальцами. — Все думал, где раньше мог вас видеть. Вы разве не должны были стать женой одного известного молодого дарования с политической арены?

Он говорит так, словно закончил филфак: легко, непринужденно, не используя слэнг и точно без грязных слов, которыми битком набит рот Габриэля.

Зря я о нем вспомнила: стоило подумать — и сразу в ноздрях распустился его запах, от которого немного кружится голова.

Электронный голос в динамиках объявляет мою станцию, я быстро извиняюсь, желаю Алексу хорошего дня — и выхожу из вагона. Алекс прилипает ладонью к стеклу, подмигивает и по движению губ читаю его: «Еще увидимся, Кира Викторовна».

У мамы простуда. Ничего страшного, но на всякий случай вызываю «скорую». В ее возрасте любое неправильное лечение может грозить осложнениями. Так проходят все выходные: днем я сижу с мамой, ночью — делаю переводы.

А в понедельник утром, проспав всего пару часов, иду на работу, где меня сразу вызывают к директору. Понятия нее имею, что успела натворить, но тут уже весь «педсовет»: директор, заучи и даже классная руководительница, у которой я прохожу практику.

Меня увольняют. Вот так, запросто. Я с трудом понимаю, что вообще происходит, но это похоже на странный суд, без адвоката. Завуч, Евгения Юрьевна, говорит, что она не могла оставить просто так тот случай с цветами, и как бы ей не хотелось, она вынуждена была обратиться к директору со своими подозрениями в моем аморальном поведении. Я даже не успеваю ничего сказать в свою защиту: меня обвиняют и сходу выносят приговор — виновна.

— Я ничего не сделала, — пытаюсь доказать я, но вряд ли кого-то интересуют мои оправдания.

Евгения Юрьевна предосудительно качает головой и кладет передо

мной планшет, на экране которого мое фото в той дурацкой шапке. На странице Алекса Морозова. И приписка: «Мой Бермудский треугольник».

— Послушайте, это просто недоразумение. — Я все еще пытаю хранить спокойствие, но несправедливость колотит по мне сотней мелких молоточков. — Мы просто столкнулись в метро и...

— Кира Викторовна, а ведь я вас предупреждала, — перебивает меня завуч. — На вашем месте я бы не пыталась врать, иначе рискуете получить плохую характеристику от Елены Борисовны, — кивает на мою классную.

Я поджимаю губы, пытаюсь выдохнуть через нос, но ничего не получается. Приступ обрушивается внезапно: валит лавиной, подминает под себя и вышибает из легких воздух, и они сжимаются до состояния склеившейся старой жвачки. Деревенеющими пальцами нащупываю в кармане баллончик, выбегаю в коридор и делаю спасительный вдох. Наваливаюсь на стену, пытаюсь справиться с дыханием.

«Это просто одна большая черна полоса, Кира», — уговариваю себя, собирая вещи. Их немного, только чашка и гигиенические принадлежности. Вера на больничном, и я не буду ей звонить, чтобы рассказать, к чему привела ее попытка устроить мою личную жизнь. По большому счету, если бы не она, меня бы здесь вообще не было. В сущности, это ничего не значит, меня просто уволили. Наверное, было еще что-то, о чем я не знаю, правила, которые не разглашают, проверки, о которых не предупреждают. И я все с треском провалила. Но это ничего, у меня появится время взять еще пару переводов. Наверняка во всем огромном городе найдется хотя бы одна школа, куда меня возьмут на практику.

Но все совсем не так просто. Проходит неделя — и ничего. Я словно бьюсь лбом в бетонную стену, и руки опускаются сами собой. Мама все еще болеет и лучше ей не становится, так что, хоть и протестует, как ребенок, я настаиваю на том, чтобы она легла в больницу. Хорошо, что у меня остались сбережения, плохо, что их не так уж много. Я никогда не брала у Димы деньги, только подарки, которые оставила в той квартире.

А в воскресенье вечером мне звонит Алекс. Даже не нужно спрашивать, откуда у него мой номер, простая логическая цепочка приводит к Вере. Он извиняется не то, чтобы очень энергично, но все-таки мне не приходится себя мучить, чтобы его простить.

— Вы знаете, где находится офис «ТАР-медиа», Кира Викторовна?

— Кто же этого не знает, — на автомате отвечаю я.

— В качестве моих извинений я устроил вам собеседование на вакансию помощника выпускающего редактора. Вы же учитель

литературы? Сумеете писать статьи и заметки? Ну и еще варить кофе и покупать сигареты, точить карандаши и делаю другую очень скучную и не солидную работу.

Я щипаю себя за кожу на сгибе локтя и издаю беззвучное «ой!» Значит, все-таки не сплю. Работа на телевидении? Да я зубами выгрызу эту вакансию.

В понедельник я уже там: служба безопасности интересуется моим именем и тот, кто у них за главного, вручает пропуск, объясняет дорогу. Я поднимаюсь на лифте, нахожу нужную дверь — и оттуда на меня вываливается женщина лет тридцати пяти. Оценивает быстрым взглядом, почему-то задерживается на моей обуви и мне жутко стыдно, что на них остались пятна грязи.

— Я на собеседование, — быстро отвечаю на ее вопросительный взгляд.

— Кира? Ты вовремя. Держи. — Она сваливает на меня кипу папок, и я только чудом успеваю подставить руки и удержать неустойчивую гору. Сумка сползает на локоть, и я, кажется, вот-вот завалюсь на бок, как Пизанская башня. — Пойдем, у нас куча работы.

Я иду за ней, балансируя с документами, как канатоходец с шестом для равновесия.

Мы сворачиваем в широкий коридор — и в ноздри врезается знакомый запах одеколона.

Он стоит посреди коридора, в окружении нескольких мужчин и женщин. Они что-то энергично обсуждают, женщина в классической «тройке» еще и яростно жестикулирует руками. Я с опозданием понимаю, что это — ведущая вечерней программы новостей.

Кажется, сейчас из-за нее весь сыр-бор.

— Все в порядке? — оглядывается на меня женщина, которая должна была проводить собеседование, и я поздно соображаю, что просто встала, а она успела пройти вперед.

— Просто... Да, все в порядке.

Я мысленно беру себя за шиворот, говорю, что это просто еще одна дурацкая насмешка судьбы и что, наверное, Габриэль владеет не только это каналом, но и кучей других информационных ресурсов. Так что нет ничего из ряда вон выходящего в том, что мы столкнулись в офисе одного из них.

Но мне нужно пройти мимо него. Просто пройти рядом с Габриэлем.

Я так часто видела его в костюме, что удивляться вроде нечему, но сегодня он совсем другой. Темно-синий костюм сидит как влитой, плечи туго натягивают дорожную ткань.

Кремовая рубашка расстегнута на пару верхних пуговиц, и я ловлю взглядом изгиб ключицы, когда мы проходит достаточно близко. Габриэль так увлечен, что даже не смотрит по сторонам. Слава богу, я бы просто не выдержала, если он немного повернул голову и увидел меня, в грязных сапогах. И это его насмешливое «грязнуля» приклеилось бы ко мне намертво, до гробовой доски. Темные волосы немного падают на лоб, а там, справа, прячется непослушный вихрь.

Господи, я не должна это помнить?! Зачем я помню его запах? Его жилистые запястья и вот теперь наверняка запомню выпуклую ямку над ключицей под смуглой кожей.

Наверное, там он пахнет солью, и его кожа на вкус...

— Кира, поторапливайся, шевели ногами. Если хочешь это место, то перестань спать на ходу. Кстати, я тоже Викторевна, но только Виктория.

Я моргаю, перехватываю почти упавшую кипу папок, и чувствую, что все изменилось.

Медленно поворачиваю голову — и янтарный взгляд вышибает воздух из легких, проламывает грудную клетку, как удар кулака. Мы просто смотрим друг на друга.

Несколько долгих секунд, и напряжение превращается в высоковольтную дугу.

Габриэль прищуривается, темные ресницы бросают тени на щеки. У него самые длинные ресницы на свете. За такие любая девушка убьет. Ведущая что-то продолжает кричать, но он вскидывает руку, призывая ее замолчать, хоть в исполнении Габриэля этот жест скорее означает: «просто заткнись». И идет ко мне.

— Ты что тут делаешь? — спрашивает с искренним удивлением.

Я даже не успеваю ответить, потому что за меня это делает Виктория Викторевна.

— Габриэль Александрович, я нашла себе помощницу, вот, тестирую, как будет справляться.

— Выглядит болезненной, — говорит он, ни на секунду не отрывая от меня взгляда.

Я мысленно делаю глубокий вдох и морально готовлюсь к тому, что он высмеет меня при всех, а потом просто вытолкнет за дверь. Ничего другого я от этого человека уже давно не жду. Ничего, переживу.

— Добро пожаловать в «ТАР-медиа», Кира, — ухмыляется Габриэль.

И... все? Добро пожаловать? Ни «Кира-блядь», ни «грязнуля»? Ни «пошла вон?»

Ну да, конечно, он же сейчас в образе большого начальника, ни к лицу

показывать при подчиненных, какой он гад, хоть наверняка они и так в курсе. Не хочет усугублять, видимо. Да и какое мне дело?

Прохожу мимо. Ненавижу себя за то, что все еще жду подвоха. Не может Габриэль взять — и ничего не бросить вслед. Не в его стиле оставить меня без обязательной порции унижений. И Габриэль все-таки оправдывает мои ожидания, но это не унижения, а лишь строгое и сухое:

— Виктория, позаботьтесь о том, чтобы ваша подопечная позавтракала, пообедала и поужинала. Мне не нужны проблемы с голодными обмороками.

«Как будто тебе не плевать», — мысленно отвечаю я, и ускоряюсь, чтобы догнать свою будущую начальницу.

Глава двадцатая: Габриэль

Это уже ни хрена не смешно.

Пока я всю неделю вынашиваю планы мести, думаю, как растоптать бумажный кораблик ее прилизанной жизни, Кира сама идет ко мне в руки. Причем — буквально.

Я впервые за полгода приехал в офис «ТАР», да и то лишь из-за ведущей, которая умудрилась сделать какие-то идиотские снимки и выложить их у себя на странице. И народ раздул из этого скандал чуть ли не с растлением малолетних. Само собой, после этого она не может быть «лицом» канала: как-никак, «ТАР» входит в тройку самых рейтинговых каналов, и нужно держать марку.

Я увольняю скандалистку своим единоличным решением, и ей это, конечно же, не нравится. Начинает орать, угрожать, требовать. Обычная женская истерика. Даже не пытаюсь на ней сосредоточиться, потому что все мысль кружатся вокруг Киры. Она где-то здесь, в этом же здании, на одном из кучи этажей. И так уж получается, что она теперь работает на меня.

Мозг уже перебирает варианты, как можно воспользоваться этим преимуществом. И фантазия уходит туда, где я запираю Киру в этом зале, где сейчас у нас совещание по поводу нового назначения, и прямо на столе, закинув ее ноги себе на плечи, разрываю ее на тысячи кусочков.

Как ты стонешь, когда кончаешь, Кира? Как ты любишь, чтобы тебя драли? Медленно и нежно или жестко, как отбойный молоток? Впрочем, все равно. Нежно и медленно у нас с ней точно не будет, потому что я бы ее на хрен убил, затрахал до потери сознания, до изнеможения. И себя заодно, чтобы оторваться, объесться этим десертом до тошноты, смять фантики и вышвырнуть, вместе со своей болезненной одержимостью.

Я с трудом улавливаю нить разговора, только изредка киваю, надеясь, что к тому времени, как закончится эта скука смертная, мой стоит успокоится. Я на хрен такой твердый, что ткань слишком плотно натягивается вокруг члена.

Интересно, если я вызову к себе «для личного собеседования» новую стажерку, это слишком бросится в глаза, учитывая то, что я никогда не страдал такой фигней. Я достаточно взвинчен, чтобы сделать такую глупость, и останавливает лишь то, что здесь хватает лишних ушей, чтобы «странность» просочилась в новости и тогда мне придется выслушивать

истерику Наташи и объясняется с ее отцом. А для этого пока слишком рано.

Всему свое время.

Я задерживаюсь в «ТАР» до самого вечера, хоть планировал заехать всего на час.

Потому что хочу увидеть Киру. Хотя нет, не так: хочу ее увидеть, чтобы отыграться за нашу прошлую встречу. Например, все-таки заставить ее снять с себя все, и показать мне, где у нее депиляция. Это будет забавно.

Воображение усаживает Киру на стол, и я растягиваю ее ноги в разные стороны, словно она — моя марионетка. Только вся разница в том, что в моей фантазии она всегда готова, а на деле постоянно на шаг впереди. И всегда такая холодная, что хотеть ее уже смахивает на какую-то ненормальную тягу к спариванию со статуями.

На улице стемнело, когда я понимаю, что пришло время убираться. Мы не столкнулись лбами в коридоре, не застряли в одном лифте. Но она преследует меня и крипотонированный взгляд выжигает терпение. Нужно и правда валить на хер, пока я не поднял на уши весь офис в поисках тощей стажерки.

Я выхожу на улицу, поднимаю воротник пальто — и БАХ!

Даже сначала не понимаю, почему пальцы сжимаются в кулаки. Почему мир погружается в непроглядный черный туман, сужается до одного единственного образа: Кира и рядом какой-то очкарик. На площадке перед зданием. Он с цветами: скучным веником белых роз, и Кира протягивает руки в варежках, чтобы принять подарок.

Очкарик ей подмигивает, наклоняется... Ниже. Ниже.

Нет, блядь, не смей. Даже не вздумай...

Он целует ее в щеку. Простой целомудренный чмок, но одновременно рука этого пидора опускается ей на талию, пальцы играют ремнем на пальто. Вся эта сцена просто меня разрушает. Словно облученный радиацией: тошнит, выкручивает наружу все внутренности, выворачивает самую паршивую часть меня.

Последняя капля — это нос Киры, который она прячет в букет. И резные снежинки на ее светлых ресницах, и ямочки на щеках, потому что она улыбается. Ямочки, в которые я хочу нырнуть кончиком носа, чтобы почувствовать, какая мягкая у нее кожа. Мне она никогда не улыбалась. Ни единого, мать его, раза.

Да пошло оно все! Пусть катится в самую глубокую жопу вся эта херня и сопливая романтика. Кира-блядь просто нашла очередного ёбаря, и теперь корчит с ним невинность. Это только для меня она неприступная и холодная, как змея.

Невидимая сила хватает меня за грудки и тянет прямо к ним. И с каждым шагом перспектива разбить морду этому слащавому очкарику кажется все более приятной.

Посмотреть, как он будет выкручиваться, пытаюсь поцеловать ее беззубым ртом.

Я просто прохожу мимо и, словно гарпунщик, хватаю ее за локоть. Молча, ни слова ни говоря, тяну за собой, мысленно радуясь, что от неожиданности она выронила букет.

Самое ему место на земле.

— Эй! — возмущенно догоняет очкарик. Забегает вперед, толкает меня в грудь двумя руками. — В чем проблемы? Убери от нее руки.

И откуда же мне так знакома его рожа? Точно где-то видел.

Кира пытается выкрутиться, но я буквально крошу ее взглядом. Она на секунду замирает, а потом снова рвет локоть из моей хватки. Никакого инстинкта самосохранения, раз не понимает, что я сейчас в таком состоянии, что вырваться она сможет только, если оставит мне всю руку целиком.

— У нас с Кирой Викторовной деловой разговор, — говорю сухо и очкарик удивленно моргает. — Ты ее потом трахнешь, если уже заплатил.

— Я тебя ненавижу, — шипит Кира сзади. — Ты просто больной ублюдок.

— А ты не ужинала, — отвечаю я, потому что, клянусь, только что слышал, как у нее урчит живот. — Что я сказал о голодных обмороках и скандалах, ну, Кира?

Она цепенеет, и я пользуюсь ситуацией, чтобы силой дотащить ее до машины и бросить на заднее сиденье.

Все. Мой цивилизованный мозг убит окончательно. Работают только инстинкты.

Короткий кивок водителю и тот успевает заблокировать дверь, прежде, чем Кира успевает сообразить, что прозевала свой шанс сбежать. Я обхожу машину, запрыгиваю назад — и она врезается в меня градом жалящий кулаков. Лупит, куда придется: по плечам, груди, по рукам, пока я, наконец, не фиксирую ее запястья в воздухе. Но и теперь она не сдается: пытается достать меня, укусить.

— Если ты сейчас не успокоишься, я выйду и разобью твоему очкарику лицо, — предупреждаю я. И ловлю себя на том, что жду ее «да». С огромной радостью затолкаю сраный букет ему в задницу. — Хочешь проверить, кто тут Гарри Поттер, а кто — Волан де Морт? Давай, грязнуля, поднимай ставки.

Она молчит, но больше не дергается.

— Куда ты меня везешь? — спрашивает без тени паники. Спокойно, холодно. Ноль эмоций.

— Ужинать, блядь, — рычу я, и отворачиваюсь к окну.

Главное, не сожрать ее по дороге.

Кира достает телефон и начинает что-то энергично вбивать туда что-то, что я невольно пытаюсь угадать, чем таким важным она занята в этот момент.

— Пишешь заявление о похищении? — ерничаю я. Злость все еще клокочет внутри и это самое безобидное, что я могу придумать. Молчание давит на барабанные перепонки.

Был бы дома — врубил на всю катушку что-то потяжелее, чтобы кровь превратилась в напалм, но сейчас тут только Кира, и если она срочно нее перестанет убивать остатки моего несчастного терпения своим носом в телефоне, я точно кого-то придушу. — Прекрати это делать! — рявкаю я.

Кира и ухом не ведет, продолжает что-то набирать. Я вздыхаю, но звук такой, вроде где-то у меня в глотке завелась газонокосилка. Мысленно считаю до трех — и просто выхватываю у Киры телефон. Она ловит ладонями пустоту, смотрит на меня с прожигающей ненавистью, но не просит ничего вернуть. Я бы не полным ублюдком, если бы не посмотрел, что такое она там строчит. Оказалось, сообщение кому-то по имени Вера: в подобранностях описывает, в котором часу я затолкал ее в машину и увез в неизвестном направлении.

— Ты, блядь, правда думаешь, что я собираюсь тебя закопать в лесополосе?

— Не удивилась бы, — отвечает она совершенно серьезно. Волнение выдают только губы, которая она поочередно всасывает в рот и яростно обкусывает.

Нет ничего сексуального в покусанных, покрытых мелкими кровавыми ранками губах, но я смотрю на них, словно на чертов маятник для гипноза — и хочу, хочу... Хочу протолкнуть между этими погаными губами язык, почувствовать, как у нее сведет челюсти от желания укусить, облизать изнутри ее рот, почувствовать, какая она на вкус.

Для начала — здесь.

— Ты смотришь много всякой глупой херни, Кира, — говорю я, пряча ее телефон в карман пальто. — И поэтому в твоей голове столько мусора.

Она с минуту смотрит на меня своими погаными криптонитовыми глазами и вдруг выдает:

— Ты не Волан де Морт.

— Что? — не сразу доходит до меня. Точно, я же сам только что пообещал вздрючить ее очкарика-Поттера.

— Ты — Малфой. — говорит Кира, явно довольна собой. — Обиженный злой мальчишка, который не стал лучшим только потому, что мамочка и папочка ему пообещали, то он будет самым важным. И поэтому ты злишься: от бессилия и от того, что никто тебя не любит.

— В жизни Гермиона дала бы Малфою, потому что он хотя бы не прикидывался добрячком, — огрызаюсь я. Что за детский сад? Мы это серьезно сейчас?

— Я не Гермиона, — фыркает она.

— Конечно, ты не Гермиона, ты — Полумна. Тощая, бледная, больная на всю голову. — И непроизвольно добавляю, уже просто по инерции: — Самая нормальная среди «хорошистов».

— Кто-то фанат Гарри Поттера? — На этот раз Кира втягивает обе губы в рот, потому что очень хочет сдержать улыбку.

Мы пересматриваемся, прекрасно понимая, что обозначают те мои последние слова.

Отставив в сторону книжный героев, я фактически только что признался, что она кажется мне нормальной. И Киру этот триумф точно веселит. Она пытается не показать улыбку, пытается проглотить смех — ее горло энергично работает, но ничего не получается.

Ну же, грязнуля, давай, хотя бы одну улыбку для меня.

Я непроизвольно подаюсь вперед, теперь практически нависая над ней — и Кира выхватывает свой телефону у меня из кармана, в мгновение ока практически прилипая спиной к дверце. Даже подобие улыбки тает без следа. Хотя, какая на хер улыбка — просто еще одна ее хитрость, чтобы усыпить мою бдительность.

Отворачиваюсь, мысленно обзываю ее всеми погаными словами.

Хватит с меня. По горло сыт ее уловками. Плевать на ее улыбку, на то, что она продолжает таскаться с другими мужиками. Она просто заноза у меня в мошонке: болит и зудит, но когда я ее оттуда выну, не останется ничего. Просто еще одна девчонка на раз, как чайный пакетик. Выпью ее — и вышвырну.

Глава двадцать первая: Кира

Весь остаток пути Габриэль не произносит ни звука. Просто смотрит в окно, а я делаю вид, то меня плевать на его присутствие, и что у меня внутри совсем ничего не дрожит и не стонет. Еще пара таких встреч, и я стану профессиональной лгуньей и первоклассной актрисой, только понятия не имею, что делать с той частью души, куда я прячу все эти чувства: желание ему улыбнуться, желание потянуться и притронуться губами к этим его просто безразмерным ресницам.

Но ведь это Габриэль. Красивый и совершенно бездушный монстр. Увидит хоть намек на слабость — и не раздумывая растопчет. Может быть и не растер в труху только потому, что до сих пор ищет, куда бы более ударить.

Он выбирает небольшой итальянский ресторан и нам дают столик в уголке, оформленный а ля беседка в плюще. Я чувствую себя полностью униженной, потому что он заявился сюда одетым с иголочки, а на мои грязные сапоги таращился, кажется, весь зал. Я уже молчу о том, что на мне простые джинсы и свитер. Даже удивительно, как меня вообще сюда пустили.

— Ты женат, — говорю я, когда официантка приносит нам меню и удаляется.

— И? — Он даже не пытается оторвать взгляд от перечня блюд.

Даже не знаю, стоит ли что-то говорить после этого выразительного «и». Женатый мужчина — это табу. А женатый Габриэль — это просто «никогда» помноженное на бесконечность. Поэтому я даже не буду пытаться ему подыгрывать. Просто складываю руки на столе, как школьница и даже не пытаюсь сделать вид, что меня интересует этот вечер. Он приволок меня силой, опозорил перед единственным мужчиной, который не смотрел на меня, как на добычу, и между нами не может быть вообще ничего, тем более — ужина в дорогом ресторане.

Но Габриэлю как обычно, плевать на все. Когда возвращается официантка, он заказывает на двоих: мясо, салат, красное вино. А потом достает телефон — и просто говорит о работе с кем-то на том конце связи. Словно меня вообще не существует, словно он тут ужинает с табуреткой.

Убираю руки под стол и сжимаю их в кулаки. Сильно, пока обрезанные почти под корень ногти не начинают резать ладонь. А потом нам приносят заказа, вино и я закрываю горлышко бокала ладонью, когда

официантка пытается мне налить.

— Кира, убери свою чертову руку, — говорит Габриэль, и что-то в его улыбке стегает мой инстинкт самосохранения.

— Я не буду пить, Эл. И ты меня не заставишь, можешь рычать, сколько влезет.

Официантка молча и явно с интересом наблюдает за нашим поединком, но Габриэль жестом дает понять, что ей лучше уйти. Девушка исчезает мгновенно.

— Не любишь красное вино, грязнуля?

— Не люблю пить в плохой компании.

— То есть тебя, маленькая стерва, не устраивает компания? — Габриэль медленно снимает пиджак, протягивает руку через стол, запонкой вверх. — Сними.

— Нет.

Его янтарные глаза темнеют до цвета крепкого чая, и только золотистые крапинки напоминают, что это все еще одни и те же глаза. Жесткая улыбка прячется в уголках рта, и я уже совершенно не уверена, что поступаю правильно, дергая тигра за усы.

— Я сказал — сними эту долбаную запонку, Кира, или я трахну тебя на этом столе. И никто даже не пикнет против.

Меня трясет от злости. И от того, что его запястье прямо у меня перед носом. И светлая рубашка убийственно контрастирует со смуглой кожей. Противно от себя самой, что я помню — он всегда был смуглым, намного темнее брата. Единственное «темное» пятно в семье, как любил говорить Рафаэль.

— Ну же, Кира, поупрямься еще немного, — подстегивает Габриэль и его ладонь призывно раскрывается. Ладонь, которой я бы хотела, чтобы он потер мою щеку, и лицо вспыхивает огнем. — Я с огромным удовольствием докажу, что не бросаю слов на ветер.

Я могу проглотить это. Хотя нет, я должна проглотить, потому что Габриэль не шутит.

Он достаточно безумен, чтобы исполнить угрозу.

Мы смотрим друг другу в глаза, пока я наощупь вытаскиваю запонку из петли. Пытаюсь не прикасаться к нему, но все-таки скольжу кончиком мизинца по выпуклым венам под тонкой кожей, и сжимаю губы, чтобы не дать волю предательскому вздоху. Габриэль сглатывает, и его взгляд опускается ниже, на мои губы. Ресницы прячут взгляд, который должен бы потеплеть, но становится почти темным, потому что зрачки расширились до размера черных дыр.

— Вторую. — Габриэль меняет руки, и я вынимаю вторую запонку.

Зачем-то держу их в кулаке, боюсь дышать, пока он закатывает рукава. У него самые невозможные руки: в негустой поросли темных волосков, жилистые, крепкие. И мне хочется, чтобы он спровоцировал меня его укусить, потому что хочу вцепиться зубами в его кожу, ощутить ее вкус у себя во рту.

— Жаль, я надеялся, ты откажешься и у меня будет законный повод доказать, какая ты доступная дрянь.

Я бросаю запонки в его бокал, прямо в дорогое вино, и отодвигаю тарелку. Габриэль даже не обращает внимания — буквально за секунды разделяет кусок мяса и меняет наши тарелки.

— Ешь, Кира.

— Я не ем в плохой компании.

— Ты делаешь, что я скажу, пока я прошу просто есть и пить, а не сделать мне минет.

Но мое терпение не безгранично, грязнуля. Поэтому, — он накалывает кусок стейка и пододвигает вилку к моим губам, — поработай ртом над этим куском мяса, Кира, или я подумаю, что ты нарочно меня провоцируешь.

Я медленно стягиваю мясо зубами. Жду, что вот-вот появится приступ тошноты, который случается всегда, когда пытаюсь есть через силу. Но ничего не происходит.

Только вкус сочной, в меру соленой свинины с пряными травами, от которого подступает слюна и живот снова громко урчит.

Габриэль выжидает, пока я прожую — и тут же дает еще один кусок, который я проглатываю уже без угроз. И мне хочется еще. Съесть все, что есть на тарелке. Вот так, без страха, что меня снова вырвет, что живот будет болеть от пищи, которую он не хочет. Как будто эти два с половиной года не было жутких режущих спазмов, не было пыток над собой.

Я просто ем и наслаждаюсь восхитительным вкусом еды.

— Ничего сложного, Кира. — Улыбка триумфа не смягчает ни его взгляд, ни черты лица.

Он выискивает на тарелке полукруглый кусок помидора, берет его прямо пальцами и протягивает мне. — Хорошо, что ты любишь мясо, но овощи нужны для пищеварения.

Мы оба знаем, что это вызов. Кормит меня с рук, как свою собачонку, приручает кнотом и пряником. Ручаюсь, он миллион раз это проворачивал.

— Не боишься, что откушу тебе пальцы, Эл?

«А ты попробуй», — одними губами отвечает он и я делаю то, о чем

мечтала весь вечер — жадно вгрызаюсь в его «угощение». Я знаю, что кусаю больно, потому что делаю это намеренно, за каждое слово унижения, которыми он колотил меня весь вечер. Но губы сами сжимаются поверх места укуса, словно какой-то части меня жизненно важно стереть эту боль с его кожи.

— Я сейчас кончу, грязнуля, — откуда-то, словно из самого горла, рокошет Габриэль.

От этих откровенных пошлых слов что-то поднимается к самому горлу, сдавливает спазмом, не дает сказать в ответ какую-то колкость, мешает придумать ядовитые слова, которые испортят ему все удовольствие. А потом все это беззвучно камнем падает на дно моего желудка, и свивается в змею, вьется внутри, мешая сосредоточиться на попытках сопротивления.

Я слишком поздно вспоминаю, что все еще держу во рту его пальцы, и что мои губы стягиваются вокруг них все туже и туже, и Габриэль подается вперед, преклоняется, начихав на все, через весь стол, почти к самому моему лицу.

— Нет, грязнуля, не смей, — приказывает он, когда я пытаюсь разжать губы. Вместо этого проталкивает большой палец глубже, нарочно проводит подушечкой по зубам. — Сожми сильнее, Кира.

Мотаю головой, и Габриэль закрывает глаза, морщит лоб, словно ему невыносимо больно. На миг мне кажется, что он не станет ждать моего согласия и сделать то, что хочет. Это же Эл, эгоист и самовлюбленный принц с эго размером как расстояние до луны, что ему отказ какой-то «грязнули». Но он вынимает пальцы, откидывается на спинку стула. И делает то, отчего мое сердце совершенно точно перестает биться: целует оба пальца, все еще фиксируя мой взгляд своими демоническими янтарными глазами.

— Ешь, Кира, я хочу увидеть твою тарелку пустой.

Еще один приказ, после чего Габриэль снова как будто теряет ко мне интерес: одной рукой лениво орудует вилок в своей тарелке, другой что-то листает в телефоне и даже умудряется набирать сообщения. Я использую эту паузу, чтобы привести мысли в порядок. Это все не укладывается в голове, словно слишком большой плед для ручной спортивной сумки. Но я пытаюсь, хоть это почти бессмысленно, найти разумное объяснение поступкам Габриэля. Это просто его тактика усыпления бдительности. Но даже если так — зачем ему я? Ни один мужчина за мои двадцать два года столько раз не говорил мне, что я совершенно омерзительная тощая бледная грязнуля, столько это делал Габриэль. Собственно, кроме него

никто и не говорил.

— Видишь, как просто нормально поесть, — кивает на мою совершенно пустую тарелку Габриэль. — Всего-то нужна плохая компания.

И на этот раз беззлобно посмеивается, потому что я от удивления не сразу понимаю, как так получилось, что я съела все, до последнего листа салата. Официантка забирает посуду и нам приносят десерт: что-то восхитительно воздушное, творожное, со свежей клубникой и листочками мяты. Выглядит так, что жалко трогать. И я все еще не понимаю, почему именно в компании самого ненавистного человека в мире, я вдруг забыла о своих проблемах с пищеварением, о том, что я не могу есть, потому что и так стала уродливой из-за шрама. Почему именно с этим мерзавцем вдруг вспомнила, как это: просто наслаждаться едой, и испытывать удовольствие от приятного теплого чувства сытости.

— Она тебя не укусит, — лениво говорит Габриэль, когда я осторожно тычу клубнику вилкой. Запах такой, что хочется забыть о возрасте и о том, что мы в дорогом ресторане, выпустить на волю своего внутреннего ребенка и просто слопать десерт целиком, заталкивая кусочки в рот прямо руками, потому что так точно будет вкуснее.

Бросаю на него сердитый взгляд.

Он наверняка уже празднует победу, триумф. Надо же, мы сидим за одним столом уже почти час, а я до сих пор не сбежала и не попыталась пырнуть его столовым ножом. Эта мысль въедается в мозги неприятной колючкой, но я нахожу силы держать себя в руках.

Какое мне дело до того, что думает этот индюк? Я могу просто наслаждаться десертом.

— Я хочу твою клубнику, — вдруг говорит Габриэль.

Складывает руки на столе, наклоняет голову вперед и приоткрывает рот.

— У тебя своя есть, — ворчу я, опуская взгляд в тарелку с десертом.

— Кира, что конкретно ты не поняла во фразе: «Я хочу твою клубнику?» — уточняет он. — Просто чтобы я понял, какие слова тебе незнакомы, посвятил тебя в сакральный смысл их значения, и ты дала мне то, что я хочу.

Вот, теперь все снова на своих местах. А с другой стороны — то, что нужно. Мой спасительный пинок, чтобы вспомнила, что за человек сидит напротив и почему от него нельзя ждать ничего хорошего, даже если он притащит звезду с неба.

Я накалываю клубнику на самые кончики зубцов, протягиваю ее Габриэлю. Он даже не шевелится, оставляя мне всю работу. Прикладываю

клубнику к его губам — и на мгновение забываю, что собиралась его проучить. Всего на секунду, иди даже половину секунды, любуюсь тем, как его губы притрагиваются к упругой душистой ягоде. Зачем-то в голову лезут воспоминания о том поцелуе на пляже. Так сильно хочется снова почувствовать его губы, такие, как тогда: твердые, жадные, высасывающие душу. Ведь именно тогда все казалось таким настоящим.

К счастью, я все еще в своем уме.

И когда Габриэль уже наверняка мысленно врубает триумфальные фанфары, я просто стряхиваю клубнику за ворот его рубашки. Хотя, кажется, она падает на колени. Не все ли равно? Сажусь на свое место, и пока Габриэль раздумывает, как выпустить пар, тянусь ко второй клубнике.

Но в это время у него звонит телефон и даже с того места, где я сижу, видно, что на экране написано: «Жена».

Господи, что я делаю? Сижу в ресторане с женатым Габриэлем Крюгером?

Он даже не трудится отвечать, просто нажимает «Отклонить» и с психами швыряет клубнику прям на белоснежную скатерть.

А меня снова выкручивает знакомая тошнота. Отодвигаю тарелку и прикладываю салфетку к губам. Когда первый приступ проходит, набираю в легкие воздух и сухо говорю:

— Я наелась, а тебе пора домой.

Встаю и мало что замечая, бреду к выходу. По пути, на чистых инстинктах, забираю пальто, даже не надеваю его, а просто накидываю на плечи. Главное просто выйти на улицу, глотнуть свежий и вбить в свою тупую голову, что Габриэль — это всегда только Габриэль. Кусок гранита в груди, кислота вместо крови и просто мерзавец.

Глава двадцать вторая: Габриэль

Я чувствую, когда все меняется. Не настолько же отупел от того, что уже битый час не могу нормально сидеть, ощущая себя так, будто впервые в жизни жду минет. Потому что в тот момент, когда она сосала мои пальцы, я правда был как никогда близок к тому, чтобы кончить в трусы. И где-то в затылке кололась мысль, что этот оргазм может быть одновременно и самым ненормальным, и самым охуенным в моей жизни. И Кира выглядела такой очаровательной в ту минуту, что я чуть было не поверил в ее невинность.

Ключевое слово «чуть было». Потому что, когда она прикрыла глаза, покусывая мой палец, я вдруг вспомнил, что это та самая Кира-блядь, которую Раф отыскал в эскорт-агентстве, которая встречалась с моим дядей и разводила его, как последнего идиота, корча из себя святую.

И мозги быстро встали на место. Словно невидимая рука щедро, одним ударом, вколотила их обратно в череп. Даже перед глазами все поплыло.

В ту минуту я понял, что сегодня я ее трахну. Отвезу на свою холостяцкую квартиру и сделаю с ней все, что захочу. И, конечно, начну с ее рта. С этих поганных развратных тугих губ в чертовых ранках. Какого хера она все время их кусает?

Но все планы пошли коту под хвост. Я точно знаю, что не записывал Наташу «женой». И не делал этого по двум причинам. Во-первых, я не считаю ее женой в полном смысле этого слова, потому что она просто рычаг, под которым я временно застолбил территорию, во-вторых, потому что периодически хожу на сторону, и последнее, что мне нужно — звонки от жены в тот момент, когда меня объезжает какая-то грудастая красотка. А раз я этого не делал, то это сделала Наташа. А ведь я предупреждал, что мои вещи трогать нельзя. Предупреждал и доходчиво дал понять, каким злым буду, если узнаю, что она нарушила правило.

Но это все равно позже, а сейчас нужно догнать грязнулю, потому что она всерьез намерилась сбежать.

Я забираю пиджак, пытаюсь найти Киру взглядом, но ее и след простыл.

На улице валит снег — ни черта не видно. Я спрашиваю водителя, куда она подевалась и иду в указанном направлении. Догоняю ее почти сразу: дура чуть не прет на дорогу на красный сигнал светофора. Я хватаю в кулак

ворот ее пальто, но Кира продолжает идти, а пальто остается у меня в руках.

Практически рычу, наверное, готовый раскатать эту блаженную до состояния папиросной бумаги. И делаю еще одну попытку ее поймать: на этот раз пятерней, сзади за шею, прямо на себя. Она неуклюже пятится падает спиной мне на грудь.

Словно в сеть, ловлю Киру в ее же пальто, заворачиваю, как младенца и беру на руки.

Ее всю трясет, глаза смотрят с такой злостью и ненавистью, что будь я в самом деле Суперменом, она бы уже на хрен меня убила двумя своими криптонитами.

— Отпусти меня, — брыкается она.

Снежинки падают на щеки, превращаются в холодные капли, и я вижу в них свое отражение. Ну и рожа у меня.

— Дернешься еще раз, грязнуля, и узнаешь, какой я бываю, когда маленькие стервы пытаются сделать из моего мозга безе.

— Я тебя видеть больше не хочу. Сделай нам обоим хорошо — просто оставь меня в покое.

— Кира Викторовна, я обязательно сделаю вам хорошо, — ухмыляюсь я, одновременно радуясь, что в пылу перепалки она не соображает, что я почти донес ее до машины. — И теперь мы будем очень часто видеться, потому что ты, блядь, на меня работаешь!

Я буквально укладываю Киру на заднее сиденье и быстро сажусь следом. Кажется, даже успеваю связать грязнулю рукавами ее же пальто. Она даже нос наморщила — точно сейчас будет плакать. Но нет, снова никаких слез, только порция ненависти для меня, хоть сегодня я был просто долбаным ангелом.

— Спасибо, что напомнил, Эл. Завтра я больше не буду стажеркой. Куда угодно пойду, лишь бы подальше от тебя.

— Заткнись! — все-таки взрываюсь я. — Просто поддержи свой рот закрытым!

Господи помоги, я уже ни хера не соображаю.

Кира перестает говорить и даже не шевелится, просто кое-как — в целом даже довольно забавно — пытается вынудить из плена хотя бы плечи. Будь ситуация не такой хреновой, а я — не таким доведенным до белого каления, был бы хороший повод обозвать ее гусеницей и вместе посмеяться. Просто хорошо провести вместе вечер, никому ничего нее доказывая, а потом — еще более классно провести ночь.

Но стоит поймать взгляд Киры, как мысль отвезти ее на свою

холостяцкую квартиру со скоростью звука вылетает из моей головы. У меня всякое в жизни было, но я никогда не принуждал женщину к сексу и никогда не брал ее силой. Потому что я придурок и в целом большое говно, но не насильник и не мудака. Женина должна хотеть мой член у себя между ног — и тогда она его получит на радость нам обоим. Глядя на Киру, я четко осознаю: все, чего она хочет — избавиться от моей компании.

— Скажи, куда тебя отвезти, — говорю я, глядя прямо перед собой.

Ее глаза меня просто убивают. Я чувствую, что там, в своей паршивой голове, она кем только меня не называет, и уже морально созрела к тому, что долбоеб Габриэль Крюгер повезет ее насиловать в самой изощренной форме. Вот кто я для нее: просто больной на всю голову ублюдок.

«Молодец, Габриэль, добился, чего хотел — она тебя боится».

— Домой, — сразу отвечает Кира и скороговоркой надиктовывает адрес.

Водитель ждет моего одобрения, и я киваю ему в зеркало заднего вида.

Всю дорогу — ни полслова. Я выжат до суха, словно меня только что нокаутировали и теперь выносят с поля на носилках, потому что даже в выжатой половой тряпке способностей к сопротивлению больше, чем во мне сейчас. В башке пусто, в груди — полный штиль. Если бы в Киру вселился бес и ей захотелось перегрызть мне горло, я бы не стал сопротивляться.

Мы едем и едем, дорога какая-то словно резиновая. И я начинаю тупо задыхаться, и руки сводит судорогой, потому что Киры вдруг становится слишком много. Она проникает в меня как отравляющий газ, и снова будит в башке всякую хрень вроде той, что я думал до того, как поймал ее на дороге: взять себя в руки, вспомнить, что ни одна женщина, которую я хотел, не говорила мне «нет» — и просто соблазнить Киру.

Насытится, сбить оскомину. И с каждой секундой эта мысль крепнет. Фактически, когда машина, наконец, притормаживает, я прочно зацементирован идеей прямо сейчас довести начатое до конца.

Наверное, поэтому не сразу замечаю, что Кира все-таки освободилась из пальто.

Выхожу, открываю дверцу с ее стороны, почти уверенный, что грязнуля бросится наутек, но ей наверняка тоже было о чем подумать, потому что и она выглядит притихшей.

— Ты здесь живешь? — Я бросаю взгляд на старую кирпичную пятиэтажку, которая выглядит так, будто дом давно пора отдать под снос. И учитывая, сколько мы ехали, это чуть ли не окраина города.

— Оставь меня в покое, Габриэль, — игнорируя мой вопрос, сухо

говорит Кира. — Я не буду больше портить экстерьер «ТАР» своим присутствием. Если бы могла, поверь, я бы и на другую планету переселилась, лишь бы никогда тебя больше не видеть, но это пока невозможно.

Три предложения.

Три удара мне по почкам, от которых скручивает злость и ненависть, и неудовлетворенность, и куча другой херни, которую во мне будит эта фальшивая недотрога. Снова. Опять.

— Зачем тебе свобода, грязнуля? Думаешь, в этом городе есть кто-то, кто заплатит за тебя больше, чем я?

— Нет, конечно, кто же станет тягаться со всемогущим Элом, — язвит она. — Но я лучше даром отдамся, чем тебе за все твои деньги.

Вот оно. Она просто не хочет меня. Не потому что — в моей голове рождались и такие мысли — не такая испорченная дрянь, как я о ней думаю — а просто из принципа. Дать кому угодно, но только не мне.

Ладно, раз ты грязнуля, то и играть с тобой нужно по грязным правилам.

— Я уже однажды предлагал тебе деньги, Кира, — догоняю ее в спину злым напоминанием, — И уже говорил, что второй раз платить за тебя не стану.

Она даже не поворачивается: дверь подъезда со скрипом открывается — и темнота проглатывает Киру всю без остатка.

Глава двадцать третья: Кира

На следующее утро я еду в «ТАР» с твердым намерением отказаться от места стажера.

Не думаю, что найду такое же хорошее место, но это не имеет значения. Я должна просто свести к минимуму все точки соприкосновения с Габриэлем, и чем раньше это сделаю — тем лучше.

Он снился мне всю ночь. Я просыпалась, включала телевизор, смотрела передачу про космические корабли и смертельные метеориты, в надежде, что когда усну снова, то полечу в далекую галактику, где Элом даже пахнуть не будет. Но я засыпала — и снова оказывалась в руках Габриэля. И так до самого утра, бесконечная цепочка полусна-полуяви. Более, чем громкий сигнал о том, что пора избавляться от Габриэля. Снова.

Потому что еще пара дней таких снов — и в следующую нашу встречу я соглашусь на все, о чем он попросит. И возненавижу себя за это.

— Хорошо, что ты приехала раньше. — Виктория Викторовна даже не дает мне рта открыть. — Поменялись планы, будем записывать эфир. Нужно подготовить вопросы и подать список на одобрение. На все про все час. У нас в гостях Дмитрий Рязанов.

Я одними губами проговариваю «Дима?» и быстро, пока мое ненормальное удивление не стало заметно. Вот тебе и ушла.

Я знала Диму два года и немного до того. Поэтому мне не составляет труда придумать вопросы, которые его заинтересуют, не будут грубо вторгаться в личную жизнь и которые его помощники не вычеркнут, посчитав провокационными. Через полчаса даю Виктории список. Она скептически бросает взгляд на часы, мол, чего это я так быстро справилась? Но, прочитав, удивленно вскидывает брови.

— Очень хорошо, молодец. Очень-очень хорошо.

Чувствую себя совершенно раздавленной. Хотела уйти — не ушла. Еще и эта похвала, которую, в общем, получила незаслуженно. Но хуже всего то, что мне вдруг понравилась эта суматоха, спешка, драйв, во время которого в кровь ударил адреналин.

И мне бы хотелось еще немного, а лучше — много и каждый день. Но ведь я собралась уходить?

Виктория дает мне работу, в которую я ныряю с головой: нужно мониторить официальные страницы политиков и находить что-то свежее и интересное, чтобы пускать эти врезки тридцатисекундными промо на

протяжении всего эфира. Я так увлекаюсь, что не сразу слышу, когда она зовет меня и говорит:

— Ни одного вычеркнутого вопроса, стажерка. Молодец!

Дима должен приехать пять, чтобы его успели загримировать до эфира в семнадцать тридцать, но, когда я сдаю все материалы, электронные часы на экране телефона уже подбираются к семи вечера. Потихоньку собираюсь и получив у Виктории официальное разрешение идти домой, выхожу в коридор, на ходу застегивая куртку. Дам себе еще одну ночь, чтобы подумать: стоит ли возможная работа мечты того, чтобы каждый рабочий день проводить с дамокловым мечом над головой.

— Кира?

Я узнаю голос Димы. Судьба снова шутит, подбрасывая мне встречи с прошлым. Хотя, кого я обманываю? Шанс с толкнуться с ним был почти один к одному.

А у меня снова грязная обувь, и почему-то именно этот факт дает силы улыбнуться.

Я поворачиваюсь — и Дима стоит рядом, так близко, что мог бы до меня дотронуться. И, наверное, такая мысль тоже приходит ему в голову, потому что его руки, которые до этого спокойно висели вдоль дела, начинают подниматься — и тут же опускаются.

— Привет, — неуклюже здороваюсь я. Хотя мы совсем рядом, все равно хочется помахать ему рукой, будто мы на разных сторонах реки.

— Ты что — здесь работаешь? — Он выглядит искренне удивленным.

Просто киваю и продолжаю комкать в руках шапку. Дима вдруг хмурится, потирает лоб, словно что-то вспомнил и говорит, уже с растерянной улыбкой.

— Те вопросы — ты писала?

Еще один бестолковый кивок, после которого я снова фокусируюсь на своей грязной обуви.

Мы же не были чужими людьми. Он был рядом, когда я отходила в больницу после пожара, он сделал мне предложение, он дарил подарки и обещал, что превратит мою жизнь в сказку. Я носила подаренное им помолвочное кольцо. А сейчас мы просто стоим рядом и нам не о чем — совсем не о чем! — поговорит. Эта пауза такая длинная и неловкая, что хочется сквозь землю провалиться. Диме даже не нужно спрашивать, как у меня дела: это и так ясно по моим сапогам, моей простой одежде и по синякам под глазами.

Но он все-таки спрашивает. И я отвечаю: все хорошо, заканчиваю учебу, стажируюсь и очень устаю. Готовлюсь сказать, что от желания

выспаться еле стою на ногах, но он тянется ко мне и все-таки берет за локоть. Осторожно, галантно, как умеет только он.

Не хватает, как Габриэль, словно я его кукла, которой можно и руки оторвать.

Но что-то не так. Вообще не так. Потому что от близости Эла у меня кровь бурлит, как будто в стакан с растворенной лимонной кислотой бросили щепотку соды. А с Димой просто: спокойно, даже дыхание не сбивается. Но ведь так и должно быть? Какая нормальная женщина хочет мексиканских страстей? Точно не я.

— Мне жаль, что я такой идиот, — вдруг говорит Дима. Звучит очень убедительно.

— А мне жаль, что я не сказала сразу, — устало бормочу я. Честно, сегодня совершенно не подходящий день для выяснения отношений. Но поговорить о случившемся нам все-таки нужно. И видимо это случится сейчас. — Я...

— Ты едешь со мной, — громыкает над правым ухом знакомый голос. Хотя не голос, точно: опускает на голову, словно стальная кувалда. Несколько слов — а я уже чувствую себя вколоченной в землю сваей.

И в этом весь Эл: сцапывает за талию, тянет на себя, хоть я упираюсь пятками. Ему плевать на все и на всех. Эл хочет — Эл берет.

— Габриэль, прекрати, — вмешивается Дима, но слова действуют только на цивилизованных людей, и Крюгер не из их числа. Остановить его может разве что еще один мордобой.

— У нас с Кирой важные дела, так что поговорите в следующий раз, — фыркает Эл. — Пойдем, грязнуля, риелтор ждать не будет.

Кто-кто?

— Я никуда с тобой не пойду, — говорю я, все еще отчаянно пытаюсь освободиться. — Я не просила никакого риелтора, не понимаю, о чем ты говоришь.

Дима внимательно наблюдает за нами и мне хочется, чтобы Габриэль просто перестал существовать. Чтобы я проснулась и вдруг знала, что все это время смотрела страшный сон, в котором один ненормальный подонок портил мне кровь просто потому, что он придумал полную голову ерунды. Но это было бы слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

— Что вообще происходит? — спрашивает Дима, укладывая свою ладонь на пальцы Эла, свернутые стальным кольцом вокруг моего предплечья. — Убери от нее руки.

— Я что-то пропустил, и вы снова встречаетесь? — вкрадчиво, с плохо спрятанной издевкой, интересуется Габриэль.

— Нет, — глухо отвечает Дима и убирает руку.

На миг мне хочется, чтобы он, как тогда на пляже, отделал Габриэля до потери сознания, но я понимаю: тогда Эл по какой-то причине дал себя избить. Наверное, так сходил с ума. Сегодня, если бы Диме захотелось почесать об него кулаки, он бы дал сдачи.

— Она должна тебе что-нибудь? — Габриэль все-таки отпускает мою руку, чтобы достать портмоне и демонстративно вытащить пару купюр. — Минет не успела сделать? Или порочить тебе, пока ты смотришь видео про спаривание слонов? Ну? У меня мало времени.

Я не знаю, что отвечает Дима, потому что закрываю уши руками и иду к лифту, мысленно проговаривая считалку из фильма ужасов про Фредди Крюгера. Если он меня тронет, если только скажет еще хоть слово — я его убью. Просто разотру в порошок. И меня посадят. И всю свою жизнь я просижу в одиночной камере, как особо опасная преступница, и каждую минуту буду радоваться, что именно я избавила мир от этого гада.

Но все не так просто, потому что Габриэль успевает втиснуться в лифт следом за мной.

— Какого хрена он от тебя хотел? — слышу его злобное шипение.

Поворачиваюсь — и с разворота, со всей силы, на которую способна, бью его сумкой по плечу. Эл громко матерится, но я уже перехватываю ремешок и наотмашь, куда придется, со всей злостью, помноженной на обиду и ненависть.

Хлесткий звук удара режет слух. И Эл неожиданно замолкает.

Тишина виснет такая, что шелест спускающегося лифта и звук открывшихся дверей грохочут где-то на уровне подсознания, как реальная декорация к фильму ужасов.

Я не смотрю на Габриэля, достаточно того, что он не удерживает меня силой и, наконец-то, молчит. Выхожу — и на половине пути, когда до двери остается всего пара шагов, непонятная сила тянет меня в сторону. Сметает, словно экскаваторный ковш, впечатывает в стену до черных искр из глаз. И отравленное злобой дыхание скользит по губам.

— Открой свои чертовы глаза, грязнуля, — приказывает он.

Наверное, стержень во мне недостаточно толстый и крепкий, потому что я не могу не подчиниться, хоть в эту минуту больше всего на свете боюсь увидеть, что же я наделала.

Но глаза открываются сами собой, словно этот мерзавец имеет власть управлять мной голосом.

Тонкая ярко-красная косая полоса раскроила его лицо надвое — от правой брови, через переносицу на левую щеку. Сумка валится из моих

рук, колени пускаются в пляс. Это правда сделала я? Я в жизни мухи не обидела, тащила домой всех бездомных котят и выпавших из гнезда птенцов, а однажды даже облитого керосином ежа. Но вот это, с Элом — сделала я?

— Это больно, грязнуля, — говорит он глухо.

Он получил по заслугам, потому что я не заслужила ни одного слова, которыми он постоянно прокалывает меня, и я лопаюсь, как воздушный шар. Но мне невыносимо смотреть на уродливую полосу, которая буквально на глазах становится более выпуклой и темной. Хочется отмотать время вспять, не заносить руку, не бить его проклятым ремешком от сумки. Просто не позволять отраве по имени «Габриэль Крюгер» будить во мне эту мерзость.

— Прости, пожалуйста, — говорю я, чувствуя, что чем больше смотрю на него, тем сильнее болит собственная кожа. Как будто он отпечатывается на мне.

Эл ничего не отвечает: подталкивает меня к двери, а на улице — в машину.

На заднем сиденье лежат цветы: целая охапка маленьких подсолнухов. Как будто кто-то сгонял в будущее и принес кусочек лета в мерзлый февральский вторник.

Я вовремя останавливаю себя от того, чтобы потрогать ярко-оранжевые лепестки.

Зачем мне это? Мир должен вывернуться наизнанку, чтобы Крюгеру захотелось сделать мне приятно, тем более — букетов подсолнухов. Он знать не знает, что я их люблю. Рафаэль однажды подарил мне именно подсолнухи, случайно, просто угадал, и я радовалась, как ребенок.

А этот букет Габриэль просто везет жене, конечно же. Я тут вообще не при чем. Кто знает, что со мной сделает, если оскверню красоту своими недостойными грязными руками, так что демонстративно отодвигаюсь подальше.

— Что он от тебя хотел? — спрашивает Габриэль. Грубо хватает цветы и швыряет на сиденье рядом с водителем.

— Дима приходил на запись эфира, мы случайно столкнулись. — Я устала с ним пикироваться, а это — просто правда, от меня ничего не отвалится ее сказать.

Он молча отворачивается к окну, ни единой эмоцией не выдавая свои мысли.

Кажется, я начинаю привыкать к тому, что в его машине мы ездим так, будто нас разделяет стеклянная перегородка. Даже у случайных попутчиков

в такси тем для разговора больше, чем у нас.

Глава двадцать четвертая: Габриэль

Я чуть было не совершил глупость.

Точнее, я ее свершил, но не довел до конца, потому что вовремя расклеил глаза.

О чем только думал? Букет, квартира, на, Кира, только перестань быть такой унылой и скучной соплей, и стань, наконец, девчонкой, которая отдается за деньги. Я даже заберу свои слова назад, задарю тебя подарками, как хренов царь Соломон, только перестань делать вид, что именно мои деньги — самые грязные в мире, а мой член — самый противный.

Я почти и не спал, потому что в голову лезла какая-то сюрреалистическая чушь, где Кира спит в свое постели почему-то в идиотской мешковатой пижаме, а ей на голову падает потолок, и весь дом оседает в гору пыли. Всю ночь я убеждал себя, что мне плевать, а утром первым делом дал задание своей секретарше найти хорошую квартиру неподалеку от «ТАР». Эта женщина проела мой мозг. Не знаю, как ей это удалось, но эта одержимость больше не мучает меня. Я ей, блядь, наслаждаюсь!

И что в итоге? Стоит отвернуться — и рядом с ней снова какой-то мужик. И не кто-нибудь, а мой дядя, за которого она собираюсь замуж. И он так на нее смотрит, будто сожрать готов. Я мужик, я понимаю, когда вижу на лице другого самца то, что и сам чувствую.

Я хотел его убить просто за то, что он стоит достаточно близко, чтобы дышать с Кирой одним воздухом. Я правда желал смерти собственному дяде, и до сих пор желаю. убил бы — и на одного придурка, пускающего слюни на мою Киру стало бы меньше.

Стискиваю челюсти так сильно, что зубы впиваются в десны.

Она «не моя». Она мне на хер не нужна «моя».

Машина притормаживает у новостройки. Дом мне нравится: одна квартира — отдельный вход. Два этажа плюс мансарда и подземный гараж. Красивые витражные окна между лестничными пролетами.

— Я никуда не пойду.

Кира складывает руки на груди, так что приходится обходить машину и за руки вытаскивать упрямыцу наружу. Отметина на роже от ремня ее сумки просто зверски горит, как будто у меня под кожей торчит игла толщиной в палец. Я гоню прочь мысли о том, чтобы я сделал с кем-то другим, будь он на месте Киры. Об этом правда лучше не думать, потому

что следом сразу придут мысли: а какого, собственно, хрена, я не делаю это с ней? Ответ меня вряд ли порадует.

— Ты пойдешь, упрямая гусыня, или я понесу тебя на плече, как истеричку.

Я не преувеличиваю на этот раз и точно не шучу. Если не пойдет своими ногами — я точно лопну, на хрен разойдусь по швам. И я сам не знаю, что за чудовище из меня вылезет.

Наверное, и Кира это чувствует, потому что перестает брыкаться и все-таки выходит.

Послушно идет к двери, где нас уже ждет риелтор: девчонка примерно ее возраста, которая — видно глаз набит — сразу понимает, что к чему и протягивает мне ладонь для рукопожатия и предлагает посмотреть жилье.

Кира молчит, как в рот воды набрала. И не роняет ни звука на протяжении всей экскурсии.

— Нам нужно посоветоваться, — говорю риелтору, и та без разговоров выходит на улицу.

Кира стоит посреди гостиной и смотрит в стену. Тупо в голую стену.

— Тебе нравится? — спрашиваю я, чувствуя себя полным дебилом.

— Нет, — отвечает она с нулем эмоций на лице.

Ну логично, а на что ты рассчитывал, Габриэль? Что она упадет на колени и будет целовать тебе ноги?

— А мне нравится, — наплевав на ее «нет», говорю я.

— Что происходит, Эл?

— Ты переезжаешь сюда. Я так хочу.

— А сейчас ты скажешь про программу поддержки перспективных сотрудников? — жестко улыбается она одними губами.

— Что? Нет, мне бы такая хрень и в голову не пришла.

— Ты женат.

Бля, ну да, я женат, но ей до этого какое дело?

— У меня есть жилье, оно меня устраивает, — бросает вдогонку.

— А меня устраивает приезжать к тебе, когда мне того захочется. И не в хлев, а в цивилизацию. Тут джакузи есть. Трахалась в джакузи? Ощущения непередаваемые.

— Пошел ты!

— Проверь свой телефон, Кира.

Она явно не собирается, но стоит только дернуться в ее сторону, как сразу достает мобильник из сумки и с удивлением смотрит на экран. Хозяйка ее съемного сарая при мне набирала Киру раз пять, но она не ответила. А вот зря.

— Перезвони, грязнуля, и узнаешь, что должна съехать завтра до десяти утра.

Кира не верит на слово, выходит в другую комнату и перезванивает. Разговор не долгий: хозяйка прислушалась ко всем моим внушениям и не дает ей даже рта раскрыть — я понимаю это по обрывкам фраз. Но и это еще не все.

Кира замолкает, и я прокрадываюсь в дверной проем, чтобы подслушать еще один разговор. Что ж, хотя бы в чем-то она предсказуема: звонит маме.

У Киры хорошая мама, и она явно даже не догадывается о «веселом» прошлом своей дочери. И как все хорошие любящие мамы просто невыносимо доверчива. Ну и плюс я хороший лгун.

Кира разрывает звонок, поворачивается ко мне и тихим, просто до шелеста шепотом, спрашивает:

— Зачем ты сказал, что мы встречаемся? Что еще за «решительный шаг вперед»?

Прямо в точности мои слова.

— Потому что твоей маме вряд ли понравилась бы права о том, что ее дочь продает любовь за деньги и я просто очередной щедрый покупатель.

Кира так на меня смотрит, что даже у меня, здорового мужика, липнет между лопатками. Нет, она не злится и не в бешенстве. У нее взгляд пустоты: там вообще нет ничего, за этими криптонитовыми глазами. Она словно пламя на свече, которое ярко вспыхнуло — и погасло, не оставив даже выдох дыма на прощанье. Кира не кричит, не скандалит, не пытается снова меня ударить. Просто стоит почти такая же каменная, как и странная мраморная фигня а ля «импрессионизм в камне» в одном из углов.

— И ты, конечно же забыл ей сказать, что женат? — уточняет Кира.

— Конечно же, я забыл, — пытаюсь огрызнуться я, но чувства гаснут, словно огонь в вакууме. Можно хоть об стену убиться, а Кира не отреагирует вообще ни на что. Как будто прямо у меня под носом величайший фокусник совершил идеальный подлог, заменив живую женщину на недоработанного киборга.

Кира пожимает плечами, проводит мимо, и натывается на меня плечом и ей все равно, а ведь раньше старалась обходить меня десятой дорогой и от каждого, даже случайного касания, цепенела, краснела и ее глаза загорались, будто подсвеченные изнутри.

В гостиной она подходит к окну, закатывает рукав и выразительно на меня смотрит.

— Кира, что за херня? — начинаю звереть я.

— Доставай наручники, Эл, пристегивай меня к чему-нибудь, — пожимает плечами стерва. — Ты же обо всем позаботился, должен был предусмотреть и такой вариант. Я не останусь здесь добровольно. Мать не выгонит меня на улицу, а даже если выгонит — есть еще метро, вокзалы, скамейки в парке.

— Заткнись!

Во мне термоядерный взрыв и вспышка бешенства такая яркая, что я на миг слепну.

Все исчезает, кроме двух зеленых точек, которые почему-то смотрят на меня фарами несущегося на всем ходу экспресса. И к чертовой матери размазывает по рельсам, рубит на куски, так, что и кишок не собрать.

Кажется, именно сейчас я полностью теряю над собой контроль, потому что, когда пелена спадает с глаз, я уже держу Киру прижатой к стене, прикованной за руки моими ладонями. И ее кости под кожей врезаются в пальцы. И рад бы быть не таким грубым мудаком, но иначе просто не могу: не сейчас и не с ней.

— Значит так, Кира? — Собственный голос крошит нервы. — Что со мной не так, грязнуля? С моими деньгами? Или я рожей не вышел? Что, блядь с тобой такое?!

Она не пытается вырваться. Я бы мог придушить ее на месте — и она бы даже не пикнула, не произнесла ни слова в свою защиту. И реальность делает кульбит: это не она прижата к стенке, это я весь размазан одержимостью, тонким слоем, как кусок масла по огромному батону. Это я тут жертва, зайка в силках, а она — матерый волчара.

Я не знаю ни одной женщины, которая бы отказалась от роскошной дорогой квартиры, денег и да, меня. И ни ради одной я точно так не старался, не получив взамен ничего, кроме пары отравленных ненавистью поцелуев.

— Ты просто мне противен, Эл, — честно отвечает она. Убийственно честно. Глаза в глаза.

Ее запястья у меня под пальцами, я чувствую каждый удар сердца в хрупких венах, но оно бьется ровно, спокойно. Странно, что вообще бьется. — Что ты хочешь, чтобы удовлетворить свою похоть? Секс? Давай, устроим секс: я раздвину ноги и ты сделаешь, что хочешь. Только исчезни из моей жизни, перестань быть тенью у меня за спиной.

Для нас с тобой это ничего не изменит: ты навсегда останешься Габриэлем, а я — Кирой- блядью, грязнулей.

Ее слова будят идиотскую искру ликования, но она тут же умирает в вакууме.

Есть большая разница между тем, чтобы добиться женщину и сломать ее.

Киру я сломал, но она каким-то образом, даже сломанная, доламывает и меня самого.

Сунула свою поганую руку мне в грудь и отрывает по кусочку от сердца, сжирает его, как та драконья королева жрала сердце жеребца^[4].

Она не врет, когда говорит, что отдаст мне себя. И сопротивляться тоже не будет.

Можно прямо сейчас разорвать на ней одежду, прижать к полу это костлявое тело и сделать все, что захочу. Только это уже буду не я и не она.

Я разжимаю пальцы и на мгновение ловлю в зеленом взгляде неподдельное удивление.

— Пошла на хер отсюда, — отворачиваюсь от нее, и отхожу, потому что трясет, как припадочного. — Хозяйка тебя не выгонит, место стажера твое. Трогать не буду, оскомину сбил.

Противен сам себе, но мне хочется, чтобы она осталась. Ничего в жизни так сильно не хотел, как ее сейчас. И не голую, растрханную и порочную Просто ее.

«Почему ты не можешь остаться, Кира? Почему не обнимешь меня сзади и не поделишь эту пустоту во мне? Твои чертовы пальцы предназначены для другого, и я для них недостаточно щедрый и милый?»

Кира стоит на лестнице, но почему-то мешкает. Спиной чувствую ее взгляд и, не поворачиваясь, почти ору:

— Ну?! Убирайся, Кира!

Торопливые шаги, звук закрывшейся двери.

Одиночество сгущается вокруг меня, кладет костлявые пальцы на горло и сдавливает, напевая колыбельную. Уснуть бы — и проснуться в другой реальности, где я вообще никогда не знал эту женщину. И вдруг понимаю: нет, не хочу. Въелась под кожу, как болячка, которую не вырезать скальпелем и не выжечь лазером. И сейчас, когда сука- реальность делает мне кровопускание, из провала в груди все равно вытекает только моя ненависть, а Кира — она глубже, она где-то в костном мозге, в клетках крови, как пузырьки кислорода.

— Я могу показать ещё одну, — вкрадчиво напоминает о своем существовании риелтор.

— Не нужно. — Я оставляю «чаевые» за ее работу и спускаюсь вниз.

Водитель ведет взглядом вправо, показывая, куда ушла Кира, но я нахожу в себе силы даже не смотреть ей вслед. Подсолнухи все еще лежат в машине, но я без сожаления бросаю их в кованную урну. Раф как-то

спросил: «Что подарить девушке, чтобы не быть банальным?» Я спросил, какая она, брат пожал плечами и сказал: «Ну... обычная, блондинка, глаза зеленые».

Почему я сказал, что подарил бы подсолнухи?

Почему он послушал, почему не выбрал что-то другое?

Почему, блядь, Кира впервые вошла в мою жизнь именно с букетом подсолнухов и смотрела на Рафа так, будто он ее царь и бог?

Впервые в жизни я избил Рафа в тот день, когда брат, смеясь, сказал, что встречается с девочкой из эскорта назло матери, и что если я захочу, он передаст мне «Киру-блядь» по наследству.

Я был дерьмом, тем, кто не боялся нырять в выгребную яму ради блага семьи.

Шантажом, подкупом, обманом — как угодно, чтобы вытащить бизнес из долгов. Ради того, чтобы Раф был Принцем, которого показывают на публику, как племенного жеребца. Из-за брата я стал говном, чтобы хоть один Крюгер был нормальным.

А оказалось, что все это время я просто смотрел в зеркало. И слова «Кира-блядь» влипли в мой рот, как будто их придумал я.

И где-то громко играет, как назло, почти пророческое: «Never cared for what they do, never cared for what they know, but I know...»^[5]

Хочется захлебнуться вместе со скрипками и гитарами, и сердце больно, с каждым ударом в такт барабанам: «Пошла ты, Кира, пошла ты, Кира... Пошла ты... Кира... Кира... Пошла ты, не-моя-Кира...»

Глава двадцать пятая: Кира

В десятых числах марта снег выпал до колен и я, добираясь на работу, умудрилась заболеть. Пару дней просидела на таблетках, думая, что как-то переносу на ногах и ничего страшного не случится. И как итог: слегла с температурой под сорок и провалялась в постели все положенные десять дней и кое-как отбиваюсь от попыток мамы приехать меня выхаживать. Она сама недавно после простуды, а я взрослая и уж если я одолела Габриэля Крюгера, то с гриппом тем более справляюсь.

Я не видела Эла уже двадцать три дня.

Но вижу его постоянно, потому что все его фото, какие только можно найти в интернете, есть у меня в телефоне. Я начала собирать их неделю назад, когда впервые почувствовала это — колючую, тяжелую, словно застрявшая в животе глубоководная мина, тоску. Когда поняла, что мне не хватает цвета его глаз, царапающего звука его голоса, его запаха.

Его пальцев у меня на запястьях.

Его вкуса на губах, которые я сгрызла в кровь, пытаюсь достать еще хоть немного Габриэля Крюгера у себя из-под кожи.

Я знаю, что такое «Стокгольмский синдром»^[6] и у меня определенно он.

Я знаю, что поступила правильно, когда сожгла мосты к своему Агрессору.

Я каждый день рву в себе хрупкий росток чувств, которых боюсь и не понимаю, безжалостно выдираю его с корнем, но он пробивается снова и снова.

Я просто тихо и мирно... схожу с ума от болезненной патологической зависимости.

Возможно поэтому даже не удивляюсь, когда на пороге моей квартиры оказывается Дима. Как всегда, в стильном костюме, белой, до рези в глазах, рубашке, модном галстуке. И с плюшевым медведем, который больше меня.

— Ты заболела? — Знакомое беспокойство в голосе.

— Просто грипп, почти прошло.

Я не предлагаю ему зайти: просто оставляю дверь приоткрытой и иду в комнату.

Дима идет следом, осматривает заваленную всякими лекарствами прикроватную тумбочку и тяжело вздыхает.

— Уверен, что тебе безопасно здесь находиться? — спрашиваю я, накидывая на плечи толстый тяжелый плед. И на всякий случай поясняю: — Я не про вирус.

Дима сажает медведя прямо на пол, качает головой и прижимает меня к себе.

Мне сразу становится спокойно и тихо-тихо, как в могиле.

— Кира, выходи за меня замуж. Я все знаю... про твое прошлое.

* * *

Приходится постараться, чтобы высвободиться из их объятий. Димы вдруг становится слишком много, и он меня душит: собой, своим внезапным появлением, своей настойчивостью. Он словно выкачивает воздух из моей крохотной квартирки, и хочется немедленно броситься к окну.

— Кира, прошу, выслушай меня.

Дима нехотя выпускает меня из объятий, но идет буквально шаг в шаг, когда я, пытаюсь придумать, что ответить, иду на кухню. Ставлю чайник, настойчиво отмахиваясь от попыток помочь.

— Я дал задание своей службе безопасности... — начинает Дима, и я поднимаю руку, чтобы он не продолжал.

Руки, когда кладу в чашку два кусочка рафинада, дрожат. И это его «я дал задание» сжимается вокруг головы стальным обручем, продавливая до самого черепа. Он дал задание узнать, кем я была. Он имел на это право. Все верно, так и должно быть.

— Я понимаю, что после всего, что сделала, не заслужила доверия, — бормочу я, не рискуя снимать с плиты свистящий чайник. — Но я сказала тебе правду. Я не была девочкой из эскорта в том смысле, как думают многие. Нет, я не оправдываюсь, заслужила.

Обидно, но я сжимаю веки, чтобы не дать ни единого шанса слезам. Я не имею права плакать, а он имеет право не доверять ни единому моему слову и злиться на то, что поставила его репутацию под удар.

Я не сразу понимаю, что все это говорю вслух. Наверное, после температуры в голове совсем кисель.

— Кира, пожалуйста. — Дима отодвигает меня от плиты, вздыхает, собирается со словами.

— Надо же, важный политик, а слова потерял, — улыбаюсь я, глядя на узел его галстука.

Завязан безупречно.

— С тобой всегда чувствую себя неграмотным пацаном, — совершенно искренне отвечает он. — Может, все-таки в больницу, Кира?

— Я в порядке, завтра все равно на работу.

— Я думаю, будет лучше, если ты найдешь другое место. Ты же хотела работать в школе? Выбирай любую, я все устрою.

Меня немного царапает это его «я думаю, будет лучше», но я держу слова при себе.

— Дима, мне нравится эта работа и я надеюсь, что подхожу им, потому что хочу остаться в «ТАР» уже как постоянный сотрудник. Я хотела работать в школе, но со школой не сложилось, к сожалению. Или это судьба была. — Пожимаю плечами и все-таки разливаю чай по чашкам, ставлю на стол корзинку с бубликами.

— Габриэль будет и дальше тебя доставать, — нехотя говорит Дима.

Просто от одного его имени я вскидываюсь, как рыба без воздуха. Хочется вытолкать Диму за дверь вместе с реальностью, которую он принес за пазухой и теперь вывалил на стол, как просроченный торт. Я и так слишком много думаю о человеке, который не принес мне ничего, кроме разочарования и унижения, а теперь во мне яростно колотится мысль: ведь можно спросить, как у него дела? В этом же нет ничего такого?

— Мы все выяснили с... твоим племянником. — Боюсь, что порежу язык, если произнесу вслух его имя. — И больше не пересекаемся.

Дима даже не скрывает вздох облегчения, говорит, что боялся, что между нами что-то есть, что жутко ревновал после того поцелуя на пляже, и когда потом Габриэль так нагло заявил на меня права. Он говорит и говорит, а прошлое кислотно-яркими слайдами проносится перед глазами, словно пейзаж из вагона поезда. Еще немного — и я добровольно выйду на первой же станции, забуду, что Габриэль Крюгер — мое личное проклятье.

— Дима, послушай... — Он продолжает говорить и мне приходится повысить голос, но получается какое-то мерзкое воронье карканье. — Пожалуйста, послушай меня! Ты хороший человек, добрый и отзывчивый, но мы уже «кончились». Давно. И нет смысла начинать заново. Я не люблю тебя, прости.

«Никогда не любила», — добавляю про себя.

И сравнение с поцелуями моего Агрессора снова настойчиво стучит в голову, сминает под собой всех мужчин до него: Рафаэля, Диму. Это все равно что взрыв цветных красок поверх черно-белого фото.

Дима не спорит, не скатывается до криков и оскорблений. Он как всегда верен себе, только кивает пару раз, как будто соглашается со своими

мыслями. Я провожаю его до двери, и мы еще с минуту просто смотрим друг на друга, как будто пытаемся найти другие, правильные и важные слова. Потому что весь этот диалог — он словно вырванные страницы из книги, без начала и конца. Да мы и расстались с ним так же.

— Кира. — В последний момент, когда я хочу закрыть дверь, Дима резко разворачивается, втискивается в щель плечом. — Это не точка, это — многоточие.

Мне даже кажется, что он наклоняется, чтобы меня поцеловать, мысленно готовлюсь остановить его, но Дима лишь гладит меня по голове, улыбается с видом отца, который великодушно простил шкодника, и уходит, не оборачиваясь.

Глава двадцать шестая: Кира

На работу я выхожу, как в поговорке — с корабля на бал.

По случаю какого-то удачного приобретения целого пакета каналов, в «ТАР» устраивают что-то вроде местечкового корпоратива. Виктория коротко посвящает меня в подробности: скоро в офисе будут большие перемены, все очень загадочно и в целом положительно со всех сторон. Только краем уха слышу сплетни о том, что владелец перекупил акции у своего прямого конкурента, по совместительству отца своей жены.

И эта новость меня... радует?

Я убегая от этой радости целый день: сначала, когда Виктория отпускает меня «буквально на тридцать минут», чтобы я переоделась к вечеру, потом — когда ношусь по этажам, собирая для нее информацию, выполняя мелкие поручения. У меня с собой совсем ничего, поэтому приходится забежать в стоковый магазин, взять первое же попавшееся под руку приличное платье и туфли — и мигом обратно в офис.

Но мысль все-таки догоняет меня, как раз, когда я вхожу в соседнюю кофейню, чтобы принести Виктории их фирменный кофе с бейлисом. Кофейня отрылась на прошлой неделе, но все сотрудники «ТАР» то и дело мелькают с фирменными черно-белыми полосатыми стаканчиками.

Я занимаю очередь — и мысль о том, что жениться ради бизнеса, очень в духе Габриэля.

Он мерзавец и просто черствая свинья, но Крюгер из тех, кто, не задумываясь, положит жизнь, лишь бы реализовать свои финансовые интересы. А, значит, его брак — это просто еще одна ступенька к цели.

Убеждаю себя, что мне должно быть все равно, что думать о нем, как о возможном свободном человеке после всего, что он говорил и делал, просто иррационально и не логично. Но я все равно думаю. Так долго, что начинаю чувствовать знакомый запах одеколона. Наверное, выгляжу очень глупо со стороны, стоя в очереди с закрытыми глазами и катая во рту несуществующий терпкий аромат кожаного салона автомобиля, помноженный на нотки грейпфрута.

Получаю заветный стаканчики — один, с латте, беру для себя — и пулей лечу к двери, потому что минуту назад прилетела эСэМэСка от Виктории, что я срочно ей нужна.

Дверь распаивается у меня перед носом, я пытаюсь отойти, но сзади кто-то напирает плечом. Толчок, от которого я почти теряю равновесие, но

упасть мешает только стоящий впереди человек. Изю всех сил пытаюсь не опрокинуть на него кофе, но пара капель все-таки выплескиваются через прорезь в пластиковой крышке.

— Я прошу прощения, — пытаюсь извиниться я, уже в уме подсчитывая, хватит ли денег на химчистку. — У меня есть влажные сал...

— Ага, у тебя всегда все есть, — слышу знакомый голос.

Габриэль.

Словно звонкий щелчок по носу от Судьбы: «Держи, девочка, добегалась, но не убежала».

Я пытаюсь уступить ему проход, чтобы не создавать столпотворение, но Габриэль успевает раньше: отступает и волна человеческих тел выносит меня наружу. Пальцы так крепко обхватывают стаканчики, что те едва не лопаются по швам. Я отворачиваюсь, торопливо делаю несколько шагов, чтобы увеличить расстояние между собой и Элом.

Выдыхаю, готовлюсь услышать очередную гадость в спину или его коронное «грязнуля».

И ничего. Совсем ничего.

Я не буду поворачиваться, не буду нарываться на его насмешливый взгляд, не дам ни полграмма повода думать, что мне есть до него хоть какое-то дело.

Я не буду.

Я не повернусь.

Это просто идиотское любопытство.

Это часть моей болезненной зависимости.

К черту!

Габриэля на улице нет, но рядом, у обочины, припаркован его «Мерседес». Мне нужно скорее бежать на работу, но мои ноги вросли в мокрый липкий снег, и вряд ли меня теперь вытащить без буксира. Внутренний голос шепчет: беги, Кира, радуйся, добилась, чего хотела. Но я стою, как вкопанная. Жду чего-то. На что-то надеюсь.

Хотя, все я знаю, но эта правда слишком ослепительно смертельная, чтобы позволить ей рушить столпы моей веры.

Габриэль появляется через минуту: в одной руке стаканчик с кофе, другой плотно прижимает к уху телефон. Я до крови прикусываю губу, гашу нерациональную попытку как-то привлечь его внимание. Он ведь должен меня увидеть, на мне горчичное пальто, я торчу в паре метров от его машины. Я неуклюжий слон в посудной лавке.

Но Эл ныряет в салон авто, так ни разу и не посмотрев в мою сторону.

«Мерседес» выруливает на дорогу и скрывается за поворотом.

Это ведь хорошо? Это именно то, чего я добивалась, о чем мечтала каждый раз, попадая под град его оскорблений, под его попытки купить то, что продается. Хотела, чтобы Габриэль просто не видел меня, даже если я буду торчать у него под носом, будто мне повезло заполучить Мантию-невидимку.

Я пытаюсь запить ком в горле совершенно безвкусным кофе и переставляю ноги в сторону офиса. Именно так, не иду, а топаю, словно механическая игрушка, и завода хватает как раз до кабинета Виктории. Она забирает стаканчик, жадно пьет, нахваливая потрясающий аромат, и тут же хоронит все мои мысли под обвалом работы. Ничего срочного, но это очень в ее стиле: устраивать бурю в стакане воды, и паниковать без повода. Благодаря этому я научилась всегда быть в тонусе. Правда, сейчас это совсем не так.

— Ты пойдешь делать прическу? — спрашивает Виктория, когда я возвращаюсь и кладу ей на стол весь нужный материал. Она одобряюще кивает, нахваливая мой педантизм: все разложено по папкам, помечено маркером, со ссылками и сносками. — Ну так что, идешь прихорашиваться? Девочки все пораньше уходят.

У меня нет денег на салон, потому что почти все ушло сперва на лекарства маме, потом на таблетки от гриппа уже себе. А из заначки за аренду я не возьму даже под страхом смертной казни.

— Генеральный сказал, хозяин может заехать, — загадочно говорит Виктория. — Он же без пяти минут холостяк, девочки уже за места в очереди дерутся.

Мое сердце словно окунают в кипяток: кровь мгновенно свертывается, намертво перекрывает ход. И к груди снова подкатывает противная паника, от которой рука уже на чистых рефлексх тянется в карман за баллончиком. Не жду, когда укроет с головой — делаю вдох, другой. Виктория обеспокоенно косится, но я жестами даю понять, что все в порядке.

— Если тебе нужно сделать прическу — беги, я разрешаю.

Я благодарю, и использую шанс чтобы просто сбежать.

Не пойду я ни на какой корпоратив. Не буду испытывать терпение хищника, не буду кормить свою зависимость. Это болезнь, просто синдром Жертвы. Я сильнее своих комплексов, я смогу.

Но, конечно же, я иду. Надеваю простое черное платье до колен с длинными рукавами, скрывающими ожог, собираю волосы заколкой в прическу «классический беспорядок», и даже наношу легкий макияж. Я и правда худая, и тазовые кости немного оттопыривают ткань. Те самые пресловутые кости из поговорки, на которые «мужчины не собаки» не

бросаются.

Я опаздываю на час, а то и больше, потому что только с третьей попытки чудом втискиваюсь в битком набитый вагон в метро, а потом пешком, два квартала, мысленно радуясь, что догадалась оставить туфли в офисе, а в моих любимых «дутиках», я как танк, который не боится грязи.

И возле самого крыльца наталкиваюсь на Алекса. Он в коротком пальто, со стильным полосатым шарфом вокруг шеи и с переброшенной через плечо сумкой от фотоаппарата.

— Здравствуйте, Кира, — улыбается он от уха до уха, и я невольно улыбаюсь в ответ. У этого человека просто заразительная улыбка, из тех, на которые невозможно не ответить. Тычет пальцев сторону небоскреба и говорит: — Буду сегодня собирать компромат, но в счетах это обзовут «оплатой фотоуслуг».

— Тогда я буду держаться от вас подальше, — делано пугаюсь я.

— Предлагаю просто быть моей парой. — Он галантно подставляет локоть. — Я готов подписать договор на салфетках, что обязуюсь не использовать ваши фото ни в каких корыстных или порочащих вас целях. Только, — он поправляет очки, — для личного удовольствия.

Я беру его под руку и дарю благодарную улыбку, потому что Алекс понимающе подстраивается под мой черепаший шаг. Только что я почти пробежала пару кварталов, легкие до сих пор до отказа заполнены еще по зимнему холодным мартовским воздухом.

Ступенька, еще ступенька.

Поднимаю взгляд — и на крыльце появляется Габриэль. Делает пару шагов вниз, нам навстречу. Останавливается, смотрит прямо на меня, скользит взглядом ниже, на локоть Алекса, за который я держусь двумя руками. Этот взгляд сходит на нас, будто лавина. Наверное, и Алекс что-то такое чувствует, потому что мы одновременно останавливаемся.

Эл «не в форме»: вместо костюма — темные потертые джинсы, белый свитер «в обlipку». В широком вороте-«лодочкой» видны ключицы, на крепкой шее — короткий кожаный ремешок с синим плоским камешком.

Габриэль укладывает ладони в передние карманы джинсов, опускает голову, так, что темные волосы наглухо прячут взгляд. Мы проходим мимо: Алекс сдержанно кивает, я одними губами мямлю «Добрый вечер». Сил хватает только, чтобы продолжать улыбаться своему спутнику и держать спину ровно, словно меня позвоночником насадили на вертел.

— Ты снова ни хрена нормально не питаешь, Кира, — слышу знакомое бешенство в голосе.

— У меня все хорошо, — отвечаю я. Зачем? Какая разница, что он так

говорит, это все равно лишь очередная порция оскорблений.

— Я так не думаю, грязнуля.

Понятия не имею, как у него это получается: одним словом снова заставить себя ненавидеть, жалеть, что я вообще думала о нем все эти дни и изо всех сил желать, чтоб он под землю провалился.

— Кира со мной, — спокойно, но уверенно встречается Алекс.

Габриэль дико усмехается, как будто аватар злого божества, и наклоняясь прямо к Алексу, раненым диким зверем хрипит:

— Тронешь ее — и я сыграю на твоих костях в «Ударь суриката».

— Большой злой мужик? — зачем-то продолжает его злить Алекс.

— Большой злой мужик, который будет ее трахать этой ночью, — огрызается Эл. — Но сначала, блядь, накормит, потому что с такими «кавалерами» она скоро будет тарыхтеть костями.

— У тебя все нормально? — подается вперед Алекс. — Выглядишь каким-то больным уродом.

— Я замерзла, — пытаюсь влезть меду ними я. — Алекс, прости, у нас старые обиды, ты ни при чем. Давай зайдем внутрь?

Эл успевает вынуть руки и схватить меня за плечи, будто я — всецело его собственность.

Разворачивает, делает шаг вниз, полностью загораживая свой спиной. Если бы захотела — я бы запросто могла вцепиться зубами ему в затылок, потому что почти воткнулась в него носом.

— А теперь попробуй протянуть к ней руки, — бросает вызов Алексу. — И посмотришь, что я с ними сделаю.

Нормальная женщина на моем месте прямо сейчас взяла бы сумку и отлупила Крюгера по чему придется, и я в шаге от того, чтобы позволить себе эту выходку, но в памяти всплывает наша последняя встреча, и звук удара, и красная полоса на лице Эла.

Пальцы до боли сжимаются на сумке, пытаюсь выдохнуть, найти, за что уцепиться, чтобы сохранить равновесие и не сделать еще хуже. Я знаю, на что способен Габриэль Крюгер. И он нарочно провоцирует Алекса, чтобы превратить драку в огромное бетонное препятствие между нами. Придумал себе, что у нас с Алексом отношения, и теперь пытается просто испортить мне жизнь. Снова позорит, снова говорит глупости, как и не было этого месяца. Господи, неужели это я еще утром переживала, что мерзавец Эл даже не глянул в мою сторону? У меня случилось помутнение рассудка из-за болезни.

— Ты же не ее парень, — делает шаг к Габриэлю Алекс. Теперь они друг напротив друга, разделенные несколькими сантиметрами воздуха, в

котором трещат невидимые молнии. — Ты же Габриэль Крюгер, да? Ты вообще женат, мужик, остынь.

— Ты слишком много разговариваешь, — бросает Эл и я вижу, как под тканью свитера напрягается его спина, мышцы перекачиваются по плечам. — Просто вали на это странное веселье. Один.

— Но я не один, — не сдается Алекс.

— «Я не один» и «я с Кирой» — разные вещи, так что пошел на хуй отсюда, — неожиданно стеклянным голосом, говорит Эл. Только что бушевал — и вдруг, словно Океан забвения, совершенно спокоен.

— Хватит! — все-таки срываюсь я.

Нужно держать себя в руках, не забывать, что рядом — Эл, который тут же расковыряет любую мою слабость до размеров Вселенной, с удовольствием набросает туда мусора и раскаленной ненависти, а потом обильно польет презрением.

— Алекс, спасибо большое за помощь. — Пытаюсь вложить в улыбку всю мою искреннюю благодарность, которая действительно безгранична, но вряд ли получается хорошо. Челюсти сводит от желания вцепиться зубами в проклятый затылок Крюгера. — Я скоро подойду, хорошо?

— Уверена, Кира? — с сомнением переспрашивает Алекс.

— Да, конечно. — На самом деле я ни в чем не уверена, потому что, когда рядом Эл, произойти может все, что угодно: либо совсем ничего, либо катастрофа уровня пришествия всадников Апокалипсиса. — Со мной все будет хорошо.

— Она врет, придурок, — бьет холодом насмешки Эл, — я ее сожру с потрохами. Во всех самых поганных смыслах этого слова.

Алекс взвинчивается, и мне стоит больших усилий не дать ему сорваться. Минуту, длиной в бесконечность, мы с Алексом просто пересматриваемся, но он все-таки уступает. Кивает мне, не Габриэлю и обещает, что если я не появлюсь через пятнадцать минут, он вызовет полицию и ему плевать, что имя Крюгер оскандалится в прессе. Эл издевательски хмыкает. В самом деле, какая пресса, какой скандал? Он уже подгрел под себя все крупные издательства, телеканалы и радиоволны. А те, что остались, просто утонули в громком голосе той информации, которой Эл прикажет забить весь эфир. Именно поэтому Дима всегда обходил его стороной: кто владеет средствами массово информации, тот владеет миром, и тому нечего делать — испортить карьеру перспективному политику.

Стоит Алексу пропасть из поля нашего зрения, как Эл поворачивается ко мне.

Я ему до плеч, но сейчас стою выше на пару ступенек, поэтому наши

лица на одном уровне.

Надеюсь, прямо сейчас небеса разверзнутся и меня отрезвит ударом молнии, потому что я просто тону в янтарной злобе его глаз.

Глава двадцать седьмая: Габриэль

Я и правда хочу ее сожрать. Как какое-то бешенное животное, в конец озверевший маньяк.

Как херов дракон положенную ему девственницу!

Вот только Кира не девственница, и наша сказка больше похожа на сюр, в котором мы словно две звезды, то сходимся, то расходимся, и снова схлестываемся, уничтожая все, что существует в пределах наших орбит.

«Я скучал по тебе, дрянь!» — орет в груди скованное цепями сердце.

Мне тошно от себя самого, от того, насколько слабым она меня делает. И не важно, вижу я ее или нет, чувствую ли поблизости ее бесплотный призрак. Каждый день — как война с собой. Бесконечные атаки на мозг, который не устает подбрасывать партизан: а, может, плюнуть на все и просто забрать ее для себя? Или поймать так, чтобы орала до сорванного горла?

Никогда в жизни меня не интересовало мнение женщины. Не плевать ли, что там думает очередная подстилка? Главное, что она получит свое — я щедрый мудака — и отвалится, как грязь с обуви. Мне не нужна любовь бумажных салфеток, предназначенных для ежедневных физиологических потребностей.

Но мой мозг кипит, стоит вспомнить те ее бесцветные слова: «Ты мне противен».

И только они удерживают меня от поцелуя. Потому что в эту минуту, в этом грязном марте, я хочу просто ее поцеловать. Хочу сделать это так, блядь, нежно, что лучше бы меня выкрутили, как тряпку, выжали из меня всю эту ванильную хрень, потому что я не такой.

— Ты идешь со мной, — приказываю Кире, почти не сомневаясь, что она снова превратится в упрямую ослицу и тогда у меня хотя бы будет повод до нее дотронуться.

Закрою глаза и устрою себе охуенно липовый самообман, в духе: «У меня просто не было другого выхода».

Конечно, грязнуля упрямиться.

Конечно, я тут же стискиваю ее талию двумя руками, как долбаный гигантский краб.

Она такая худая! Такая... маленькая.

— Я тебя снова ударю и больше не буду извиняться, — предупреждает она, занося руку.

И эти криптонитовые глаза вспыхивают так ярко, что хочется зажмуриться, чтобы не ослепнуть. И мой Титаник с беззвучным треском врезается в фатальный Айсберг.

— Ударь, — предлагаю я, как маньяк ждущий от нее хоть чего-нибудь. Все, что угодно, я приму из рук Киры даже пытки и яд, только бы стереть из памяти мертвое безразличие ее голоса. — Покажи, что ты слабачка, Кира, хоть мы оба это знаем. Или перестань корчить целку и делай, что я скажу.

— Ты же сбил оскомину, Эл? — напоминает она.

— А ты так хорошо помнишь мои слова? — ухмыляюсь я. Почему же мне так тупо весело от того, что не я один помню дословно каждый наш разговор?

Кира прикусывает губу, стягивает зубами кусочек кожи и кривится от боли, потому что на крохотной ранке выступает капелька крови.

Ну на хер!

— Иди за мной, грязнуля, и ничего не будет.

— Зачем мне куда-то с тобой идти?

— Затем, что мы можем просто, блядь, погулять! Устраивает тебя такой вариант?

Ну вот, я падаю с собственным кипящим котел, и прошу чертей подложить еще дров.

Просто погулять? Убейте меня.

Я отпускаю грязнулю, спускаюсь вниз и даю знак водителю, чтобы держался рядом.

Кира еще мешкает, но все-таки спускается вниз. Я делаю шаг вперед, она — за мной, хоть и держится на расстоянии. И так — до поворота, где мы выходим на широкий проспект.

— Ты без пальто, — бормочет Кира на удивление спокойно.

— Мне нормально.

Я бы и кожу с себя содрал, лишь бы остыть хоть немного. Похоть медленно поджаривает изнутри, просто удивительно, что одежда до сих пор не дымится, потому что на ощупь я наверняка горячее, чем закипевший чайник.

Мы идем рядом по совершенно пустой улице, по обе стороны освещенной желтыми огнями фонарей. Медленно — спешить некуда. Мне нужна эта передышка. Кира рядом — и моему подсевшему на нее организму достаточно даже этой дозы. Мысли понемногу успокаиваются, и я уже не хочу пнуть каждую урну на своем пути.

— Не трогай Алекса, он же не виноват, что хорошо воспитан.

Вот зачем она снова про него?

Я так резко останавливаюсь, что Кира не успевает притормозить и налетает на мою спину носом. Чувства такие, словно между лопаток засадили стальное осиное жало размером с руку: острая фантомная боль вспыхивает в том месте, где сквозь ткань свитера я чувствую горячее дыхание, растекается волнами, словно круги по воду, и к горлу подступает что-то такое невыносимо... теплое. Как будто сердце обняли ладонями.

А потом становится еще хуже, потому что Кира вздыхает и обнимает меня за талию, крепким замком переплетает пальцы на животе.

Нет, нет, нет! Прекрати это, грязнуля! Я пустая земля, мертвая пустошь. Хватит поливать меня ванильной дрянью и ждать, что превращусь в васильковую клумбу. Я большое дерьмо, Кира, вероятно, еще большее, чем ты сама обо мне думаешь.

Она тяжело дышит мне в спину, дрожит и всхлипывает.

— Плачешь? — Это и так понятно, глупый вопрос.

Чувствую кивок, потому что нос скользит по спине, словно ушко швейной машинки.

Лучшее, что я могу сейчас сделать, чтобы сохранить остатки себя — послать Киру к чертовой матери, выполоскать из нее все романтическое дерьмо.

Но мне хочется еще немного, еще хоть на один удар сердца, вот так: в тишине, под небом без звезд, с Кирой, которая классно притворяется хорошей девочкой. Настолько мастерски, что я готов поверить всему, что она скажет, принять за чистую монету даже невозможную чушь.

— Эл, хватит воевать, — бормочет она, глотая слезы.

— Готова раздвинуть ноги, грязнуля? — беззлобно отвечаю я.

Она замолкает, разжимает пальцы и медленно отступает. Поворачиваюсь — и перестаю дышать, замороженно разглядывая, как она снимает заколку и волосы пшеничным золотом струятся по плечам. Я хочу вырвать у реальности этот кадр, потому что что-то подсказывает: так, как сейчас, уже никогда не будет. И эта странная улыбка облегчения на ее губах — самое настоящее, что я видел в своей паршивой жизни. Но она вянет, уступая место непроницаемому взгляду и короткому, деловому:

— Поехали к тебе, Крюгер. Закончим с этим. Надоело.

Она никогда не называла меня Крюгером, но лучше бы еще раз полоснула ремнем по лицу, потому что сейчас куда больнее.

Мы резко меняемся ролями: теперь Кира идет впереди, а я — сзади. Плечусь за ней, словно бездомный пес, которого поманили минутной лаской, дали надежду на тепло, коврик у двери и сахарную кость. Это словно прогулка по каменному мосту, который опадает по кирпичу, стоит сделать шаг. Дорога без возврата, пусть в неизвестность в один конец.

Моя машина всего в паре метров, но кажется, что мы с Кирой идем целую вечность.

Может быть потому, что во мне вдруг оживает странная ватная темнота, и она воет, и просит остановиться, не доводить до конца. Это трусость, поэтому я пытаюсь вышвырнуть ее из себя, но она каким-то образом прячется в самые далекие уголки сердца.

Я хотел Киру — я получил Киру.

Через пару часов она будет лежать в моей постели, мокрая и довольная, а я, наконец, избавлюсь от болезненной одержимости. И утром снова стану собой: человеком, которого ничто не трогает и ничего не волнует, громадиной из брони по кличке «Maus»^[7], которую не пробить даже прямым попаданием в лоб. Только так может закончиться эта история.

Мы снова в одной машине, и снова сидим так, будто одно, даже случайное прикосновение друг к другу, может нас разрушить. Кира сидит, как отличница перед решающим экзаменом: сумка на коленях, ладони сложены поверх нее, взгляд смотрит точно в затылок водителю. А у меня горят ладони от желания притронуться к ней, получить, наконец, то, чего я хотел до сумасшествия, до сраной трясушки. Но я не могу.

Как будто связали по рукам и ногам, и единственное, что остается: жадно глотать ее запах, упиваться тем, что скоро я перестану дуреть от него, словно подросток.

Но это все равно полная жопа, потому что никогда в жизни я не возил к себе женщин вот так: словно на собеседование или на каторжную работу. Мы же должны сейчас целоваться до искр между зубами, Кира уже должна быть мокрой от того, что я щипаю ее соски через это идиотское платье, которое ей явно велико. Но между нами совсем ничего, ни единого разряда.

Я привожу ее на свою холостяцкую квартиру. Здесь у меня лофт: много окон, мало мебели, все самое необходимое под рукой: бокалы, хорошая выпивка, удобная огромная ванная комната, где при желании можно трахаться и втроем.

Кира заходит внутрь, но даже не дает мне снять с нее пальто: отходит в сторону, как будто одного моего прикосновения достаточно, чтобы ее снова скрутил приступ астмы.

Блядь, если ее так от меня тошнит, то что будет дальше, когда она

закончит возиться с сапогами?

Глава двадцать восьмая: Габриэль

Кира медленно проходит вглубь, я осторожно иду следом. Кажется, что могу спугнуть добычу любым неосторожным словом или движением, поэтому даю ей осмотреться.

Но она сразу цепляется взглядом за кровать, и я даже примерно могу угадать ход ее мыслей. Койка для отвязного секса — так я называю это безразмерное нечто, что нелепо смотрелось бы в приличной квартире, но отлично подходит для холостяцкой берлоги. В конце концов, я вожу сюда женщин не для того, чтобы вести с ними философские беседы.

— Хочешь чего-нибудь? — Делаю шаг в сторону бара, но Кира мотает головой.

— Если тебе нужна ванна...

Еще один безмолвный отказ. Да что с ней такое? Все девочки ее «профессии» любят выпить и поплескаться, чтобы потом сразить меня наповал феерическим выходом из ванной в костюме Евы. Кроме тех случаев, когда мы настолько завелись, что начинаем сношаться чуть ли не в пороге.

Кира медленно тянет платье с плеча. Ткань без труда соскальзывает вниз, обнажает белое острое плечо. Она немного мешкает, и я все-таки подхожу к ней, чтобы помочь.

Кладу руки на плечи, но Кира втягивает голову, как будто ждет от меня как минимум зверств.

— Что опять не так? — спрашиваю ее затылок. И снова она мотает головой, так что приходится зафиксировать ее шею ладонью. — Я не маньяк, грязнуля. Хватит делать вид, что для тебя это все новое и неизведанное. Сейчас-то уже можешь не притворяться, все зрители очень далеко внизу.

Она плечом сбрасывает мои руки, отходит, теперь упираясь коленями в кровать. Тянет платье со второго плеча, немного нервно стягивает ткань до бедер, а дальше она сама стекает по ее ногам, превращаясь в мятую лужицу. Не знаю, что за планы были у них с очкариком, но вряд ли в них входил секс. Ни одна нормальная проститутка не оденется вот так: простой белый лифчик на широких бретелях, и такие же простые белые «танга».

Как будто из магазина подростковой одежды, но с ее размерами я даже не удивлюсь, если это действительно там и куплено.

Мысленно пытаюсь нарастить на нее немного «мяса». Я правда

люблю, когда у девушки есть хорошая тугая жопа, а не ...

Ничего не получается. Мне до одури нравится ее маленькая задница в белых трусиках, тонкие ноги и изящные икры, узкая спина, перехваченная широкой белой полосой лифчика. Ничего пошлого, ничего нарочито вызывающего, но меня словно полили афродизиаком, потому что хочется прямо сейчас толкнуть ее на постель, поставить на колени и просто сорвать эти целомудренные лоскутки.

Кира стягивает бретели, лифчик ползет на талию, она нервно тащит его еще ниже, по бедрам, стаскивает вместе с трусиками. Слишком быстро — на белой коже остаются красные полосы от резинок и ногтей. И она молчит, даже как будто не дышит вовсе, только изредка опадающие плечи подсказывают, что она все же не механическая кукла.

Если она сейчас скажет, что хочет уйти — я отпущу. И даже не гляну в ее сторону.

Но вместо побега Кира поворачивается ко мне. Ее руки дергаются, как будто она в последний момент теряет смелость и хочет прикрыться, но потом раздумывает.

Фарфоровая статуэтка: хрупкая, почти прозрачная, с глазами, которые горят, словно у нее лихорадка. Тонкая шея перетекает в острые ключицы, ниже, к маленькой упругой груди. И еще ниже — к плоскому животу и вытянутому вертикальному пупку.

Кажется, я все-таки неприлично громко вздыхаю, совсем уж откровенно пялясь на место, где сходятся ее ноги. Тонкая светлая полоска волос на лобке, не больше мизинца. Не салонная работа, просто дань гигиене. Почему меня это радует?

Кира идет ко мне, и я закрываю глаза, уверенный, что сейчас почувствую ее руки у себя на плечах, ее влажный поцелуй — и эта уродливая сцена из немого кино, наконец, закончится. Но хрен мне: Кира четко контролирует каждый сантиметр между нами.

Протягивает руки, чтобы взяться за низ моего свитера, тянет его вверх. Я автоматически поднимаю руки, давая себя раздеть. Ей приходится встать на цыпочки, потому что у нас приличная разница в росте. Кира разжимает пальцы, свитер валится под ноги, а она как-то излишне решительно кладет ладони на мой ремень.

— Хватит! — рявкаю я, и она, наконец, поднимает голову.

Перехватываю ее запястья и тяну руки вверх, почти до упора, снова заставляя ее подняться на носочки. Завожу руки себе за шею, и Кира тут же цепляется пальцами мне в волосы. Ну хоть что-нибудь.

— Перестань корчить из себя девственницу, Кира, — тянусь к ее

губам, предвкушая, как выпью каждый рвущийся с них стон. — Мы оба знаем, что это не так.

Она смотрит на меня — глаза в глаза. Ресницы дрожат, и я только сейчас замечаю темные потеки от туши во внешних уголках глаз. Она плакала, когда обнимала меня посреди пустой улицы, но я так увлекся ее согласием, что совсем об этом забыл. И сейчас ладони сами тянутся обнять ее за щеки, притянуть ближе. На расстояние разделенного глотка воздуха. Большими пальцами вытираю потеки, но они все равно там. И лучик света во мне противно щекочет легкие, не давая дышать. Не хочется с ней так, как с другими: грязно и жестко. Хочется уложить на кровать, словно перышко, целовать и ласкать, будто эта ночь — последняя, перед сожжением мира. Хочется сделать так, чтобы она забыла обо всех, кто был до меня, чтобы я сам забыл, что вынул ее из грязи.

И может быть, у нас получится?

Кира резко дергает голову, хлещет зеленым ядом злого взгляда. Мои прикосновения ей противны — это легко читается в дрогнувших уголках губ, в том, как она пятится.

— Что, блядь, сразу к делу? — Я взвинчиваюсь с пол-оборота. Так — только с ней, и ни с кем другим. — Если бы на твоём месте была любая другая шлюха, я бы за такую брезгливость вытолкнул ее на хер за порог, и одевалась бы на морозе. Но ты... Ты доигралась, Кира.

Она делает еще шаг назад, налетает на кровать, и я помогаю ей упасть на спину.

Хватаю за лодыжки развожу их широко в стороны и становлюсь между ними на колени.

Кира охает, возится задницей по покрывалу, но я удерживаю ее за бедра, вдавливаю в матрас. Несколько бесплодных попыток освободиться — и она затихает. Тяжело дышит, маленькая грудь так соблазнительно поднимается вверх, что хочется впиться в соски зубами и укусить до острого крика над головой.

— Это ты доигрался, Эл, — шипит моя змея, какая-то до невозможного прекрасная в облаке волос вокруг головы.

— Уже не Крюгер? — задираю ее в ответ.

И мы сталкиваемся губами, как две кометы на максимальном ускорении. У нее снова губы в кровь, но Кира так злится, что тут же кусает и меня. И теперь уже непонятно, чей вкус у меня во рту, поэтому я просто зажмуриваюсь до рези в глазах, обхватываю ее голову ладонями, мешая даже пошевелиться, и яростно вытрахиваю языком все поганые слова, которые она говорила. Хрен ей, а не «Крюгер» еще хоть раз. И мне плевать,

что час назад я собирался вышвырнуть ее вместе с использованным презервативом. Кира будет моей до тех пор, пока я не наиграюсь ею, пока не решу, что готов без сожаления отдать ее другому хозяину.

— Ах ты грязнуля, — рычу, когда она все-таки умудряется укусить меня еще раз. На этот раз губа адски печет, и я слизываю соль собственной злости.

Отстраняюсь, чтобы взять передышку. Секунду на вдох: прояснится голова, мысли улягутся, и я устрою ей такой трах, что она и думать забудет о сопротивлении. Я вытяну из нее все, каждый звук и стон, который она хоронит в своих поганных легких.

Но стоит посмотреть вниз — и я снова падаю в тартарары. Впиваюсь губам в ее ключицы, и здесь она одурительная на вкус: как лавандовый сахар. Кажется, мычу, потому что ее вкуса слишком мало, и я судорожно сглатываю слюну, пытаюсь держаться хоть немного.

— Эл... — стонет Кира.

И мои зубы прикусывают ее воробьиные ключицы так сильно, что на коже остаются полумесяцы укуса. Вот так, еще. Я помечу ее всю, не оставляю на коже ни клочка, где бы сохранились чужие прикосновения.

— Еще раз, Кира, — требую я. — Еще раз, по имени.

— Эл! — выкрикивает она, ерзая задницей словно на раскаленной сковороде.

Я закладываю ее ноги себе на колени, тяну вверх до упора, так, что ее распахнутая промежность упирается в мой напряженный под джинсами член. Это, блядь, сводит с ума: видеть, как она подрагивает, непроизвольно трется о шершавую ткань, оставляя на темной джинсовой ткани влажные следы. Я хочу выдавить триумфальную улыбку, но просто тупо не могу: я весь поглощен этой заразой. Тем, что она умудряется быть и развратной блудницей, и через секунду — густо краснеть, когда вдруг распахивает глаза и видит, куда я смотрю. Пытается отодвинуться, но я крепко держу ее за колени.

— Ты меня хочешь, грязнуля, — шепчу я, наклоняясь, чтобы выпустить струйку воздуха на ее напряженные соски.

Кира выгибается дугой, словно гигантский знак вопроса, и меня простреливает секундный страх: кажется, это слишком даже для нее. И прямо сейчас хрупкий позвоночник просто лопнет от перегрузки.

— Сколько их было до меня, Кира? — Иррациональный вопрос, но он точит голову червем сомнения. — Хочу знать, сколько раз тебя отыметь, чтобы забыла даже их имена.

Она открывает рот — и не произносит ни звука.

— Не можешь сосчитать?

— Пошел ты, Крюгер, — выплевывает словами столько презрения, что хоть утрись — не сотрешь.

Ну и хер с ней. Второй, десятый, двадцатый — не все ли равно? Мое имя она точно не забудет.

«Ты еще не знаешь, Кира-блядь, но у нас с тобой это всерьез и надолго».

Самое паршивое то, что я никак не могу вернуть себе контроль. Он ускользает от меня в этом криптонитовом взгляде. И я вместе с ним, хоть пытаюсь барахтаться, выплыть из желания трахнуть ее и убить, а потом воскресить и снова трахать.

Опрокидываюсь на нее, жестко задвигаю бедра ей между ног, так, что Кира распахивает глаза и распахивает рот в беззвучном выдохе. Что, грязнуля, чувствуешь, что хочу тебя, как грешник — прощение? Толкаю ее еще раз, почти уверенный, что после этого молния на джинсах треснет, даря такое необходимое сейчас облегчение. Кира цепляется пальцами мне в плечи, царапает.

Ты мое проклятье, Кира, мой костер и мое спасение. И ты душишь меня, словно змея, а я опускаю руки и отдаюсь на милость, потому что испытываю изощренное удовольствие в том, чтобы принять смерть из твоих рук. И твой неразборчивый шепот мне в уши — как свинец. Я гложу для всего остального мира, наполняюсь тобой под завязку, упиваюсь вусмерть, как сладким вином, которое в жизни не пил.

Беру ее за подмышки, легко тяну вверх, пока соски не оказываются на уровне моих глаз.

Обхватываю губами, жадно втягиваю в рот, пропускаю между зубами, царапая до хриплого выдоха Киры.

— Сильнее... — умоляет она, и я крепко щипаю ее за второй сосок.

И снова мостик, но на этот раз я фиксирую ее своими бедрами и усмиряю еще одним тяжелым толчком. Я столько раз мечтал о том, как буду вот так жестко сосать ее грудь, как она будет кончать от одного моего языка на ее возбужденной плоти. Но действительность рвет жалкие блеклые фантазии, как нетерпеливый ребенок — подарочную упаковку.

Она такая мокрая, что я чувствую ее жар сквозь плотную ткань, и чтобы не ворваться в это тело прямо сейчас, сжимаю челюсти на соске. Еще немного боли для мелкой дряни, немного ее:

— Эл... Эл... Горький Эл...

Я проталкиваю ладонь между нашими телами, чуть отклоняюсь на бок, чтобы видеть, как мои пальцы первый раз утонуть в сочной влаге. Но

Кира брыкается, пытается свести колени, чуть не выкручивая руку. Ее глаза такие огромные и испуганные, словно я делаю что-то совершенно невозможное. Может быть, ее не разу не ласкали? Вполне возможно. Кто станет церемониться с девочкой, продающей любовь за деньги. Лучшая прелюдия для нее — щедрые чаевые до работы. И она готова автоматически.

Проталкиваю колено между ее ног, снова вколачиваю в матрас своим телом.

— Передумала? — Я дам ей уйти, если она скажет «да», но без нее этой ночью я сдохну.

Она кусает свои чертовы губы, и я подталкиваю ее, медленно погружая внутрь средний палец. Фейерверк ее взгляда просто слепит. Мое колено не дает ее ногам схлопнуться в неприступную преграду, и я налегаю бедрами на собственную ладонь, имитируя толчки, которыми — уже, блядь, так скоро! — зайду в нее по самые яйца.

Кира невообразимо краснеет, мотает головой. Она словно оголенный провод: натянутая, опасная, совершенно неподконтрольная. Убийственная в своей странной чистоте. Она не может быть ангелом, это просто химера, порождение моего больного мозга, которому хочется, чтобы я был для нее первым и единственным.

Но так не бывает.

Глава двадцать девятая: Габриэль

— Я сломаю тебя, моя маленькая заводная обезьянка Кира, — обещаю я, чувствуя странную боль от того, как она смотрит в этот момент. — Подарю тебе новый ошейник, грязнуля, поверх которого надену полностью, на хрен, черное покрывало.

— Эл... — Она задыхается, потому что я перекрываю ей кислород еще одним сладким поглаживанием: между ее припухшими лепестками, там, где одного прикосновения к тугой горошине достаточно, чтобы она заколотила пятками по кровати. — Эл...

Я могу сделать с ней все, что захочу, причинить какую угодно боль, но себе я сделаю вдвое больше. С ней это почему-то работает именно так. И можно до скончания времен воевать с собой, доказывая, что это не так, а итог будет тот же — я забираю все, что даю, помноженное на бесконечность. Разбивая ее, уничтожаю себя.

Кира цепляется зубами в нижнюю губу, когда я надавливаю сильнее, одновременно присоединяя к пальцу еще один. Это просто охуенно, какая она тугая, какая невыносимо плотная и влажная. Я едва могу проникнуть в нее. Что, блядь, будет, когда я войду в нее? Намертво приклеюсь?

К черту!

На хер!

Мне уже все равно, хоть небо на голову, хоть в ад с головой, но сегодня, сейчас, я похороню себя глубоко в этом тощем теле, которое возбуждает сильнее всех женщин, которые у меня были. И от одной мысли об этом тело ломит до хрипоты из глотки, до грязной ругани, когда она сама — сама! — вдруг толкается вперед, насаживается на мои пальцы. Ни хрена не получается, слишком туго.

— Ааааах! — кричит на выдохе, когда я проталкиваюсь глубже. Ладонь уже вся в ней.

Хватаю ее губы своим ртом, вылизываю крик досуха. Пальцами обратно, чувствую, как Кира цепляется пальцами в мои волосы на затылке, набирает в грудь побольше воздуха. И снова в нее, глубже, до второй фаланги. Взад и вперед, каждый раз проглатывая стон и мольбы повторить. Ее клитор под моим пальцем такой твердый и отзывчивый, что я окончательно схожу с ума: царапаю его кончиком ногтя, едва-едва, чтобы вышвырнуть мою грязнулю за пределы этого порочного круга.

Она кончает. Так громко, так сильно и жестко, что глушит своими

криками. Тепло расплескивается по моей ладони, и словно просачивается под кожу, потому что собственное возбуждение крушит любую трезвую мысль. Киру колотит подо мной, а я колочусь внутри. Ликую, как пацан, который впервые в жизни видит женский оргазм.

Любуюсь тем, как черты ее лица расслабляются, как краска снова приливает к щекам, как ее глаза из-под ресниц смотрят на меня отравленной сладкой зеленью. Два чертовых яблочных леденца, твою мать!

И вдруг тянется к моему ремню, слабыми трясущимися пальцами распускает пряжку, тянет молнию вниз и я сглатываю от этого звука. Ни одна порнуха не звучала так пошло, как звук, с которыми Кира расстегивает мою ширинку.

Наверное, в какой-то другой галактике кто-то похожий на меня смог бы сдержаться: раздеться, ну или хотя бы снять джинсы, но не здесь и не я. Я должен в нее, это как глоток живой воды, последняя надежда на спасение. И Кира словно понимает, как сильно я завишю: одним взлом, одним движением губ, одной улыбкой — сводит с ума, выносит мой истерзанный мозг.

Я еще немного проталкиваю пальцы, давая ей стащить джинсы хотя бы с моей задницы.

Разводу их внутри, расширяя для себя. Но больно ей все равно будет, и мне до укола в сердце неприятно это осознавать. Может, стоит придержать коней? Подготовить еще ненного?

Но...

Какого хуя, Габриэль? Она же все равно не целка.

Ладонь сама находит твердый член, обхватывает у основания. Я точно окаменею, если не вдолблюсь в нее прямо сейчас.

Кира вздыхает, смотрит на меня так... словно прячет какой-то секрет. И если бы не похоть, по кирпичу разрушающая терпение, я бы выпытал этот секрет, но сейчас мне срать на все на свете.

Сейчас я просто трахну ее — и успокоюсь.

Она такая горяча, такая невыносимо мокрая.

И так странно отзывчиво, словно доверчивый шаг в бездну, распаивает для меня бедра, что я отдаю свою душу на откуп зверю.

Тараню ее одним крепким ударом, потому что только так это будет правильно.

Крик Киры оглушает.

А мой мир взрывается, как паршивая Звезда смерти. Я сгораю в одной-единственной вспышке: огромная смертоносная машина, уничтоженная простой иглой.

— Кира... — Собственный голос до противного сиплый. — Кира...

Я первый у нее.

Я первый...

Она ни с кем и никогда.

Она же...

«Она, блядь, твоя, debil!» — орет внутренний голос.

Проклятое сердце, перестань биться. Остановись, дай мне подохнуть.

Кира смотрит на меня огромными зелеными глазами, и слезы ручейками скатываются на виски, исчезают в золоте волос.

Она похожа на ангела с нимбом. Ангела, которого я сломал. Ангела, которого никто и никогда не касался, и которого я только что смял, словно бумажную игрушку.

И этот ангел поднимает тонкие руки, обнимает меня за щеки, тянется, чтобы поцеловать так нежно и невинно, что душа превращается в пепел.

— Не останавливайся, Эл... — просит одним вздохом, и тянет к себе, обхватывает бока острыми коленками.

У меня зубы стучат: от боли или от желания?

Кира... Моя Кира...

У меня нет больше самоконтроля, потому что ее бедра скользят по мне, потому что она забирает меня в свою сладкую влагу, в тесноту, от которой искры из глаз.

Толкаюсь в нее тазом, хочу быть осторожным хотя бы теперь, но просто не могу.

Заведен до предела, нашпигован такими убийственными эмоциями, что из этого коктейля можно создать ядерную бомбу.

Я целую ее со словами сожаления, которые все равно больше не имеют значения.

Возобновляю толчки, каждый раз разделяя ее стон. В ней так горячо, что сдуреть можно. И каждый резкий выпад сводит с ума, хоронит под собой мысли о том, что я сломал все, что только можно было сломать. Я живу только потому что ворую ее дыхание. Оторвусь от искусанных губ — и выхаркаю легкие. Нужно оттянуть эту пытку, дать себе еще хоть минуту жизни, но в пояснице уже простреливает первая искра оргазма.

И я выкрикиваю «Моя Кира!» прямо ей в рот, впервые в жизни кончая так сильно.

— Моя...

Я бы выгрыз эти три буквы на ее теле. Навсегда.

Потому что теперь она моя.

Но... пальцы бессильно выskalывают из моих волос. Я еще

чертовски сильно трясусь от этого оргазма, а Кира уже выбирается из-под меня. Тянет одеяло, кутается в него слабыми руками, то и дело роняя.

Красные потеки у нее между ног вколачиваются в меня тысячами гвоздей. Все разом, словно мою голову обрабатывают толпы карликовых кузнецов.

Что я наделал?

— Кира...

Она шарахается в сторону, и теперь уже рыдает в полный голос. Я перекатываюсь на спину, сам трясусь, словно припадочный. Натягиваю джинсы — и к ней.

— Нет! — вопит Кира, стоит попытаться ее обнять. — Не трогай меня, Крюгер!

Крюгер, блядь.

Она перешагнула пропасть, а я попытался пойти следом — и упал.

Жрите, черти. Я весь ваш до костей.

— Я хочу уйти, — плачет Кира и затравленным зверьком смотри в сторону двери.

Наверное, только благоразумие не дает ей выскочить как есть: босой, в одной одеяле.

Чувствую себя совершенно беспомощным. Не знаю, как ее остановить, как сделать так, чтобы она хоть попыталась меня выслушать. И что говорить, если мне все-таки хватит слов убеждения?

А потом взгляд натывается на ожог у нее на коже. Огромный кусок сморщенной ткани, практически на все предплечье. Что-то уродливое, неестественное и чужеродное, словно неумелый грим. Почему я не видел его раньше?

Потому что был ослеплен ею.

Потому что теперь останусь слепым навеки.

— Кира, тебе сейчас лучше успокоится. Потом я отвезу тебя домой, обещаю. Или вызову такси. — Я зачем-то поднимаю руки ладонями вверх, а самому противно от того, что я не могу найти какие-то другие слова и какие-то другие, правильные решения.

— Дай мне уйти, Крюгер. У меня больше ничего нет. Я все отдала. Что еще ты хочешь? Душу? — Она вжимается спиной в стену и, кажется, если оторвется от нее хоть на миллиметр — тут же упадет, как мягкая игрушка без опоры.

— Мне не нужна твоя душа, Кира.

— Тогда просто дай мне уйти. Я задыхаюсь здесь. Ты меня душишь.

Я сжимаю кулаки от желания крушить все вокруг. Она и правда отдала

мне все. Отдала вот так, просто потому, что я испортил ей жизнь. Не потому, что хотела этого или просто дурела от меня, как от мужчины, нет. Она просто решила, что только так сможет избавиться от моего навязчивого внимания, от моих сумасшедших попыток уничтожить каждого мужика, который просто на нее смотрит.

Это еще не сожаление, я слишком хорошо себя знаю. Это просто медленная смерть.

Словно мои внутренности полили едкими химикатами и теперь они медленно превращаются в бесполезные куски плоти. Скоро не останется ничего, даже скелета. И вот тогда начнется настоящий ад.

Я отступаю к окну, оставляю Кире полную свободу действий. Просто стою спиной, чутко отслеживая каждый звук. Она одевается: нервный шорох одежды, редкие всхлипы, шуршание расправляемой ткани. Звук отдаляется — она ушла обуваться. Надевает пальто, застегивает пуговицы. Еще секунда — и исчезнет за дверью, возведет между нами стену, которую мне уже никогда не прошибить, даже если я к херам собачьим размажусь об нее в кровавое месиво. У меня еще есть возможность ее остановить, но я не хочу. Пусть уходит, пусть оставит меня палачами, имя которым: Вина, Отчаяние и Саморазрушение. Пытка требует уединения.

— Я люблю тебя, Крюгер, — слышу ее сиплый от слез голос.

Что она сказала?!

Я слишком быстро поворачиваюсь: мир теряет очертания, собственная квартира растекается по реальности бесформенным пятном, и качается из стороны в сторону. Я бы и рад подойти ближе, но боюсь, что упаду, потому что признание обрушивается на голову стальной кувалдой, беспощадно крошит меня всего.

— Но еще больше я тебя ненавижу. Я зависима от тебя, Крюгер, но теперь ты дал мне лекарство от этой патологии. Спасибо, что остался верен себе до конца.

Ни грамма фальши в голосе, ни кусочка лжи. Жестокая Кира не дает даже последнего шанса утопающему суденышку: она просто стоит там, на носу ледокола и смотрит, как я иду ко дну.

Но я все-еще могу расстрелять ее. Главное, не забыть оставить в барабане один патрон.

Последний. Для себя.

— Думаешь, ты какая-то особенная? — говорит чужой голос и человек, которого я совсем не знаю. — Думаешь, мне на хер впала твоя сраная девственность? Мне плевать на тебя, грязнуля. Одно большой, одной меньше. Ты просто грязный след на простынях.

Кира просто кивает, соглашаясь.

Выходит, бережно, без стука прикрывая за собой дверь. Я даю задание водителю проследить за ней до самой квартиры, убедиться, что она зашла внутрь и заперлась на ключ. Пока говорю — за окном появляется Кира. Переходит на другую сторону улицы и идет по тротуару. Я не могу оторвать от нее взгляд, стою, будто приклеенный, жадно ловлю каждый шаг и каждый раз, когда она мерзло плотнее запахивает полы пальто или перешагивает тронутую тонким льдом лужу, сердце, словно акулю наживку, насаживают на крюк.

Но в конце концов, Кира просто растворяется, и даже водитель, который крадется за ней следом, тоже. Они тают в этой поганой мартовской ночи, и я остаюсь один в темной квартире. Даже не зажигаю свет, приветствую тьмой своих мучителей, которые уже выбираются из холодных углов. На простынях остались разводы — совсем немного, просто несколько темных мазков, будто художник пробовал кисть. И это все, что осталось от моей Киры. Это все, чего я в сущности заслуживаю.

В голове темнеет, как будто в вену сделали укол чернил.

Кожа горит в тех местах, где ее касались пальцы Киры.

Я словно плюшевый мишка, которого маленькая хозяйка забыла на лавке с оторванной лапой: я — ничто, пустота, поделенная на самую себя.

Первой под удар попадает стойка: я просто смахиваю все, что там есть. Стаканы, бутылки, дорогой хрусталь — на пол, в стену. И мне нравится боль, с которой осколки врезаются в кожу, каждый я встречаю безумным хохотом.

Глубже, еще глубже.

Посуда, мебель — я крушу все, пока кожа на костяшках не лопается, пока я просто не спотыкаюсь, потому что пятки набиты стеклом. Осколки впиваются в колени, но мне плевать: я падаю на спину, разбрасываю руки, как грешник на кресте.

Жаль, некому принести три гвоздя, чтобы закончить мои мучения.

Глава тридцатая: Кира

Я знаю, что его водитель идет за мной до самой квартиры. Не потому, что такая внимательная — как раз наоборот, едва ли вижу, куда иду. Меня ведет физическая память, ориентиры, маркеры, которые выхватывает мое подсознание. А этот человек даже не прячется: сначала спускается со мной в метро, потом — садится в тот же вагон, потом пересаживается на другую линию. В троллейбус, до конечной и еще два квартала пешком.

Если бы не он, я бы просто упала где-нибудь по пути, или осталась бы ночевать на лавке в тихом сквере, не думая о последствиях.

В квартире темно и пусто. Раздеваюсь, практически срывая с себя одежду, трясущимися ногами еле-еле переступаю через край ванны, до упора открываю вентиль и не сразу понимаю, что стою под ледяными струями.

И только тогда, задыхаясь, даю волю настоящим слезам. Выплескиваю из себя все: боль, разочарование, слабость.

Я призналась ему дважды, и оба раза он вытер об меня ноги, смахнул мое признание, будто царь Крез^[8] — недостойное подношение. Но я не сожалею ни о чем, и даже если бы можно было переиграть заново, вернуться в прошлое — я бы бережно, след в след, прошла тот же самый путь.

Потому что я любила его этой ночью. Потому что этой ночью я жила.

Вода становится горячей, и я собираюсь калачиком в углу старой ванной. Звук бьющих по спине и ребрам струй глушит слезы, и шепот: «Я же люблю тебя...» Мне ни к чему обманывать сему себя: я хотела его этой ночью, даже если все было неправильно и банально. Я дышала в его объятиях, кожей вбирала каждое прикосновение, каждый поцелуй. Взяла от него все, что он давал — и уже не верну назад.

Этой ночью я сплю без сновидений, и с трудом просыпаюсь от звука будильника.

Умываюсь, одеваюсь на автомате, а потом застываю у зеркала, когда бегу из кухни в прихожую.

Я жую бутерброд. Не давлюсь, не заставляю себя. Жую и чувствую вкус салата и сыра, и не очень свежий батон кажется сказочно вкусным. Потому что девушка в зеркале — она какая-то другая. Такая же болезненно бледная и худая, но у нее румянец на щеках и венка на шее бьется восхитительно быстро, предвкушая новый день, в котором обязательно

будет место чему-то новому и хорошему.

Прикладываю ладонь к стеклу, встречая себя-новую.

Мне невыносимо больно внутри, но я прячу эту боль в несгораемый шкаф, хороню в сейфе и выбрасываю шифр.

Телефонный звонок застает меня уже в пороге, с ключами в дверном замке.

— Кира, ты где? — спрашивает Виктория, как всегда без приветствия.

Я тут же бросаю взгляд на часы, но до начала рабочего дня еще полтора часа — я точно не опаздываю, чтобы отчитывать меня. И уверена, что вчера она не давала никаких указаний, что нужно прийти пораньше.

— Я только выхожу, Виктория Викторовна. Что-то случилось?

— Случилось: едешь в Прагу с генеральным. Я слегла с температурой.

— Я?

— Собирай вещи дня на три. — Виктория игнорирует мое удивление и методично надковывает указания: — Самое необходимое. Минимум, без сотни чемоданов — он этого не любит. Ты же не наврала про визу?

— Нет, с визой все в порядке. — Загранпаспорт и визу тоже сделал Дима, чтобы я могла сопровождать его в поездках. Еще и смеялся, что с такой визой я смогу проехать почти всю Европу на велосипеде и меня никто не остановит.

Машина за тобой уже выехала.

— Я же просто стажер, — напоминаю я.

— Стажер, который прекрасно знает свою работу. Справишься — место твое. Все, отбой.

Я минуту смотрю на потухший экран телефона, пытаюсь вспомнить генерального директора «ТАР», которого видела всего пару раз и то издали. Солидный мужчина немного за сорок, примерный семьянин, энергичный и, кажется, единственный мужчина в офисе, любящий сладкий кофе.

У меня не так много вещей, чтобы выбор был трудным: два строгих костюма, джинсы, клубный пиджак, одноцветные свитера «под горло», шаль, классические туфли на невысоком каблуке.

Машина приезжает через десять минут, но я уже собрана. Раньше, когда еще я была с Димой, мы часто срывались просто так, посреди недели или на выходные. Отношения давно закончились, но полезные знания остались.

Мы приезжаем на частный аэродром, где уже ждет небольшой серебристо-белый самолет, с черным носом словно отлитая из стали чайка. Водитель заносит на борт мою сумку, я поднимаюсь следом... и тут же пачусь обратно.

— Ну-ка быстро сядь, — холодно говорит Габриэль.

А я почему-то деревенею от свежего шрама у него через всю щеку. И считаю швы: один, два, пять, семь. Больше.

Господи.

* * *

На мгновение я впадаю в полный ступор. Все потому, что внутри меня расшатывается маятник с амплитудой в бесконечность, где на одной стороне желание плюнуть и сбежать, а на другой — потребность подойти к своему Агрессору и нежно, одними губами на выдохе, поцеловать рану на его щеке. И пока внутри меня такая болтанка, я точно не смогу пошевелиться.

— Что именно тебе не ясно в моих словах? — переспрашивает Габриэль.

Сегодня он снова «при параде»: темно-серый костюм, белоснежная рубашка, но нет галстука и пуговицы, как всегда небрежно расстегнуты на одну ниже, чем положено. Эл снимает ногу с колена, поднимается и идет ко мне. На миг мне кажется, что каждый шаг доставляет ему боль, и дело вовсе не в хромоте. Просто стоит ему перенести вес с одной ноги на другую — глаза немного сужаются, словно ему приходится очень стараться чтобы не выдать боль. Что случилось после моего ухода? Откуда этот шрам? Но я не буду спрашивать, хоть теперь, когда Габриэль стоит почти вплотную, я легко могу рассмотреть и ровный порез, и аккуратные стежки. В груди все сжимается: Габриэль всегда был самым красивым мужчиной, которого я знала, но этот шрам, несмотря на все уродство, превратил его лицо в настоящее произведение искусства, прекрасное в своем несовершенстве.

— Я жду, — напирает Габриэль.

— Почему я здесь? — Мотаю головой, собираюсь с мыслями для нового вопроса.

Почему я здесь как раз понятно, а вот что он тут делает? — Разве здесь не должен быть...

Одной злой улыбки достаточно, чтобы мне расхотелось заканчивать фразу. В самом деле, как все просто: под предлогом поездки по работе заманить жертву в самолет. Я должна была догадаться, хоть тогда бы это пахло паранойей.

— Что тебе нужно? Новая девственность у меня за ночь не отросла.

Эл щурится, но на этот раз явно от злости. Кажется, он подготовил несколько сценариев развития этого разговора, но я выбилась из каждого.

— Как ты себя чувствуешь, Кира? — все так же холодно.

— Тебе не плевать?

— Мне не плевать, поэтому я спрашиваю. Еще раз, упрямица, персонально для тебя по словам, если ты вдруг не в состоянии ответить и на этот простой вопрос. Как Ты. Себя.

Чувствуешь?

У меня миллион ответов для него, и в этом вся загвоздка. Вряд ли ему нужен мой ответ про то, что я до сих пор испытываю ненормальное желание соскрести с себя отпечатки его поганных слов. И вряд ли эту черствую свинью интересует мое физическое состояние, хоть у меня до сих пор дискомфорт между ног, а на внутренней части бедер остались небольшие синяки от слишком сильной хватки.

— Я чувствую, что хочу уйти отсюда, — нахожу самый верный ответ и делаю еще шаг в сторону дверцы.

— Но явно не кубарем, головой вниз, — насмехается Габриэль.

За руку, безапелляционно тянет к сиденьям. Сам усаживается напротив, и я с облегчением смотрю на невысокий столик между нами.

— Я не стану никуда лететь с женатым мужчиной, — говорю я, хоть мы оба знаем, что мое «не стану» пилот вытрет и разотрет.

— Вчера ты с этим женатым мужчиной трахалась по собственному желанию, — больно жалит он. — И тебя это не смущало.

— Ты знаешь, что было вчера, Эл.

— Я разведен, Кира. Утром подписал документы. В прессе об этом начнут зудеть только после того, как наши с бывшей женой адвокаты придут к общему знаменателю касательно информации, которую нужно озвучивать. Какие еще подробности моей личной жизни тебя интересуют? Размер обуви, быть может?

Он правда развелся? Вот так, запросто, просто подписал бумаги? В их мире это именно так работает: никаких уговоров-разговоров, две подписи — и до свидания?

— Глупая шутка про обувь, — так же насмешливо возвращаю я. И что-то щекочет изнутри, как перышко под диафрагмой, потому что губы сами растягиваются в улыбку, и пошлая шутка срывается с губ вместе с выразительным взглядом на его туфли. — Но тебе она явно жмет.

— Рад, что впечатлил. — Он даже не пытается подстроиться под мою улыбку.

И искра безумной радости гаснет в его безразличии. Мы молчим, пока

стюардесса поднимает мостик, пилот объявляет взлет и самолет набирает высоту. Я смотрю в иллюминатор, привычно отмечаю, как дома с каждой секундой уменьшаются, как мир тает где-то там внизу.

— Ты будешь просто помогать мне по работе, Кира, — вдруг говорить Эл.

И нет ни намека на то, что он юлит или недоговаривает. Хотя — даже если в этом сложно признаться самой себе — он всегда был со мной честным. Никогда не был ни ласковым, ни нежным. Не делал ничего, чтобы понравиться. Потому что — и это тоже нужно честно признать — ему не нужны мои чувства и тем более симпатия.

— Отдельные номера, не переживай.

И Габриэль снова не врет.

Наверное, только поэтому я спокойно выдыхаю.

Глава тридцать первая: Кира

Из аэропорта мы сразу едем в гостиницу: красивое двухэтажное здание «под старину» с остроконечной крышей и окошками на мансарде.

Габриэль дает знак носильщику и тот, перевесив мою сумку через плечо, предлагает следовать за ним. Я останавливаюсь на лестнице, оборачиваюсь, но Эл стоит спиной и о чем-то разговаривает с администратором, который чуть не чечетку перед ним выплясывает. Не похоже, чтобы кто-то из обслуживания нес следом и его чемодан.

— Ваш номер, — говорит паренек в ливрее с начищенными пуговицами и галантно распахивает передо мной дверь.

Я словно попадаю в сказку: отделка под старину и даже фреска на потолке в спальне с поистине королевской кроватью под кремовым шелковым балдахином. На балкончике — столик и удобный стул, хоть на улице дождливо и погода явно не располагает нежиться здесь весь день. Но вид на город просто умопомрачительный: на реку, на первую зелень в шапках деревьев, на медлительный, несмотря на разгар рабочего дня, старинный город.

Я чувствую себя дико, потому что у меня в кошельке нет местной валюты, чтобы дать парню чаевые, но он молча пятится к двери, желает хорошего дня и просит не забыть о ключ-карте, которая лежит на столике в гостиной.

Несколько минут я просто стою посреди номера, мысленно отсчитывая время до шагов за дверь. Этот номер явно для двоих, достаточно просто посмотреть на размер кровати и две раковины в ванной. Но время идет, а Габриэль не спешит со вторжением.

В конце концов, я раздеваюсь, выкладываю и развешиваю свои вещи: костюмы, к счастью, не помялись и я на всякий случай переодеваюсь в один из них, собираю волосы в узел на затылке и накладываю незаметный «офисный» макияж. Раз я помощница, то и выглядеть нужно соответственно: по-деловому, не привлекая внимания и не тревожа солидных людей видом своих растрепанных волос.

Габриэль появляется примерно через час: с трубкой у уха, куда что-то энергично говорит по-английски. Жестом дает понять, что нужно идти за ним. Успеваю схватить пальто и сумку, на всякий случай беру в руки блокнот и карандаш для записей.

И весь день до конца я следую за ним, как тень. Сначала — деловой

обед, потом — несколько встреч подряд. Речь идет о каких-то спутниках и телекоммуникациях, о расширении сотрудничества. Я никогда не видела Габриэля за работой, и сейчас у меня есть возможность оценить и его хватку, и умение дожимать собеседника вескими аргументами, давить, но не крушить, выбивать свое, не гнушаясь откровенным шантажом и намеками на «большие неприятности», которые он может обеспечить, в случае отказа. За весь день — а мы возвращаемся в гостиницу только к девяти — Габриэль обратился ко мне максимум пару раз, и то лишь когда обращал внимание на то, что еще мне нужно записать в списки дел на завтра.

— Ты взяла с собой что-то для чтения? — спрашивает Эл, когда мы останавливаемся в коридоре, откуда мне направо, а ему, кажется, в противоположную сторону.

— У меня все книги в планшете, — на автомате отвечаю я. — Слушай, Крюгер, я не училась секретарскому делу, поэтому...

— Я приму душ и приду. Не откроешь дверь — выкурю, как лису.

Хорошо, что у меня с собой спортивный костюм. Я успеваю принять ванну и переодеться, поэтому стук в дверь встречаю во всеоружии: в штанах до пят, в наглухо застегнутой спортивной кофте, с двумя идиотскими и совершенно не сексуальными косичками.

Эл в одних спортивных штанах, которые сидят так низко на бедрах, что кажется. Спадут от малейшего движения. И еще он в белой, немного растянутой футболке: выглядит домашней и точно не новой.

Он весь в пластыре и бинтах. И даже пятки перебинтованы.

Я отхожу, пропуская его внутрь. Мой мир рушиться, потому что в той реальности, где я живу, мужчина не вваливается к женщине в номер с мыслью соблазнить ее, при этом выглядя так, словно он только-что разбирал чердак, а перед этим вылез из малинника.

Но Габриэлю, как обычно, чихать. Он проходит в гостиную, включает телевизор, осматривается. Быстро подтягивает к правой стороне дивана кресло. А я тупо смотрю на его задницу, когда он наклоняется, чтобы переложить подушки на противоположный край дивана. Если он и одет трусы, то это что-то микроскопическое, потому что я четко вижу ямочки у него внизу спины. И крепкий позвоночник, и как мышцы играют под легкой тканью.

Габриэль молча берет меня за руку, заставляет сесть в угол дивана, дает планшет, который я ставила подзаряжаться на туалетном столике, а потом окончательно меня добивает: укладывается головой мне на колени, одну ногу со стоном облегчения вытягивает во всю длину — теперь я

понимаю, зачем придвинул кресло —, вторую сгибает в колене.

— Почитай мне, Кира, — приказывает Эл, закрывая глаза тыльной стороной руки. — Спать хочу, сейчас просто вырублюсь.

* * *

Он говорил мне много разных вещей. И грубых, и откровенно издевательских, и нарочито горьких, бьющих точно в мою гордость. И почтив всегда я в конечном счете знала, что ответить или как не ответить, чтобы не потерять лицо и отбить у Эла желание продолжить издевательство.

Но сейчас он загоняет меня в полный ступор. Как будто внезапно начал говорить на марсианском. Эл нее ждет моего согласия, и как обычно не просит: он пришел, устроился так, как ему удобно, и отдал очередной приказ. А меня раздирает изнутри желание разбить планшет ему об голову.

— Тебе не кажется, что ты ведешь себя как тиран? — спрашиваю сухо, так, что каждое слово дерет горло песком.

— Мне не кажется, потому что я и есть тиран, — не отпирается Габриэль.

А я, вместо того, чтобы подбирать убийственные аргументы, почему он должен прямо сейчас убираться вон из моего номера, примерзаю взглядом к его животу, который выглядывает из-под задранной футболки. И желание поцеловать его ниже пупка, там, где за резинку штанов стыдливо прячется дорожка волос, растет с каждой секундой.

— Кира, я, блядь, реально устал, — начинает беситься Крюгер. — Перестань корчить гордую гусыню и просто почитай мне что-нибудь?

— Прости, Крюгер, но я не знала, что мне придется петь колыбельные дракону и не в голосе сегодня.

— Мне хватит и пары рецептов из поваренной книги «Как приготовить рыцаря».

Господи, это что — шутка?

Нет, нет, нет, Крюгер я не куплюсь на эту попытку усыпить мою бдительность, хоть она настолько хорошая, что от желания улыбнуться сводит челюсти.

— Я все равно останусь спать в твоём номере, упрямица, и мы оба знаем, что у тебя не хватит сил вытолкать меня за порог.

— А куда же подевалась «Кира-блядь»? Почему не «грязнуля»?

— Тебе бы хотелось, чтобы я называл тебя так?

Это нарочитый вопрос, выверенный удар, которым Габриэль, словно умелый игрок, загоняет меня в лузу. Что мне ответить? Что я просто не знаю, как вести себя с этим странным Габриэлем, который не обещает поиметь меня на любой подходящей поверхности? И что мне было бы спокойнее, если бы ничего не менялось, и он был все тем же мерзавцем, которого я могу ненавидеть так же сильно, как и любить? И что у меня голова кружиться от его запаха, хоть это всего лишь гель для душа?

— Мне бы хотелось, чтобы тебя не было рядом, — говорю я, и это чистая правда. Потому что его присутствие выбивает почву у меня из-под ног, и привычные модели поведения больше не работают.

— К счастью, Кира, мне глубоко плевать на твое «хотелось», — бубнит он, сдвигает руку на лоб и хлещет меня отрезвляющей пощечиной янтарного взгляда. Так сильно, что голова непроизвольно дергается. — А теперь перестань меня раздражать и сделай, что я хочу, пока я не вспомнил о том, что у тебя есть еще как минимум рот, и вчера, насколько я помню, он остался девственным.

Я не успеваю разгадать уловку, а Габриэль уже фиксирует мой подбородок двум пальцами, заставляет смотреть ему в глаза. Смотрит так пристально, так глубоко, словно ныряет в самую душу. Через несколько секунд я надежно зафиксирована его взглядом, приколочена, как бабочка, к бархатной витрине и даже если Габриэль вздумает исполнить свою угрозу, я вряд ли смогу сопротивляться.

Его большой палец гладит кожу на подбородке, растирает почти до красноты и поднимается выше. Шершавая кожа медленно чертит контур нижней губы, оттягивает ее с односложным приказом:

— Открой рот, Кира.

Я не слушаюсь. У него нет надо мной такой власти, я не буду играть в его грязные игры и не буду сосать его палец.

Но все это — просто мусор на пути катка по имени «Крюгер», потому что он размазывает меня в считанные секунды, сминая непослушание. Это какой-то гипноз.

Наваждение. Это просто мистика, потому что у меня нет другого объяснения, почему мой рот открывается, и я нервно сглатываю, когда Эл проталкивает палец между губами.

Его кожа теплая, почему-то со вкусом табака, хоть я уверена, что он пришел сюда только в облаке какого-то соленого геля для душа. Эл снова начал курить?

Я пытаюсь сосредоточиться, поймать хоть одну трезвую мысль и вынырнуть с ней на поверхность, глотнуть отрезвляющую реальность.

Пытаюсь мысленно обзывать его «Крюгером», но в этом всем нет ни капли спасения, потому что собственная беспомощность — как гиря на щиколотке, и теперь мое падение неизбежно.

— Сожми губы.

Я послушна и бессильна рядом с ним, хоть в моих руках есть все инструменты, чтобы отрезвить Крюгера одним точным ударом, бросить грешника обратно в ад, вместо того, чтобы ловить каждый звук его голоса.

— Многообещающий рот, Кира, — гортанно выстывает он, проталкивая палец до самого основания. И ведет бедрами вверх, на секунду жмурится.

Вот он, мой шанс вырваться из-под влияния его гипнотического взгляда, и я уже мысленно праздную победу. Но... вместо этого зачарованно слежу за тем, как его вторая ладонь опускается на живот, пальцы тянут резинку штанов вниз, и она практически без сопротивления опускается.

Как бы я ни относилась к Элу, его руки всегда поражали меня: длинные крепкие пальцы, не тонкие, как у пианиста, но аккуратные, со структурными фалангами, и одной выразительно-выпирающей косточкой в вершине большого пальца. Он сжимает полностью возбужденный член в кулаке и вены вздуваются под кожей, а из горла скользит злое шипение.

— Давай, Кира, поработай ртом, — требует Эл. Трется подушечкой о мой замерший язык и снова прихлопывает требовательным взглядом.

Я могу ему сопротивляться.

Могу и буду.

Но не сегодня, господи, только не сегодня, потому что сейчас я слишком в его власти.

Если Эл скажет продать ему душу за горсть соли — я сделаю это, не раздумывая. И я так сильно ненавижу себя за эту слабость, что цепляюсь зубами в его кожу, чтобы разделить с мерзавцем эту боль. Но Габриэль лишь ухмыляется, и его рука начинает двигаться быстрее.

Я никогда не видела ничего подобного. Чтобы мужчина вот так... словно он в компании порнофильма. Но в этом он весь — мой Темный ангел. И мы вместе падаем туда, где есть только я, он и закрытая дверь, за которой запреты и мораль сбрасывают макси.

Туда, где мы можем быть собой.

Я практически всасываюсь в его палец, сжимаю губы так плотно, что немеет рот. Мой порочный Ангел закрывает глаза: ресницы дрожат, зубы цепляются в нижнюю губу, а бедра энергично толкаются навстречу движению кулака. Живот дрожит, пресс натягивается так сильно, что

каждая мышца выступает тугими четким контуром.

Новый толчок — и я непроизвольно охаю, потому что перед мысленным взглядом мелькают пошлые картинки, в которых мои губы сосут вовсе не его палец. Собственная потребность обжигает так сильно, что внутренние преграды раскаляются, чтобы лопнуть с позорным треском.

В тишине слышны только наши сдавленные звуки: его низкий стон, мои расшатанные всхлипы. Я словно голодная, ловлю каждое движение, каждый толчок члена в сжатые пальцы, с извращенным удовольствием впитываю зрелище вставших дыбом волосков.

Я хочу, чтобы это было только между нами: порочное, пошлое, ненормальное.

Совершенное.

Правильное.

Эл кончает с громким, «Бляяаяааа!», выгибает спину и крепче хватает ладонью мои скулы, словно боится, что именно в эту минуту я передумаю и выпущу его палец изо рта.

Глава тридцать вторая: Габриэль

Я сбрасываю напряжение так мощно и сильно, что проламывает поясницу.

В горле сухо до болезненной хрипоты, нёбо занемело. Я хочу проглотить непрощенный стон, но он разрывает табу на губах.

Бля...

Нужно отдышаться, нужно вспомнить, что я пообещал себе и пальцем ее больше трогать, пока сама не придет и не попросит. Идиотский план. Теперь я это точно знаю, потому что весь день только то и делал, что держал себя в клетке тотального контроля.

Боялся, если хотя бы посмотрю в ее сторону — озверею. Умру, но вырву из нее «я — твоя».

Никогда в жизни я не был так зациклен на потребности обладать.

Я с трудом сбрасываю ноги с постели, почти не соображая натягиваю штаны, а потом стаскиваю футболку, морщась от боли. Действие обезболивающего закончилось еще днем, и с тех пор я постоянно чувствую, как кровь барабанит в каждый порез. У меня есть таблетки, которые, как сказал доктор, вырубят даже слона, но я не хочу. Пусть болит. Так проще хоть иногда отвлекаться от мыслей о Кире.

— Эл, господи, что ... случилось?

Кира приближается, смотрит такими огромными испуганными глазищами, что я перестаю вытирать живот скомканной футболкой и слежу за ее взглядом. Она заходит за спину, пальцы бегут между отметинами стекла. Да, вчера я реально дважды двинулся: первый раз загоняя стекла себе под кожу, второй — в больнице, когда их два часа вытаскивали обратно.

— Я снова стал Элом? — Усмехаюсь. — А все-то стоило при тебе подрочить.

— Заткнись, — беззлобно предлагает она.

Давай, Кира, обними меня, как тогда.

Просто подними свои чертовы руки, просто сожми пальцы у меня на животе.

Мне нужно.

— У тебя кровь, Крюгер.

Снова Крюгер.

А Крюгера она никогда не обнимет.

— Да срать.

Смахиваю ее прикосновения. Раздражает, на хрен выносит мозг, потому что хочется большего. Хочется все, что хорошие девочки с радостью просто так дают хорошим мальчикам, а таким долбоебам с темной стороны, как я, приходится покупать их любовь.

Я сваливаю в пустой коридор, а оттуда — в холодный темный номер. Падаю мордой в подушку. Сжимаю зубы на ткани, потому что порез на роже вздувается от боли.

Херня все эти сказки про Красавицу и Чудовище. Потому что Чудовище все равно становится Прекрасным принцем, и потому что это какое-то неправильное Чудовище, страшное только потому, что у него рога и хвост. А по факту — прилизанный сладкий паренек, поющий песни для долбаного цветка.

В действительности Чудовище выглядит, как Принц, но без цветка, без поющих посуды и говорящего подсвечника.

От того, что внутри, не сбежать и не спрятаться в объятиях Красавицы. А Красавице не нужен Принц с душой Чудовища.

Разница в том, что я достаточно эгоистичная тварь, чтобы держать Красавицу в клетке всю оставшуюся жизнь.

И да поможет нам бог.

* * *

Стук в дверь заставляет меня поднять голову, всплыть из боли, в которую я погружаюсь, как подбитый корабль. Время такое, что это может быть либо кто-то из обслуживания, либо... Я мотаю головой: обслуживание я не звал, а Кира не придет даже если гостиница начнет рушиться и единственный пусть к спасению будет вести через мою комнату.

— Пошли вон, — хриплю себе под нос, но это вряд ли слышит тот, кто за дверью.

Поэтому стук повторяется.

Мне нужно время, чтобы встать. Сам себе противен, но жизнь лупит меня, словно провинившегося ребенка: целый день держался, делал вид, что мне плевать на сотню порезов и царапин, а сейчас меня словно щедро посыпали солью и каждый шаг дается с трудом.

На пороге стоит Кира, и ей не нужно приглашение, чтобы войти. Она просто заходит и вываливает на тумбочку около кровати все, что принесла с собой: бинты, мази, таблетки. Кучу всякой медицинской херни, словно

прилежная студентка мединститута на госэкзамене. Включает ночник — и комната наполняется приглушенным желтоватым светом. Щурюсь, пока глаза не привыкают к освещению, а она тем временем разворачивает свои «дары» и выразительно смотрит на меня снизу-вверх.

— Не помню, чтобы звал тебя, — грублю я.

Блядство, да что у нее в голове? Неужели не понимает, что сидя вот так, у меня на кровати в пустом номере, она, мягко говоря, крепко нарывается?

— Не помню, чтобы спрашивала разрешения прийти, — спокойно отвечает она. — Ляг, пожалуйста, твои порезы нельзя так оставлять.

Я не знаю, почему так невообразимо жестко туплю. Почему как тот осел из притчи, не могу ни сделать, что она хочет, ни выставить за дверь. А потом просто сажусь рядом, стараясь не задеть Киру ни сантиметром кожи. Просто потому, что взорвусь и сделаю то, что зарекался не делать.

— Не нужно так брезговать, — слышу ее надтреснутый голос.

Она серьезно думает, что я брезгую? Мне хватает сил подавить нервный смехок.

А потом начинается настоящая пытка. Мне плевать на то, что растворы и мази, которыми Кира обрабатывает раны, жгут так, словно меня прижигают живьем. Дело совсем не в этом. Просто она близко, что я чувствую теплое дыхание на коже, и редкие всхлипы, как будто она чувствует мою боль. Но это же Кира: я сделал все, чтобы она меня ненавидела, так что скорее поверю в приглушенное ликование, чем в сострадание. Да и на хер мне не нужна ее жалость.

— Что случилось? Может, расскажешь. — Она заканчивает и сгребает обрывки бинтов в пакет. Идет к шкафу, но прежде, чем открыть, вопросительно ждет мой ответ.

— Неудачно побрился, — говорю я. Мы оба знаем, что это вранье.

Кира пожимает плечами и достает свежую футболку. Я задираю руки, как послушная марионетка, и терплю, пока она натягивает на меня шершавую ткань.

— А теперь ложись, Крюгер.

Плюхаюсь на кровать, растягиваюсь во всю длину на животе и подгребаю под себя подушку. Кира не уходит, а усаживается поудобнее и включает планшет. Я и не заметил, что его она тоже принесла. Кира прочищает горло кашлем и начинает:

— «Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену. Как бы мало ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, эта

истина настолько прочно овладевает умами неподалеку живущих семейств, что на него тут же начинают смотреть как на законную добычу той или другой соседской дочки. — Дорогой мистер Беннет, — сказала как-то раз миссис Беннет своему мужу, — слышали вы, что Незерфилд-парк наконец больше не будет пустовать?»

Я стону, демонстративно потянулся за подушкой, чтобы набросить ее на голову.

— Если ты хочешь поиздеваться надо мной, читая «Гордость и Предубеждение», то лучше сразу убей.

Она серьезно думает, что это — смешная шутка? Я сошел с ума или в ее голосе действительно проскользнула теплота? И намек на улыбку?

— Обычное любопытство: я прочитал все книги из литературного ТОП-сто.

— А я как раз собралась ее читать. Поэтому, Крюгер, либо я читаю эту книгу у тебя и вслух, либо я читаю эту книгу у себя в номере.

Я не хочу, чтобы она уходила, потому что тогда из углов снова полезут голодные твари, и будут до утра глодать мои кости.

Глава тридцать третья Кира

Я ухожу из номера Эла, как только он засыпает. Времени всего-то на пару страниц, но он отключается и последнее, то я вижу перед тем, как выскользнуть из кровати — его сонное лицо с чуть приоткрытыми губами. И тут же хочу отыскать волшебный ластик, чтобы стереть его такого из воспоминаний. Потому что словно чудесное превращение: мерзость стала красотой.

К счастью, не все мои предохранители сгорели и у меня хватает сил сбежать в уютную безопасную пустоту своего номера.

Телефон начинает трезвонить еще в шесть утра. Я заснула около четырех и сейчас даже не могу разлепить глаза. Нахожу трубку наощупь, прикладываю к уху и сначала не понимаю ни слова из того, что говорят на том конце связи. Прошу притормозить, смазываю сон, растирая глаза до красных потеков под веками.

И только потом до меня доходит, что звонят из больницы: маме внезапно стало плохо, ее забрали по «скорой» с гипертоническим кризом.

Я начинаю сбрасывать вещи в чемодан еще до того, как доктор заканчивает пугать меня одним сплошным завуалированным «все очень плохо». Бегу к Габриэлю, нахожу натягивая кофту. Он открывает не сразу, а потом появляется на пороге мокрый и с плохо смытой пеной на коже.

— Я уезжаю, извини, — быстрой скороговоркой, стучащими зубами, говорю я. Пусть увольняет, если хочет, но мама — мой единственный родной человек. Я буду рядом с ней в любом случае.

— Что случилось?

Я бегло, в двух словах говорю, что случилось. Он слушает, коротко кивает.

— Я организую самолет, Кира, успокойся.

— Спасибо.

Мы даже не прощаемся: я просто убегаю к себе в номер. Собираюсь за минуту, а через полчаса меня уже ждет машина и тот самый маленький, похожий на чайку, самолет.

Из аэропорта — сразу в больницу. Так тороплюсь, что пару раз чуть не падаю, но каким-то чудом все же добираюсь до больницы чистой.

Не знаю, что произошло за четыре часа с момента моего последнего разговора с врачом, но мама уже лежит в индивидуальной палате, у нее есть все, что нужно и врач улыбается так, словно я поманила его сахарной

косточкой. Оказывается, все совсем не так страшно, но из врачебной предосторожности, и чтобы не давать призрачных надежд, он и сгустил краски. Но теперь, когда у мамы есть все необходимое и самое лучшее, она быстро поправится.

Я только пытаюсь задуматься о том, что же произошло, а в коридоре уже появляется знакомая фигура в модном пальто. И все становится на свои места.

Дима.

Он подходит ко мне и, ни слова не говоря, обнимает так крепко, что я не могу не заплакать. Это просто стресс, слезы, которые нужно пролить, чтобы почувствовать облегчение.

— С ней все будет хорошо, Кира, — говорит Дима куда-то мне в макушку. Это все так знакомо, что в моей штормящей жизни больше похоже на островок покоя, на котором я с радостью сушу весла после того, как чуть не утонула в шторме.

Пытаюсь сказать спасибо, но получается невразумительное бормотание, которое Дима тут же глушит осторожным, но твердым: «Не нужно, Кира». Я ухожу к маме, а он обещает вернуться вечером. Мама то и дело извиняется, что снова доставляет мне беспокойство, так что первые минуту нашего общения скорее напоминают игру в настольный теннис: она просит прощения, я говорю, что люблю ее и приехала бы к ней даже с северного полюса. Потом, как ребенка, кормлю с ложки, а потом мама просит найти ее любимый сериал про деревенскую золушку. Пока ищу нужный канал, натыкаюсь на знакомое лицо... Габриэля.

И на мгновение впадаю ступор, почему-то решив, что он прорубил дыру в стене и смотрит на меня из черного бутафорского ободка. Это просто музыкальный канал, который транслирует пятиминутки самых хитовых новостей из социальных сетей. И одна из них: про номер три в десятке самых завидных холостяков-миллионеров, и его «загадочную спутницу». Я успеваю выхватывать реплики ведущей: «парочка», «проводит время», «один из самых романтических городов Европы», «разведенный красавчик забылся в объятиях...».

Что-то так больно колет меня под ребрами, что подкашиваются ноги и я опадаю на стул, словно пробитый спицей воздушный шарик. И сейчас кажется, что на этой планете нет силы, способной поднять меня обратно на ноги.

Это не ревность, конечно же.

Это просто...

Он же свободный мужчина.

Свободный красивый мужчина.

Вокруг него всегда полно желающих примерить фамилию «Крюгер» и...

— Кира, это ты? — слабо спрашивает мама, тыча пальцем в сторону экрана, на котором мелькает слайд-шоу из размытых фотографий.

Знакомые фасады, знакомый ресторан, где мы обедали с интеллигентным и упрямым чехом. И этот черный костюм, хоть фото сделано со спины, я ни с чем не спутаю.

Габриэль придерживает меня под локоть, когда мы поднимаемся по ступеням. На следующем снимке — мы садимся в машину, и он помогает мне сесть. И еще один снимок, уже в сумерках, когда мы возвращаемся в гостиницу.

— Кира, вы встречаетесь? — не понимает мама. Она знает, что я стажирюсь на телеканале, но я не уточняла, кому именно он принадлежит.

— Мама, это прост журналисты раздувают пожар из чепухи. Ты же знаешь: найдут, за что ухватиться, и порвут, как стервятники. Тема полоскания чужого белья вечна.

И быстро отворачиваюсь, закрываю рот кулаком, чтобы не дать родиться ненужной счастливой улыбке.

У мерзавца Крюгера нет никакой другой женщины.

Я все-таки улыбаюсь. Капелька радости, которую все равно никто не увидит.

— Кира, разве вы не были... в натянутых отношениях? — допытывается мама.

Однажды Рафаэль имел неосторожность проболтаться, что мы с Габриэлем не нашли общий язык, и она вбила себе в голову, что я должна сделать все, чтобы найти взаимопонимание со всеми без исключения родственниками славного мальчика Рафаэля Крюгера. Это все идет из ее собственного прошлого: вышла замуж за человека, которого не одобрила семья, сбежала в другой город и с тех пор больше никогда не общалась со своими родными, которые почитали ее пропащей. И примерна та же история у папы, только там он сбежал от выгодной невесты, богачки, которая вдруг потеряла голову от простого парня.

Мне пришлось очень постараться, чтобы убедить маму, что Рафаэль «немного преувеличил», когда говорил, что мы не нашли общий язык. А потом как-то все завертелось: пожар, гибель Рафаэля, его мать, которая приходила в больницу несколько раз и обещала зарыть меня на могиле ее сына, чтобы тлен моих костей удобрял его цветы. Я бы никогда не пережила все это, если бы не Дима. Он подключил все связи, но оградил

меня от нее и от судебного иска, который семья Крюгер собиралась мне предъявить. Я до сих пор так и не знаю, чего это ему стоило. И к стыду своему, всегда боялась спрашивать, потому что все равно никогда бы не смогла дать ничего равноценного взамен.

— Я просто прохожу практику в одном из офисов его компании, — говорю немного нервно, и рука сама тянется за баллончиком со спасительным лекарством. — Мы ездили по работе, ма. Ничего такого, о чем бы тебе стоило волноваться.

— А эти журналисты совсем другое говорят. — Мама кивает в сторону телевизора и тербит край покрывала, явно настраиваясь на серьезный разговор.

Я даже знаю, о чем он будет и как раз собираюсь приготовить подходящие аргументы, но неожиданно стопорюсь. Баллончик жжет ладонь металлической прохладой. Он всегда со мной: моя поддержка, то, что не дает моему горлу слипнуться в жутких спазмах. Держать его вот так — совершенно привычное дело, за два года доведенное до автоматизма. Мои руки сами знают, когда и откуда его нужно достать. Кажется, это называется «память тела».

Но только теперь до меня доходит, что все последние дни я просто его не трогала. Да, я всегда проверяла, чтобы он лежал во внутреннем кармане сумки и всегда был в свободном доступе. Но я не использовала его. Ни разу. С той самой ночи с Габриэлем и до сегодня, хоть вряд ли наше с ним общение можно назвать спокойно-комфортным.

Как раз наоборот: именно он всегда доводит меня до той критической точки, после которой у меня обычно случаются панические атаки и приступы. Но почему-то я справляюсь с ними без баллончика.

— Габриэль тогда тоже говорил очень странные вещи, — вспоминает она их недавнее общение. — А потом пришла ты — и сказала обратное. Что между вами происходит, Кира?

— Ничего, ма. Совсем ничего. Просто старые обиды всей семьи Крюгер.

— Может быть, тогда тебе стоит уволиться?

Я хочу сказать, что и сама об этом думаю, но у меня просто не хватает аргументов «за».

Но есть огромный, неуничтожимый ничего аргумент «против» — мне нравится работать в «ТАР». Возможно, я поспешила, думая, что педагогика — мое призвание. Возможно, мне раньше просто не с чем было сравнивать.

А еще... Я за это точно буду гореть в аду, но нужно быть честной с собой: пока я работаю в «ТАР», я могу хоть изредка видеть своего

Агрессора.

— Кира, ты же знаешь, как Дима к тебе относится, — ловлю голос мамы. Она деликатно, но настойчиво будет гнуть свою линию, потому что, как любая мать, желает мне только добра, а добро и Дима — это для нее почти синонимы. — Возможно, то, что вы снова вместе, знак?

— Мама, он приехал, потому что ты ему позвонила, — не хочу кривить душой, и сразу выкладываю, что я в курсе их общения у меня за спиной. — Прости, мне очень жаль, что кризис случился, когда я была в отъезде и тебе пришлось звонить ему. Но то, что мы здесь — не судьба, а закономерность.

Она кивает и от плохо скрываемой вины еще сильнее теребит угол несчастного покрывала. Приходится сесть рядом, взять ее руки в свои растереть ладони до тепла.

— Мам, я не люблю его. Мы дошли до развилки и поняли, что каждому пора идти своим путем. Лучше так, чем через пару лет осознать, что живешь в браке и воспитываешь детей не от того человека.

Мама кивает, на ее глаза наворачиваются слезы, но она не лезет ко мне с нотациями и нравоучениями. Она всегда была на моей стороне, что бы ни случилось.

Уже вечером, когда медсестра заглядывает в палату и говорит, что время для посещений вышло и больной пора отдыхать, я чмокаю маму в щеки и обещаю принести все, что она просила. Все — это ее планшет с кучей дешевых любовных романчиков, которые она поглощает со скоростью звука. В этом она вся: не смотрит отечественное «мыло», обожает Discovery и National geographic, но ни один ее день не обходится без книжки о всепрощающей и преодолевающей любви.

Я сталкиваюсь с Димой снова: он меряет коридор широким шагом и вскидывается, едва меня заметив. Спешит навстречу, кладет руки на плечи и пылливо заглядывает в лицо.

— Спасибо, что ты всегда с ней рядом, — говорю я, пока он не заговорил первым и не сказал такое, что испортит жизнь нам обоим. Набираю в грудь побольше воздуха, и добавляю: — И спасибо, что не сказал ей... обо всем остальном.

— Кира, мне очень жаль. — Дима вздыхает, мотает головой, словно у него никак не получается сосредоточиться на правильных мыслях. — Я просто очень разозлился, что ты не сказала сразу. Вспылил, не подумал совсем. Решил, что ты просто еще одна подложенная под меня девочка. Никогда себе не прощу, что так долго заблуждался.

— Это уже не важно. — Стандартный, до скрипа песка на зубах, ответ.

Как будто мы не были вместе кучу времени, как будто я не носила его кольцо, как будто не примеряла свадебное платье. Мы словно две рыбки на передержке: сидим в одной банке и ждем, когда же хозяин разнесет нас по разным аквариумам.

— Кира, я люблю тебя. — Дима пытается прижать меня, но я словно задеревенела, и с таким же успехом он мог бы обнимать фонарный столб. Я не чувствую совсем ничего, ни единого разряда в душе. — Мы ведь можем...

— Дима, пожалуйста, не нужно.

Я не умею рубить с плеча. Не могу взять — и нагрубить человеку, который так много для меня сделал и в итоге ничего и никогда не просил взамен. Я буду вежливой до самого конца, даже если язык отсохнет говорить одно и то же.

— Просто давай попробуем еще раз. Свидание, кино, рестораны, поездки в Париж, — перечисляет он и улыбка надежды превращает его лицо в женскую мечту.

Но не в мою мечту, потому что у моей мечты шрам, как у графа де Пейрака^[9] и потому что моя мечта совершенно невыносима и точно не нуждается в том, чтобы скрашивать собой мои сны без сновидений.

Я до боли прикусываю щеку изнутри, чтобы подавить глупую улыбку. Все-таки, не было с ним никакой другой женщины в Праге. И даже если она была, но не попала в камеры — мне все равно. Мне хочется кричать, что это я ходила за ним тенью и это я читала дракону книгу, пока он не уснул, и еще немножко просто лежала рядом, прислушиваясь к его дыханию.

Но желание улыбаться мгновенно пропадает, потому что в коридоре появляется знакомая высокая фигура и прет на нас с Димой, словно танк.

Глава тридцать четвертая: Габриэль

Сколько себя помню, я всегда был прагматиком. Эмоции — это как вентиляционная шахта в Звезде смерти. Щель в безукоризненной обороне, в которую достаточно попасть лишь раз, чтобы превратить Смертельное оружие в большую кучу металлолома.

В конечном итоге, именно эмоции погубили часть моей семьи: из-за них отец пустил в себя пулю, потому что боялся позора, и из-за них Раф полез в огонь. Хотя я до сих пор не понимаю, почему, ведь я ни разу не слышал, чтобы он отзывался о Кире с сопливой любовью. Скорее, как о вещи, которая скрашивает его досуг.

Поэтому, те части сердца, которые отвечают за всякий мусор вроде нежности и жалости, привязанности и жертвенности, я до отказа набил тем, чего было в избытке — безразличием. Я приказал своим штурмовикам залить бетоном каждую дыру в Звезде смерти, и до сегодняшнего дня был уверен, что мой приказ исполнен безупречно.

Но вот я стою в долбаном коридоре, смотрю, как дядя окучивает Киру, как сжимает пальцы на ее воробьиных плечах, и понимаю — кто-то среди моих верных солдат оказался предателем. Потому что прямо сейчас ревность отыскала дыру в мое сердце и запустила туда кассетную бомбу. Я почти чувствую каждый сантиметр, который преодолевает разрушительная сила, как сокращается расстояние до моей уязвимости, как снаряды разносят на куски мое терпение и самообладание.

Почему, блядь, стоит мне отвернуться, выпустить Киру из поля зрения — рядом с ней тут же появляется какой-то мужик?

Кира смотрит на меня из-за дядиного плеча и в ее глазах плещется страх. Вероятно, у меня рожу перекосило от желания выпотрошить этого прилизанного мудака. Щеку тянет так сильно, что приходится прикусить губу. Больно, сука, но это все равно херня, потому что куда больнее видеть Киру улыбающейся другому мужику.

Мне она не улыбается.

У королевешны для Крюгера только презрение и ненависть.

Я весь день, как угорелый, носился с делами, сорвал хорошую сделку, потому что жопой чувствовал — как только выпущу Киру из поля зрения, тут же появится дядя, или очкарик, или любой другой носитель члена.

Я даже останавливаюсь, запрещаю двигаться дальше, пока не придушу желание без разговоров и предупреждений просто оторвать Рязанову

голову. Открутить, как сраную болванку с болта и выбросить на корм бешеным собакам.

— Странное место для свиданий, — говорю я, когда расстояние между нами сокращается до вытянутой руки.

Дядя окатывает меня холодным взглядом, пытается загородить собой Киру.

Он, сука, прячет ее от меня?!

— Что ты здесь забыл? — спрашивает дядя.

— Надо же, у кого-то прорезался мужской голос и отросли бубенчики, — издеваюсь я. — Поздравляю, дядя, вот ты и стал половозрелым. Скоро начнешь бриться и познаешь все прелести утреннего стояка.

— Не пошел бы ты куда подальше? — без намека на эмоции, предлагает он. И когда Кира пытается высунуться из-за его спины, дядя тут же задвигает ее назад.

Словно она его собственность. Словно за несколько часов они успели поплакаться друг другу в жилетку, простить все обиды и как раз решали, какого цвета будут цветочки на занавесках в кухне.

— Что такое? Я стал свидетелем тошнотворной сцены примирения?

— Прекрати, — говорит Кира и на этот раз отбивает дядину руку, когда он снова пытается загнуть ее в стойло. — Не помню, чтобы просила тебя приезжать.

— Не помню, чтобы спрашивал твоего разрешения.

— Но в этой больнице лежит моя мама, я здесь ради нее, и если ты принес новую порцию оскорблений и унижений, то можешь не разворачивать!

Я принес кое-что другое.

Кое-что, что тянет карман, словно гиря, и настолько сильно оттопыривает ткань, что мои намерения кажутся до смешного очевидными.

О чем только думал?

Что она сидит здесь, ждет, когда я приеду, чтобы успокоить ее и сказать, что рядом со мной ей нужно бояться только одного — меня?

Что уж проще: сбросить с себя чужие грабли и просто встать рядом? Но у Киры для поганого Крюгера нет даже этого. И теперь вся затея с поездкой кажется настолько абсурдной, а подстроенные новости — идиотскими, что хочется взять самого себя за шиворот и встряхнуть, как пыльную ветошь.

Если бы я был хорошим парнем, я бы точно отступил. Сказал пафосную хрень о том, что желаю ей счастья, а потом бы зализал раны,

утонул в работе и похоронил себя в бесконечном потоке доступных женщин.

Но я мудак и мерзавец. Поэтому я смотрю дяде в глаза и с полуулыбкой сообщаю:

— Я трахнул ее. По взаимному согласию. Забрал ее девственность и поставил крестик в своем личном трофейном блокноте. И так как я еще не распробовал, то тебе придется занять очередь, чтобы получить доступ к телу. Приходи... месяца через два. Думаю, мне будет достаточно.

Шипящая тишина, достойная театральной сцены.

Дядя заносит кулак, но в этот раз я не настроен давать себя колотить, поэтому запросто перехватываю его руку и отбрасываю с демонстративным отвращением. Хочется сломать ему кости, с наслаждением выдрать пальцы из ладоней, потому что ими он трогал то, что принадлежит мне. Но это ведь больница, и мы уже стали объектом пристального внимания.

— Я тебя ненавижу, Крюгер. — Голос Кире дрожит, как горное эхо.

— На здоровье, Кира, — отвечаю я, очень даже качественно корча безразличие. — Но сейчас ты пойдешь со мной, сядешь в мою машину и будешь вести себя, как хорошая ручная собачонка.

— Назови хоть одну причину...

Я не даю ей закончить.

Я упал, и мне плевать, потому что кассетные снаряды уже выжгли мою душу напалмом, и в дымящейся долине нет места сожалению и рассеканию. Я знаю одно — эта тощая зараза будет моей. Я приготовил золотую клетку, и рано или поздно, канарейка будет в ней щебетать.

— Хочешь, чтобы твоя мама узнала, чем ее пушистая доченька собиралась зарабатывать на жизнь?

Грязный вонючий шантаж.

Но я привык добиваться своего любыми способами.

Кира даже не смотрит на меня. Понятия не имею, о чем она думает, и не уверен, что хочу знать, потому что вряд ли в этой склоненной голове есть хоть пара приятных мыслей для меня. Правда в том, что сейчас я не могу думать ни о ее симпатии, ни о нашем будущем, которого у нас, скорее всего, нет и не предвидится. Сейчас я просто хочу забрать ее подальше от этого прилизанного принца, убрать от его вонючей тошнотворной заботы, потому что он мог бы владеть Кирой еще тогда, полгода назад.

Если бы захотел. Черт, она даже носила его кольцо! Она примеряла свадебное платье и до брака оставались считанные недели. Он мог получить Кире еще тогда, если бы хотел принять ее такой: порченной, с темным пятном на прошлом. Но почему-то тогда дядя побоялся испачкать

свой белый плащ.

— Я тебе язык вырву, — обещает Рязанов, как будто меня можно остановить такими детскими угрозами.

— У тебя руки слишком коротки, — говорю то, что знаем мы оба.

И речь, конечно же, не о буквальной длине его рук. Он — политик, который слишком перегнул палку, пытаясь быть со всех сторон хорошим и безупречным, а я — владелец огромного куска СМИ, фактически, сраный монополист на рынке, за что меня регулярно дрючат всякие комитеты. Если я захочу, то раскопаю достаточно, чтобы покрыть белый плащ толстым ровным слоем дерьма. А вот мне он уже ничего не сделает, потому что каждая собака в столице, в стране и даже за ее пределами, знает, что Габриэль Крюгер — мразь и подонок. Еще один плюс поганой репутации — ее просто невозможно испортить.

— Дима, не нужно, — спокойно говорит Кира и, даже не глядя в мою сторону, идет к выходу. Так и держит пальто, перевешенным через руку, словно забыла, что на улице еще очень холодно после захода солнца.

— Я все равно заберу ее, Габриэль, — говорит Рязанов.

— Смени пластинку, дядя, тебя зациклило. Ты заберешь ее не раньше, чем я захочу отдать. А если я еще хоть раз увижу, что ты трешься возле того, что принадлежит мне, можешь распрощаться с мечтой пробраться на самый верх. Я похороню тебя, дядя, сделаю с тобой такое, что даже младенцы будут хотеть в тебя плюнуть.

— Я тебя не боюсь, племянник.

Надо же, а он позволяет себе издевку.

И есть в его словах что-то такое... интонация, с которой он дает мне отпор. Ее раньше не было. Он никогда не становился у меня на пути, хоть Кира — далеко не первый камень преткновения между нами. Но первая женщина.

— Ты мог жениться на ней, дядя, — напоминаю я, надеясь, что мои слова звучат достаточно немилосердно. — Но ты выбрал репутацию. Или, может, просто испугался, что в твоей жизни появилась женщина, которая отбрасывает на тебя поганую тень? Так вот, Рязанов: не начинай того, что не можешь закончить. Если считаешь, что эта женщина принадлежит тебе — давай, врежь мне. Сделай так, чтобы я валялся в крови, а сам хватай Киру и прямо сейчас води ее в ЗАГС.

Дима смотрит на меня с ненавистью безногого, которого дразнят яблоком на верхушке дерева. Он хочет Киру, но он не может ее взять и при этом остаться чистеньким.

Я подвигаюсь к нему и со злой усмешкой говорю:

— В этом, дядя, вся разница между нами: я возьму ее несмотря ни на что, а ты будешь до бесконечности ждать удобный момент и красивый повод.

Наверное, он хочет оставить последнее слово за собой, но хрен ему. Пусть покричит вслед моей заднице — достойное применение любым словам этого чистюли.

Я выхожу на улицу, озираюсь в поисках Киры, но замечаю ее белобрысую голову на заднем сиденье своего «Мерседеса». Умница, надо же.

Кира даже не дергается, когда я сажусь рядом, хоть мне до чертиков нужны ее эмоции.

Крик, возмущение, порция яда на мои раны. Что-то, что потушит боль внутри, что позволит переключиться с образов обнимающего ее дяди. Просто чудо, что я не оторвал его поганые руки. Никогда в жизни я не был так близок к тому, чтобы изуродовать живое существо без капли сострадания.

Глава тридцать пятая: Габриэль

Я громко и четко говорю водителю:

— Домой, Никита.

Кира продолжает молчать, только руки, которыми теребит кисточку на сумке, выдают ее волнение. Губы поджаты так плотно, что мое терпение натягивается на невидимых колышках, как гитарная струна. Еще немного — и оно превратится в смертельное оружие, гарроту^[10], приспособленную для морального убийства любого, кто подорвется под руку.

— Я рассказала матери, — говорит Кира, поворачиваясь так, чтобы коситься на меня краешком глаза. Как будто я не достоин большего, а чтобы заслужить королевскую милость, должен разбить лоб, отбивая поклоны у ее ступней. Хрен ей!

— Рассказала матери... о чем?

— О том, что хотела работать в эскорте. Прости, Крюгер, но она и так все знает. И вряд ли поверит в твою версию, даже если ты сунешь ей под нос пачку отфотошопленных фотографий. Это было тяжело, но, знаешь, после того, как ты разыграл для нее спектакль, я поняла, что больше не позволю тебе пачкать мою жизнь, вскрывая прошлое. Мне нечего стыдится, Крюгер. — Кира все-таки смотрит на меня: прямо в глаза, как будто хочет добить умирающего Супермена криптонитовыми лазерами. — И не о чем жалеть. А ты можешь сказать то же самое о себе?

Я ни хуя не могу сказать, потому что это долбаный шах и мат. Я вывернул наружу всю гниль, показал, что в моем колодце есть монстр страшнее девочки с черными волосами, убивающей одним взглядом, а она просто сидит на краю и бросает в зловонный ил лепестки одуванчиков. И по хрену ей на все мои угрозы, потому что сейчас Кира снова сделал по-своему: пошла со мной сама, по своей воле. Без истерик и слез. Просто, блядь, потому что она сама этого захотела.

У меня всегда есть стратегия. Несколько десятков планов для штатных ситуаций, которые я накладываю поверх, как подходящее лекало. И несколько десятков планов для неожиданностей. А еще есть блиц, который шарахает в голову, как осиновый кол: когда реакция течет по венам со сверхзвуковой скоростью, и мега компьютер выдает алгоритм действий. Это почти всегда срабатывает на девяносто процентов. Но уже второй раз безупречные алгоритмы ломаются о волнорез по имени Кира.

Взять бы ее... и зацеловать до боли в губах, поймать языком ее

поганый рот, чтобы следующие несколько дней она могла сказать только: «Да, Эл», «Как скажешь, Эл» и «Еще раз, Эл». Но кого я обманываю? Я же не хочу ее ломать.

— Что у тебя в кармане, Крюгер? — спрашивает в лоб Кира, пока я пытаюсь выдавить из своих сломанных схем подходящее решение.

— С чего ты решила, что там что-то есть?

— Потому что ты уже дважды запускал туда руку, и потому что там маленький квадратный предмет.

Нет, она не кокетничать, не заигрывает. Не делает ничего, что обычно делают шлюхи, когда чувствуют наживу и становятся с коленно-локтевую стойку, готовые отработать дорогой подарок всеми отверстиями на своем теле.

— Это не тебе, упрямица.

— Что у тебя в кармане, Крюгер? — спокойно размазывает меня Кира.

И я снова выдаю себя, потому что все это время я продолжаю теребить дурацкую коробку. Неосознанно, как привычное действие, которое выпало из фокуса моего внимания. Это просто смешно. Импульс. Блажь. Мысль, которая созрела вчера ночью, пока я бултыхался на границе сна и реальности, впервые в жизни забывшись таким сладким сном, что утром хотелось затолкать солнце обратно за горизонт. Я контролирую каждый свой шанс. Как скупой ростовщик отмеряю каждый грамм эмоций.

Но с Кирой мои микросхемы горят к чертям собачьим.

И это уже ни хрена не смешно.

Я протягиваю ей квадратную бархатную коробочку. Ту самую, которую мечтает заполучить любая девчонка, едва ей исполнится шестнадцать.

Кира вертит ее в руках, перекладывает из ладони в ладонь, словно ребенок, который пока не знает, что вещица открывается до смешного просто и нет никакого секрета.

Достаточно просто чуть поддеть пальцем крышку — и достать свой приз.

Я тронусь, пока она ее открывает.

Так я думаю, секунду назад, потому что Кира опускает стекло — и швыряет коробку просто на дорогу. Закрывает окно — и простреливает меня совершенно, блядь, искренним триумфом. Она даже не захотела посмотреть, что внутри. Просто вышвырнула не глядя, как будто расписалась под тем, что ей плевать на мои подарки, даже если они в бархатных квадратных коробочках.

— Это тебе за то, что ты такой моральный урод и придурок, — говорит, чуть щуря глаза, отчего — клянусь — у меня в груди оживает

Везувий.

Я нависаю над ней, готовый вылить на белобрысую голову весь свой гнев, всю свою ревность. И еще — зависть. Мерзкую едкую зависть, с которой я уже не в состоянии справиться самостоятельно. Я завидую всему миру, которому она улыбается. Завидую зеркалу, в которое утром корчит рожи, когда чистить зубы. Завидую подушке, которая видела ее сонную улыбку. Завидую дяде, который за секунду получил от нее больше тепла, чем я за всю свою жизнь.

И вдруг...

Нет, я точно сошел с ума. Потому что этого просто не может быть.

Но, бля, она правда улыбается. Осторожно, покрываясь сумасшедшим румянцем, от которого мои мозги в кисель и в кучу.

Кира закладывает прядь за ухо, и тянется ко мне, чтобы оставить на зашитой щеке мимолетный поцелуй.

— А это за то, что приехал.

Мои черты вылезают из щелей и тянут морды, готовые жрать из ее рук даже старые сухие кости.

Но хуже всего то, что я даже не знаю, как на это реагировать. Я окончательно сгорел, все мои механизмы и возможности превратились в ржавчину, место которой только на свалке. Я знал, что делать с ее злостью, как побороть сопротивление и заставить замолчать, если Кира начинала городить чушь.

Но против такой Киры, мне нечем играть. Моя армия выбросила белый флаг, генералы преклонили колени, покорно выстроились в ряд, чтобы заполучить хотя бы целомудренный поцелуй, а я сижу здесь, так близко возле нее, что тону в сумасшедшем запахе ее волос.

— Ты покраснела. — Это все, что я способен сказать в этот момент.

Кира смущенно кивает, и непослушная прядь снова выползает из-за ее уха, словно любопытная змейка. У меня пальцы скручивает от потребности убрать ее назад, и есть только один аргумент, чтобы этого не делать — если трону Киру, то уже не смогу затормозить. И, наверное, она чувствует то же самое, но ей все равно: взгляд ощупывает мое лицо, пальцы тянутся к вороту рубашки, цепляют край цепочки и тянут к себе так близко, что я задерживаю дыхание.

— Мне нравится твой шрам, — говорит Кира почти шепотом. Или не говорит совсем, и все это — лишь дыхание ее шепота у меня на губах?

Эта женщина меня с ума сведет.

Ее губы скользят по моей щеке невесомыми прикосновениями. Вдоль шрама, к подбородку. И она посмеивается, когда щетина колит нежную

кожу. Она, блин, так нежно смеется, словно не было никакой грязи между нами.

И я невольно подаюсь вперед, все-таки завожу упрямый локон за ухо и Кира жмурится, когда мои пальцы скользят по ее коже. Мы просто смотрим друг на друга, и именно сейчас, в темном салоне, практически подо мной, она кажется невозможно маленькой, совершенно беспомощной. Но перед глазами проносятся все наши перепалки и воспоминание жжет кожу на лице в том месте, где я еще долго носил след от ремня ее сумки. Ни черта она не слабая. Слабая бы уже сломалась: убежала или сдалась, или рыдала от одного моего вида. А Кира каждый раз меняет правила придуманной мной же игры и запросто обыгрывает. Виртуозно, блядь!

Я чувствую ее губы на своих губах: несмелый, робкий поцелуй, словно для нее это впервые. Паршивая часть меня хочет засмеяться, потряхнуть ее за плечи и сказать: эй, малышка, мы вообще-то уже трахались, незачем разыгрывать невинность? Но я заталкиваю это дерьмо так далеко, что в тайне надеюсь потерять и забыть.

Кира приподнимается, так нежно обхватывает меня обеими руками, что хочется остановить время. Не на мгновение и не на час — навсегда. Запечатлеть эту реальность такой, где мы рядом, где она не боится моих прикосновений и не боится быть рядом.

Где она почти просит мой поцелуй, прижимаясь с такой искренней наивностью, что я хочу сжать ее до хруста каждой кости в этом тощем теле.

Но я не хочу вести, я хочу отдаться ей, поэтому просто приоткрываю рот, позволяя ей прихватить меня зубами за нижнюю губу, пососать ее, словно я какая-то восточная сладость. Понятия не имею, насколько меня хватит, но такого, как сейчас, у меня не было никогда. И я хочу объестся этим лакомством до оскомины, до боли в деснах.

Она тянет меня за цепочку, и немного отклоняется сама, так что приходится опереться ладонью в сиденье позади нее. Я — ее единственная опора, ведь только за меня она так отчаянно хватается тонкими руками. И это словно откровение, запрещенное Евангелие, которого не хватало, чтобы Кира вторглась в меня единственной известной ей верой — верой в то, что сегодня и сейчас я ей нужен. Ее язык у меня на губах просто что-то запредельно сексуальное. И то, как Кира настойчиво проталкивает его мне в рот — это вершина всего, что было в моей жизни до нее. Порочно, чувственно, невинно и грязно.

Она высасывает из меня жизнь, словно суккуб, но остается все такой же невыносимо чистой и полностью в моей власти. Я мог бы запросто повалить ее на спину и даже смог бы устроиться между ее ног. Она мокрая?

Готовая? Она хочет меня? Это поцелуй- обещание или поцелуй- примирение?

Ради всего святого, Кира, что ты такое?

Я не выдерживаю, отдаюсь ей, как мальчишка: наши языки сплетаются, поцелуй становится таким горячим, что я почти чувствую дымный аромат сандаловой палочки.

И я хриплю в эти порочные губы, почти корчусь от боли, когда сминаю ее губы, а она вдруг тянется назад и разрывает поцелуй с на хрен полностью порочным влажным звуком. Я даже головой трясусь, чтобы избавиться от наваждения подмять ее под себя.

Кира тяжело дышит, маленькая грудь быстро поднимается и опадает под тонким свитером. И снова закручивает на пальце мою цепочку, не давая даже глотка воздуха, в котором бы не было хоть капли ее дыхания.

— Я есть хочу, — говорит она.

И снова эти румяные щеки. Я провожу по «яблочкам» большим пальцем, потому что почти уверен — это цветная сахарная пыль. И хоть на пальце все рано ничего нет, я слизываю с него все без остатка. И провожу влагой по ее припухшим губам. Сейчас мне достаточно просто этого взгляда в томной дымке, потому что от большего я точно просто обкончаюсь.

— У меня что-то должно быть в холодильнике, — говорю в ответ на ее слова.

Она сегодня просто сама щедрость, потому что дарит еще одну улыбку.

Глава тридцать шестая: Кира

Странное чувство — смотреть на человека и не видеть его.

Именно так случилось сегодня. Я словно прозрела, как та лошадь, с которой сняли шоры. Вдруг открыла глаза, щурясь от неприятной правды, которую, пусть и не нарочно, но пыталась не замечать.

Машина притормаживает у дома, со всех сторон огороженного высоким каменным забором. Ворота разъезжаются — и я чувствую себя Бель, которую Чудовище затащило в свой мрачный замок. Хоть дом Габриэля точно не мрачная обитель, а настоящая архитектурная ода стилю.

Эл помогает мне выйти из салона, и, кажется, мы оба вздрагиваем, когда я вкладываю пальцы ему в ладонь. Он почему-то снова хмурится, но держит крепко, так, что нечего и думать, чтобы освободиться.

Молча идем к дому. Молча переступаем порог. В полной тишине Эл забирает пальто из моих рук. Пока раздевается сам, успеваю снять обувь и переступаю с ноги на ногу.

Странная неловкость мешает говорить и думать. Вроде ничего не произошло: это все тот же невыносимый мерзавец Крюгер, и час назад он доказал это своими паршивыми словами и поступками. Но как отделить этого человека от Эла, который помог мне вылететь без проволочек, и сегодня приехал в больницу, хоть совершенно не должен был этого делать?

И снова в груди колотится сладкая, до щекотки мысль: нет у него никакой женщины.

Только я. Ну и что, что это похоже на самообман: на тех снимках с ним была я, а не красавица с аппетитной пятой точкой. Сейчас этого достаточно.

— Может быть... — пробую разбавить невыносимую неловкость, но Эл перебивает меня поцелуем.

Мне больно, когда он как-то по-звериному прикусывает уголок моего рта, и его язык жалит ямку, где прячется мой удивленный вздох. Я словно печенье, которой он не хочет целиком запихивать в рот, но с каким-то ненормальным удовольствием обкусывает по краю, оставляя на коже жалящую боль. И в моем горле рождается странный призывный звук: его не слышно, но я проталкиваю его Габриэлю в рот, и он жадно глотает. Открывает глаза — и мы смотрим друг на друга. Наверное, хотим протрезветь, найти якорь, который вытащит нас из этой пропасти, но практически одновременно отказываемся от этой затеи.

Мы тонем, и это заводит убийственно сильно.

Эл тянет меня к себе, опускает ладони на бедра, вминает кожу пальцами до моего вздоха. Заставляет встать на носочки, буквально вдавливая в свое желание. В полной тишине, глаза в глаза — я чувствую, как он меня хочет. Как боится потерять контроль, когда дует на мои губы и охлажденная влага его поцелуя посылает россыпь мурашек по плечам.

Он выпивает меня, как первую порцию алкоголя: жадно, залпом, высушивает до самого дна. Сосет мои губы с яростью умирающего, а я могу только подставлять всю себя: берите меня, Эл и Крюгер, я нуждаюсь в вас обоих, я нуждаюсь в вас, я нуждаюсь в нем.

Габриэль хрипло матерится, когда я втягиваю его язык в рот, приглашая... к чему?

— Кира, нет...

Он еще хватается за контроль, но стоит мне подразнить фальшивой попыткой увеличить расстояние между нами — рычит, как раненный зверь, вжимает меня в стену, как таран. Острыми поцелуями жжет кожу на подбородке, прикусывает его, спускается ниже, чтобы языком и пальцами расплющить артерию на шее. Язык слизывает каждый удар сердца, и я чувствую, как его он вгрызается мне в кожу, словно хочет перекусить ток жизни.

— Я больной от тебя, — хрипло смеется Эл.

Господи, он так сильно напряжен, что дрожит, словно перед припадком.

— Ты просто больной, Эл, — переиначиваю я.

Мы с минуту просто прижимаемся друг к другу лбами. Нас словно замкнуло, закоротило, и если просто пошевелимся — тысяча вольт одним ударом убьет обоих. Но мы рядом. Не ругаемся, не делаем друг другу больно.

Мы... кажется, учимся.

Элу хватает смелости разорвать наш контакт. Но он не смотрит мне в глаза, отворачивается, торопливо, по старой привычке, тянет за собой вглубь дома. Он-то здесь все знает, а я то и дело натыкаюсь на скрытые полутьмой предметы: тумбочки, столики. Только когда мы достигаем конечного пункта нашего назначения, я вижу, что это — кухня. Подсветка расположена в стратегически важных местах: ряд лампочек в стене над плитой, ряд около рабочей стойки, большая стильная люстра над обеденной стойкой. И особняком — холодильник: два метра серой стали с табло и какими-то наворотами. Выглядит, как пришелец с луны.

— Я готовить не умею, — сразу предупреждает Эл.

А я помалкиваю, что знаю об этом давным-давно. Рафаэль любил рассказывать о брате, иногда так много, что мог говорить о Габриэле целый день: что любит, что не любит, что ненавидит, а чем его можно порадовать. До того, как я лично познакомилась с Элом, эти разговоры казались забавными, а потом... Потом я никак не могла отделаться от мысли, что вместе с нами гуляет кто-то третий. И все время, как бы сильно Рафаэль не восхищался братом, меня не покидало чувство, что они совсем не так близки, как может показаться на первый взгляд.

— То есть готовить должна я?

Мне немного дико и неудобно, потому что мы не шипим друг на друга, и все это очень похоже на обычный диалог обычной парочки. То, что случается у нормальных людей, когда парень приводит девушку домой и распускает хвост на своей территории. Но мы не обычная парочка и даже этот разговор для нас совершенно дикий. Я скорее поверю, что мы можем без тормозов посыпать голову друг друга едкой солью старых обид, но не говорить так, словно между нами все ванильно. И все же — мы разговариваем.

Эл снимает пиджак, устало трет глаза костяшками, и лениво устраивается на высоком барном стуле за стойкой. Подпирает голову кулаком, хмуро изучает каждое мое движение. В холодильнике полно еды, и часть ее можно запросто превратить в омлет.

— Яйца? Seriously? — Эл выгибает бровь, когда я разбиваю сразу несколько, разнося белки и желтки по отдельным емкостям. У него тут есть кухонный комбайн, так что я приготовлю ужин минут за двадцать.

— А ты думал, я подам тебе Рататуй или Петуха в вине?

— Я бы не отказался от блинчиков Сюзетт, — Эл даже не берет паузу, чтобы дать мне ответ. — Нравится Франция, упрямица?

— Я была там всего дважды. — Один раз лишь на выходные, и Дима показывал свои любимые места, а второй раз — мы приехали утром, а уехали вечером, потому что ему пришлось срочно возвращаться. Я даже из номера только выйти не успела. Но это все равно был Париж, и если бы не Дима, я бы так и видела его только в чужих инстаграммах.

— Поехали на выходные, — вдруг говорит Габриэль. — Если твоей маме станет лучше.

Моя рука дергается, помидор выкатывается из-под ножа и лезвие скользит по пальцам, оставляя на коже алую строчку, словно от чернильной ручки. Несколько секунд я просто смотрю, как на коже выступают алые капли, скатываются на доску.

— Черт, Кира, ты вообще безрукая?

Габриэль с трудом достает нож из моих пальцев: от нервов ладонь сковало судорогой.

Усаживает меня на стул, начинает гроыхать ящиками, ругается, потому что не находит аптечку. А я, как ребенок, снова и снова прокручиваю в голове его слова. Он правда пригласил меня провести выходные вместе в Париже? Вот так, без шантажа и приказов?

— Могла бы сказать, что не умеешь, заказали бы готовую еду из ресторана, — злится он, присаживаясь на колени и щедро поливая мою руку бесцветной жидкостью из пластиковой бутылки. Не жжет. — Не нужно завоевывать меня кулинарными талантами.

— Завоевывать тебя? — Я все-таки выпадаю из ступора и нервно посмеиваюсь. — Ты самоуверенная свинья, Крюгер.

Ладно, я могла бы подобрать более ласковое слово, но между нами уже столько всего сказано, что глупо обижаться на «свинью». Просто нужно принять за аксиому: мы не та пара, где будут «солнышки», «ласточки» и «милые». Скорее уж «чудовище», «дракон» и «зараза». Главное, чтобы не грязнуля. Кстати, он уже несколько дней не называет меня так. С той самой ночи.

Плечи Габриэля напрягаются, жилы на шее тянутся, словно он до отказа сжал челюсти.

Неужели обиделся? Я не вижу его лицо, потому что он грубовато и неловко, по-мужски, обматывает мои пальцы пластырем, и изводит уже полпачки, потому что ничего не получается.

— Прости, за свинью, — извиняюсь я. Кто-то должен уступать. Бабушка говорила, что женщина — вода, и точит не только камень, но и капризного упрямого мужика. В нашем случае, Эл вообще живое воплощение всех мужских пороков и не факт, что с ним получится справиться, но ведь сейчас он заботится обо мне, а не пытается все решить своим привычным «мне плевать, будет, как я сказал».

— Ты снова назвала меня Крюгер, на свинью мне плевать, — отвечает Габриэль, наконец, справившись с пластырями.

— Мне нравится твоя фамилия, — не задумываясь, отвечаю я.

И он вдруг поднимает голову, недоверчиво щурясь. Янтарная волна накрывает с головой, и я, раскинув руки, добровольно тону в ней.

Мне действительно нравится его фамилия. Нравится, что она такая злодейская и так ему идет. Странно, что он думал иначе.

— Как сильно ты голодна? — спрашивает Эл, и теперь его очередь брать меня за грудки одной рукой и заставлять к нему наклониться.

Его голос опускается до низкого хрипа и самого горла. Он сглатывает,

кадык резко скачет. Выдавая то ли волнение, то ли нетерпение. И мы снова разделяем один на двоих вдох, и этого — господи, даже просто этого! — достаточно, чтобы у меня снова закружилась голова.

Я хочу есть и мне дико от почти забытого за два года чувства голода. Рядом с Элом мне хотелось есть и это не вызывало острый приступ тошноты и не провоцировало рвоту.

Но сейчас я готова съесть целого поросенка.

— Достаточно, чтобы пугать тебя злобным урчанием моего желудка, — признаюсь я.

Я как будто пошутила, но ни одному из нас не хочется смеяться.

Мы дышим неровно, сбито, словно наперегонки форсировали Эверест. И взгляд у Габриэля такой, словно он тоже очень-очень голоден, но хочет совсем другого, и вряд ли этот процесс можно назвать едой. А у меня пальцы на ногах поджимаются от этой громкой безмолвной потребности обладать мной прямо сейчас. Габриэль поднимается, рывком тянет меня на себя, а я намираю на него, словно таран, вколачиваю в ближайшую стену, и мы сталкиваемся поцелуями, словно борцы на ринге, пытаюсь доказать свое превосходство, отстоять право вести этот поединок.

Да, мы голодны.

Но омлет может подождать.

Глава тридцать седьмая: Габриэль

У меня глотку сводит от потребности выпить ее дыхание досуха.

Скручивает, жжет огнем, словно невидимый палач нахлобучит ошейник с шипами и теперь медленно закручивает его в тугое кольцо, чтобы каждая грань боли показала мне, что я еще жив, и что я слишком ярко чувствую все, что делает со мной Кира.

Эта боль по венам. Боль без крови. Боль от необходимости обладать, получить, заклеить своей собственностью. Потребность покрыть ее тело несмываемыми отпечатками своих пальцев. Она жрет меня изнутри, прокладывает муравьиную тропу к сердцу и штурмует миллиардами обжигающих взрывов. И я просто рехнусь, если не получу Киру прямо сейчас.

Но сосредоточиться невыносимо тяжело. Я пытаюсь подсчитать в уме дни с момента нашей первой ночи. Сутки? Двое? Или все это случилось в прошлой жизни?

Взять себя в руки так же сложно, как и остановиться.

И меня пугает это бессилие перед мом тощим проклятием и спасением. Она никогда этого не узнает, но сейчас я бы ел из ее рук, как бездомный пес, которого просто позвали лаской.

А еще я умираю. Какая-то часть меня отмирает, опадает мертвыми бесполезными кусками плоти. Что-то рушится, катится в бездну, как будто все это время я был чертовым Прихлопой Биллом^[11] и теперь с меня отваливаются коралловые наросты, сухие морские звезды и прочая мерзость, делавшая меня живым мертвецом.

Кира разрывает наш поцелуй и снова этот блядский, охуенно развратный влажный звук, от которого я непроизвольно колочусь затылком в стену. Еще раз — и взвою, рехнусь, сойду с рельсов и вмажусь в стену, чтобы избавиться от его гипнотического влияния на мой член.

Упрямыца смотрит на меня так, словно ищет что-то взглядом, ковыряет глубоко под кожей лица. Что ты хочешь увидеть, Кира? Что я стал Принцем? Нет, нее стал. Я все та же мерзкая тварь, беспринципная сволочь и окончательный мудака, и Китайскую стену развалить проще, чем меня переделать. Но я могу быть твоей сволочью, стать твоим мудаком. Примешь?

Я хочу сказать, что она мне нужна. Но правда жжет своей обратимостью, ведь если скажу — пути назад не будет. Признаюсь себе.

Признаюсь ей. И сожгу нас обоих, потому что разве мы можем нормально существовать рядом?

Или можем?

Кира запускает пальцы мне в волосы, оттягивает голову назад, открывает доступ к шее и скользит по ней губами до самого ворота. И невидимый кулак на моей глотке разжимается, поэтому вдох получается громкий, надтреснутый. Словно меня треснули по башке и теперь медленно возвращают в реальность живительными прикосновениями. А она целует так горячо и мокро, что мозги плавятся, и на губах неконтролируемые мольбы:

— Еще блядь...

Она отзывается каким-то гортанным смехом, но я хватаю ее за волосы и прижимаю голову сильнее, до рези ее зубов на коже. И смех сменяется глухим стоном, надкушенным рычанием. Ты любишь быть послушной, Кира? Любишь, когда твои волосы у меня в кулаке и я веду?

Она будто читает мои мысли: делает слишком фальшивую попытку освободиться, но я сильнее сжимаю ее локоны между пальцами, и окончательно дурею от клейма ее распахнутого рта у меня на ключицах. Кажется, рубашка в хлам — пуговицы с пластмассовым стуком капают на пол, и поцелуи Киры уже на груди, зубы у меня на сосках. Блядь, почему никто не сказал меня, что я дурею от этого до искр из глаз?

Ее ладони гладят мой живот, и я непроизвольно втягиваю его, чувствуя, как под ее поцелуями под кожей сумасшедше вибрирует артерия. Это почти невыносимо, словно мое собственное тело предало, сдалось на милость победительнице, и кожа вот-вот лопнет, пропуская Киру в самую сердцевину. Она — как отравленный плющ: оплетает собой, душит и оживляет, впрыскивает сладкую отраву, без которой я не протяну и пары минут.

Кира тянет мою рубашку из брюк, но дрожит так же, как и я, поэтому я помогаю. Сам, добровольно, накрываю ее ладони своими и тяну чертову ткань. Кира полосует меня криптонитовым взглядом. И вдруг медленно, так что у меня дымятся нервы, опускает ткань по моим плечам, ниже, пока она не висит на одних только запястьях. Хочу освободить руки, но Кира останавливает, и вдруг медленно тает, опускаясь передо мной на колени, заново повторяя влажный след поцелуев от ключицы до пупка.

И мы встречаемся взглядами, когда она смотри на меня снизу-вверх, изящно, словно пианистка, укладывает пальцы на ремень, краснея от того, что мой член выпирает под тонкой тканью.

Я сплю наяву?

— Укуси меня. — Я нервно хрипло смеюсь и Кира охотно исполняет приказ, вонзает цепкие зубы в кожу над ремнем.

Я точно не сплю.

И снова затылком об стену до темного тумана перед глазами, потому что она неумело, спотыкаясь, путаясь, убийственно медленно и неловко растягивает мой ремень и тянет молнию на брюках. Может, лучше остановить ее сейчас? Я же не смогу притормозить, если она... Блядь, кем я буду, если кончу в рот вчерашней девственнице?

И подсознанием шепчет: будешь собой, уродом и эгоистом.

Так и есть. Я же подыхаю от одной мысли о ее губах. О горечи влажного рта. Я скорее там сжечь себя заново, чем козырну благородством и подниму ее на ноги.

Она приспускает мои брюки, но они все так же висят на бедрах. Прихватывает пальцами резинку трусов, тащит вниз. Удивительно, что я не взрываюсь как раскаленное солнце, когда член выскакивает наружу, потому что это почти адская боль.

И тут же — сладость от ее дрожащих пальцев на твердой плоти.

Терпение плавится, и мне нечем с ним сражаться. Можно до усрачки смотреть в потолок, или разглядывать калейдоскопические мозаики под веками, но это просто самообман, потому что я хочу увидеть ее. И взгляд опускается, резко, на всем ходу, тормозит о белокурую голову. Мой член стоит прямо перед ее глазами.

Смертоубийство какое-то.

Мне впервые в жизни неловко перед женщиной. Может, потому, что меня впервые в жизни рассматривают так пристально, будто музейный экспонат. И я даже собираюсь пошутить по этому поводу, расколотить неловкость тупой пошлой фразочкой, но Кира вышибает из меня дух, поглаживая ладошками от самого основания вверх. Она никуда не спешит, она ни черта не понимает и не умеет, но моему больному мозгу достаточно просто чувствовать ее запах и видеть бледные пальцы на темно-розовой коже, чтобы кончить меньше, чем за минуту.

Я же себя знаю.

Я вижу, как пробует меня кончиком языка, оставляя влажные следы, и даже сверху я вижу краску стыда на ее щеках. Где-то там, в заднице мыслей, мелькает совесть: нужно сказать, чтобы остановилась. Но Кира открывает рот и вбирает мой член с рвением отличницы, которая хочет получить «автомат» на первой же паре.

В жопу совесть.

В жопу глас рассудка.

Я хочу, чтобы она сосала меня, чтобы брала так глубоко, как сможет, я даже извращенно хочу почувствовать ее зубы. Кончить глубоко ей в горло.

Кира права — я свинья.

Но я хочу ее сильнее всего на свете.

Она так старается: помогает себе ладонями, берет меня глубже, но тут же отстраняется, чтобы судорожно глотнуть воздуха. И я весь в не, мокрый и раскаленный, словно из доменной печи. Другую девку я бы уже заставил, насадил ртом до самых яиц, но с Кирой я готов ждать вечность. Пусть только не останавливается.

И она продолжает, каждый раз пробуя все больше и больше, но ей правда тяжело дышать. И когда мы встречаемся взглядами, она мотает головой, шепчет и почти умоляет:

— Не смотри...

Приходится поймать ее за подбородок, удержать голову силой, чтобы не отворачивалась и не стеснялась своих желаний. Ее губы уже припухли, и снова они все в красных ранках. Когда-нибудь, я сделаю так, чтобы все они зажили, все до единой.

Но это будет в другой жизни, потому что у моей Киры всегда будут испуканные губы.

Потому что я люблю все ее несовершенства. И даже тощую задницу и воробьиные плечи.

— Попробуй дышать носом, — подсказываю я. — И ненужно стараться так глубоко — это совсем не обязательно.

Она кивает и прежде, чем я убираю руку, успевает прихватить губами кожу у меня на запястье. Я подношу отметку поцелуя к губам и затыкаю ею рот, когда Кира снова всасывает мой член, на этот раз так туго и жестко, что яйца вот-вот превратятся в камни.

Мне нужен кислородный баллон. Хоть на полвздоха, потому что сам я уже никак.

Меня неумолимо несет в какую-то невесомость, словно метеорит. И когда чувствую, как трусь головкой о ее теплое небо — просто раскалываюсь. Где-то там остается терпение, потребность растянуть удовольствие. Во мне нет ничего, я до краев наполнен необходимостью принадлежать ей. Зависим от твердого языка.

Окончательно подсел на эту исполнительную старательность прилежной девочки.

— Еще раз...

И она окунает меня в свой рот почти до самого горла. Делает произвольный судорожный глоток.

— Не останавливайся, или я сдохну.

Я громко матерюсь, кажется, самыми погаными словами. Но тормоза остались там, на рельсах, а я же размазан по каменной стене, растерт до бесполезного хлама. Лишен воли.

Кира помогает себе руками, смелеет, как будто чувствует, что я полностью в ее власти, в этих тонких ладонях и жалящих пальцах, и словно припомнив старые обиды, скользит зубами по набухшим венам. Я должен бы протрезветь от порции боли, но кажется, снова прошу еще.

Пот градом катится по позвоночнику, голова гудит от ударов сердца в виски.

Кира сладко стонет — и я до крови во рту закусываю свое запястье. Кажется, без этого мой крик оглушит нас обоих.

Оргазм прожигает мелкой лазерной сеткой. Превращает в тысячи кусков, в каждом из которых бьется сердце и на всю катушку работает генератор удовольствия.

На одних только инстинктах, тело само толкается вперед, бедра загоняют член почти до самого основания, и чтобы не прижать ее голову сильнее, не испугать, цепляюсь второй рукой себе в волосы. Клок между пальцами точно останется.

Это словно оказаться в эпицентре атомного взрыва.

Это словно упасть в небо, и уколиться об каждую из звезд.

Понятия не имею, сколько стою вот так: навалившись лопатками на стену, с совершенно пустой головой и странным облегчением, от которого по коже словно запускают комфортно приятные удары тока, как на чертовой медицинской процедуре.

Но когда до меня доходит, что пора перестать корчить размазанный по стенке томат, я замечаю, что Кира потихоньку поднялась и пятится к стулу. И прячет взгляд, словно ждет, что я буду ее отчитывать.

За секунду натягиваю штаны и тянусь к ней, хоть рубашка чертовски мешает и сковывает движения. Успеваю схватить Киру до того, как она отодвигается, прижимаю ее к себе и почти силой прижимаю ее голову к своей груди. Она не сопротивляется, не пытается укусить, просто с облегчением выдыхает. Как жаль, что невозможно залезть в ее голову и подслушать мысли.

Кира поднимает руки, обхватывает меня за талию, и я чувствую, как кончик ее трется о мою кожу. И непроизвольно вздрагиваю, потому что щекотно.

— Мы обнимаемся, Эл, — почти торжественным шепотом сообщает Кира, и я вместо ответа зарываюсь носом в ее волосы на макушке.

Даже сволочам после такого феерического минета хочется тепла и пять минут эйфории, но сейчас я отдаю себе отчет в том, что хочу растянуть эти пять минут во что-то более долгое.

— Отвезешь меня домой? — вдруг говорит она.

Не то, что бы мне хотелось услышать, наверное, поэтому не сразу нахожусь с ответом.

— Уже поздно, ты можешь остаться у меня.

Она мотает головой и пытается освободиться. У меня руки из плеч выкручивает от желания скрутить упрямую, отнести в комнату и кулем бросить в постель. Еще и пригрозить, чтобы даже не думала о побеге. Но Кира начинает нервничать: переступает с ноги на ногу, поправляет одежду, как будто это я ее раздевал, а не наоборот, скребет ногтями то одну, то другую ладонь. Что, блядь, опять не так? Я знаю, что должен был предупредить, что собираюсь... Ох, бля, ну мы же взрослые люди, кто берется делать минет и боится, что придется глотать? Сейчас запоет песню о том, что я теперь буду брезговать ее целовать или похожую чушь, которую тиражируют просто брезгующие оральным сексом женщины.

Но я все равно стою, как истукан, потому что впервые в жизни понятия не имею, что сказать. Девочкам на раз я обычно просто давал деньги и предлагал валить на хер, не размениваясь на заботу об их чувствах. Тем, что особенно отличились, мог сказать: «Классно сосеешь, сучка». А что сказать Кире, чтобы она не чувствовала себя смущенной?

— Эл, пожалуйста, отвези меня домой, — настаивает Кира. Где-то в ее голосе бьется перепуганная птица.

— Ты можешь сказать, в чем дело? Не сложно ведь. — Вряд ли она осознает, что мое поведение сейчас — максимальный уровень терпения, который я вообще проявлял к кому-либо в своей жизни.

— Мне просто... — Она подбирает слова, снова трет переносицу. — Это слишком быстро, Эл. Твой дом, кухня, ужин...

— Который ты так и не закончила, — напоминаю я, сдабривая ее слова шуткой.

— Увлелась, — в ответ шутит Кира.

— Так что насчет выходных? — Она медлит с ответом, так что приходится уточнить. — Я про Париж.

— С удовольствием, — и не думает «ломаться» она.

Я мысленно перевожу дух. Это звучит искренне, так что, похоже, сейчас ей и правда просто хочется побыть одной. Возможно, я слишком тороплюсь спрятать клад в сокровищнице за семью замками, но, кажется, впервые в жизни готов прислушаться к чужому мнению. И даже — Кира

точно плохо на меня влияет — найти компромисс.

Глава тридцать восьмая: Габриэль

Я сам сажусь за руль и пока отвожу Киру домой, она успевает уснуть. И спит так крепко, что даже не замечает, когда притормаживаю около подъезда ее дома. Искушение плюнуть на все и вернуться домой, уложить ее сонную в кровать, а утром прикинуться чайником так велико, что я даже снова завожу мотор, но Кира все-таки просыпается.

Сонно хлопает ресницами, потягивается. И виновато морщит лоб, когда у нее выразительно урчит живот.

— Спасибо, что отвез, — благодарит упрямица и я снова вздрагиваю от неожиданности, когда она целует меня в щеку. Многогранное существо: не краснела час назад, зато теперь пунцовая от простого «чмока».

— Я доведу тебя до двери.

Она пытается возражать, но я придавливаю сопротивление своим фирменным взглядом. Кире остается только покориться.

Кира действительно живет в какой-то сырой конюшне — по крайней мере, подъезд изнутри выглядит именно так. Мы останавливаемся около квартиры и Кира еще долго роется в сумке в поисках ключей. Потом с торжественным видом трясет связкой у меня перед носом.

— Больше не выбрасывай мои подарки, ладно? — говорю я, когда она дважды проворачивает ключ в замочной скважине.

— Ты заслужил, — тут же царапается она.

— Но только в этот раз.

— И во все остальные тоже, если напрочишься. — И уже спокойнее, словно невидимый рефери скомандовал «брейк»: — Не обижай меня, Габриэль Крюгер, потому что ты делаешь мне больно. А у меня очень низкий болевой порог и я не из тех, кто получает удовольствие от моральных издевательств.

Отчитала, как школьница, еще бы за ухо потаскала для остроты эффекта.

Я давя в себя злобную сволочь и просто щелкаю Киру по носу, от чего она смешно морщится, как хомяк.

— Завтра ты дома: отдыхай, высыпайся. Я позвоню в обед.

— У меня дела, и я обещала Виктории... — Ее желание перечить пропадает, стоит просто пристально посмотреть ей в глаза. — Хорошо, буду ждать.

Мы даже не целуемся на прощанье: Кира просто тянет меня за рукав

пальто и отпускает.

Дома я просто проваливаюсь в какой-то совершенно дурацкий сон, где меня сперва подбрасывают до неба, так, что еда не задыхаюсь в облаках, а потом, словно сыр из фондю опускают в кипящее масло. И где-то на дне дурацкой кастрюли пиликает назойливый телефон. Во сне я даже умудряюсь открыть глаза, чтобы найти эту дрянь и разбить ее обо что-нибудь. Но телефон продолжает звонить.

Не сразу, но даже во сне соображаю, что это звонок из реальности. Нашупываю его под подушкой, жмурюсь, потому что яркий экран слепит. Только с третьей попытки вижу моргающий на верхней панели значок входящего письма. Мысленно отмечаю, что сейчас половина четвертого ночи. Собираюсь отложить до утра, но приходит еще одно сообщение. И еще одно, и еще. Они сыплются с частотой раз в минуту. Наверное, идиотский спам не прекратится, пока я вручную не отмечу его спамом. Растираю глаза кулаками, стряхиваю с себя сон, открываю почту. Писем уже штук десять, и они продолжают приходить, все с одинаковой темой «Разговорчики». Что за херня?

Внутри прикрепленная аудиозапись. Адрес мне незнаком: что-то про черного феникса или типа того, еще и с цифрами. Как будто придуман геймеером-задротом в честь о любимом персонаже. Еще с минуту я размышляю, стоит ли слушать, но запись называется «Святой Габриэль» и я реально жопой чувствую, что я никакой не спам и не ошибка, а хрень персонально для меня. Мне уже случалось получать по почте всякий бред, вроде фоток, где я в туалете трахался с какой-то девахой, но всегда считал это троллингом конкурентов и натравливал на подобные выходки свой штат астеников.

Ребята в считанные часы вычисляли умника и потом я с глубоким моральным наслаждением жестко дрючил всю контору, по чьему заказу мне портили настроение.

Ну ладно, послушаем, в чем я снова провинился.

Вставляю наушники, нажимаю на кнопку проигрывания и падаю на кровать, почти уверенный, что усну до того, как закончу слушать про святого Габриэля.

Сначала в динамиках просто какое-то шипение с приглушенной музыкой на заднем фоне. Постепенно звук становится тише, в нем уже можно различить голоса и даже отдельные фразы. С минуту я слушаю запись то ли домашней вечеринки, то ли дружеских посиделок: нет характерных диджейских манипуляций с музыкой, да и разговоры слишком уж ванильно-правильные. Так отдыхают только дома, чтобы не испортить

хозяину мебель и настроение.

— Я приготовил тебе подарочек, Эл, — первая отчетливая фраза, которую я слышу.

И мозг распадается на микрочастицы, ведь мне хорошо знаком этот голос.

— Мне, блядь, сейчас не по себе, — отвечаю я.

Я нажимаю на паузу.

Знакомый голос. Знакомая музыка на заднем фоне. И эта домашняя обстановка. Нет, сука, только не тот сраный день. Что за хуйня?!

Письма продолжают приходить: значок письма мельтешит перед глазами и хочется затолкать их все в корзину, заблокировать и вообще на хер удалить личный почтовый ящик.

Ненавижу воспоминания, потому что в них слишком много того, о чем хочется забыть.

Но я все равно должен дослушать, хоть теперь точно знаю, что будет в конце. Куча дерьма, от которого не отмыться.

Флешбек: Габриэль

Я терпеть не могу домашние вечеринки. Прилизанные, невообразимо скучные мероприятия, где все друг друга знают, облизывают фальшивыми комплиментами и льстят до болезненной оскотины. И как правило — все по парочкам. И одиночка, вроде меня, чужой на этом празднике ванильной любви и розовых пони. Но у нас с Рафом есть общие друзья, и брат уперся, чтобы я поехал с ним.

Хотя, кого я обманываю? Я собирался послать его куда подальше и все выходные оттягиваться в ночном клубе с девочками без комплексов, потому что две недели пахал, как проклятый, пытаюсь залатать последние дыры в бизнесе, который шел на дно стремительнее Титаника. Спасибо, любимый папочка. Надеюсь, даже три года спустя тебе все еще неуютно в своей могиле. Хоть ты и был хорошим парнем.

Я не хотел ехать, но в последний момент свернул не в сторону клуба. И даже когда час с лишним добирался до коттеджного поселка, продолжал убеждать себя, что не приторможу, поеду дальше и буду, как дурацкий призрак из комикса, всю ночь колесить по дорогам.

Не смог: остановился, вышел — и почти сразу попал в орущий вакуум музыки. Старье какое-то, в духе итальянского диско эпохи восьмидесятых. Задорный мотив, от которого хочется зажмуриться и еще раз напомнить себе, что крушить чужое имущество — плохая затея.

Рафаэль сказал, что он привезет Киру.

Рафаэль вообще почти все время о не говорит, как будто не знает других тем для разговора. Даже мои грубые попытки заставить брата заткнуться мало что дают: Раф замолкает самое больше на пятнадцать минут, а потом снова та же песня — Кира то, Кира се. И чем больше он о ней говорит, тем сильнее крепнет мое иррациональное желание завладеть его новой игрушкой. Так всегда было: я завидовал ему, потому что думал- у брата всегда все самое лучшее, потому что он младший, потому что он похож на отца, в отличие от меня, которого родная мать любила называть «подкидышем».

Нет ничего хорошего, чтобы слышать подобное от женщины, которая, предположительно, сама меня выносила, и сама же родила. Но стоило Рафаэлю появиться на свет, как мать забыла о моем существовании, и вспоминала только, когда кто-то должен был побить обидчиков Рафа или, когда мы стали старше, вытащить его из очередной передраги.

Поэтому я всегда старался завладеть тем, что принадлежало всеобщему любимчику.

Его игрушками, его радостью, даже его мечтами. Я любил Рафа, потому что больше мне некого было любить, но вряд ли между нами было то, что должно быть между братьями. Скорее, его патологическое желание отравить меня своей радостью, и мое патологическое желание владеть всем, что имел он.

И чем больше Раф говорил о Кире, тем сильнее мне казалось, что он делает это нарочно. Дразнит меня ею, словно сытый мальчишка голодного бомжа, размахивая перед его носом сочной теплой булкой с маслом. И как я ни пытался сопротивляться, брат все-таки отравил меня ею, извратил меня окончательно. Как в диснеевской сказке: повернул, блядь, на сторону зла!

Я убеждаю себя не торопиться заходить в дом. Достаяю сигарету, закуриваю, давая себе которое по счету обещание, что она станет последней в моей жизни. Затягиваюсь и лениво выпускаю дым тонкой струйкой. И сизый дымок вспучивается, распускается причудливым узором, в котором я вижу женскую фигуру: длинные волосы, немного сутулые плечи, тонкая талия, аккуратные бедра. Я смахиваю дрянь ладонью, но она никуда не девается, потому что стоит напротив — на крыльце. Кутается в теплую шаль с кисточками, зябко переминается с ноги на ногу.

Кира.

Интересно, как громко она будет орать, если я схвачу ее и брошу на заднее сиденье своей машины? Увезу подальше и обстоятельно, используя солидные аргументы, втолкую, почему она выбрала не того Крюгера и что,

хоть она редкостная сучка, мое предложение все еще в силе. Она правда думает, что получит больше, продавая себя младшему? А еще говорят, что у проституток нюх на такие вещи.

Не сразу, но Кира замечает меня. Она и до этого выглядела кислой, а теперь от одного вида челюсти сводит до плевка. Надо бы выхаркать эту дрянь из себя, как отраву, промыть желудок хорошим коньяком и просто сказать — пошло все на хуй.

Но я тянусь за второй сигаретой, прикуриваю. Странно: Кира там, я — возле машины.

Между нами с десятков метров, но кажется, что случился глобальный пиздец и мы остаюсь одни во вселенной. И в принципе можно даже не разговаривать.

Не важно, после какой затяжки у меня зреет и крепнет мысль, в любом случае заполучить эту девчонку. Просто потому, что я так хочу, без всяких подводных камней и глубокой философии. Я тот бездомный, которого жирный мальчишка раздражил сдобной булкой. Разница лишь в том, что под драной ветошью не сухой старик, а матерый зверь, и я отгрызу эту булку вместе с рукой.

Я отшвыриваю сигарету, твердым шагом иду прямо к Кире, но она успевает быстрее, чем я до нее дотягиваюсь — ныряет в дом и за секунду теряется. Гостей не много, около двадцати человек, но музыка гремит, в воздухе висит удушливый смог алкоголя, сигарет и «травки». Бегло осматриваюсь, прикидывая, где могла спрятаться неуловимая зайка. Брожу по дому, отмечая, что большая часть народа успела прилично набраться. И если я еще полчаса подышу этой дрянью, то схлопочу нехилое отравление.

Ко мне лезет какая-то шмара с когтями, покрытыми ярко-красным лаком. На ум приходит ассоциация с гарпией, так и хочется спросить, что стало с тем несчастным, которого она только что разодрала и забыла смыть кровь. Но я просто грубо отталкиваю ее, прохожу в следующую комнату — и теряюсь, потому что здесь лестница на второй этаж и еще выход на веранду, коридор налево и коридор направо. А, может, ну ее, эту Киру-блядь? Просто в следующий раз, когда Раф откроет рот, чтобы о ней заговорить, я выбью ему парочку зубов в качестве предупреждения почему я больше не хочу ничего знать о его девке.

И я даже успеваю повернуться, когда брат прямо из ниоткуда появляется передо мной, как будто все время был рядом и следил, чтобы в последний момент отрезать пути к отступлению.

— Я приготовил тебе подарочек, Эл, говорит уже порядком пьяным голосом. Хотя алкоголем от него не так, чтобы воняет. Я немного выше,

поэтому наклоняюсь — и тут же шарахаюсь. От него несет «травкой». Теперь понятно, откуда это «братик». Вот же малолетний долбоёб.

— Мне, блядь, сейчас не по себе. — Я отталкиваю его смазанную попытку обнять меня и похлопать по плечам. Не люблю я показные нежности, а уж чувства под наркотой тем более не вызывают ничего, кроме желания от них отмыться.

— Да ладно, думаешь, я не вижу? — ухмыляется брат.

— У тебя оба газа на морде, а н на жопе, так что да — ты должен видеть. Только избавь меня от подробностей.

— Я завязал с Кирой.

— Поздравляю.

— Забирай ее себе. — Раф делает широкий жест, словно вместе со своей блядью предлагает мне полцарства в придачу.

Почему-то мне хочется разьебать ему лицо, чтобы рожа превратилась в фарш с кусочками костей. Не могу найти этому желанию рационального объяснения. Я и раньше любил врезать ему, когда Рафа совсем уж заносило, но сейчас я просто хочу его избить. До кровавых, блядь, соплей.

— А твоя зверушка знает, что ты собираешь ее перепродать? — интересуюсь я, нарочно удерживая обдолбаного придурка на расстоянии. Тронет меня еще раз — и я точно много чего здесь сломаю об его рожу.

— Ну... Я не стал посвящать ее в такие подробности. Кира меня достала.

— Плохо дает? — ухмыляюсь я.

— Шутишь? — кривится в довольной ухмылке Раф. — Она просто первоклассно раздвигает ноги. Чтоб ты знал, как просит засадить ей посильнее.

Он смакует подробности: как, в каких позах, частоту и глубину. И я просто... гасну.

Словно упавшая в дерьмо свеча, от меня не остается даже жидкого дымка. Понятия не имею, зачем выслушиваю его хвостовство, почему не затыкаю уши от подробностей.

Просто слушаю, впитываю, как губка, на которой обязательно останется грязь, когда стекло станет достаточно чистым и прозрачным. Кира — просто Кира-блядь. Не лучше и не хуже остальных, и единственная причина, по которой мне хочется ею завладеть — самое обычное братское соперничество. Я и раньше отнимал у Рафа любимые игрушки, и ломал их. Просто так. Потому что хотел и мог. А эту почему-то хотел сильнее прежних.

Может потому, что до Киры мне не хотелось владеть «живыми»

куклами Рафаэля, а у коллекционной фигурки «Порше» нет рта, и она не может отказать.

— Пойдем. — Брат тянет меня за пиджак, словно ребенок.

Мы заходим в левый коридор: короткий, заканчивается дверью. Раф чуть не сбивает стоящую в углу кованую подставку с цветочным горшком.

— Она там. — Рафаэль хлопает меня по плечу. — Только учти, братик, у этой суки просто актерский талант. Она тебе может что угодно верещать, чтобы набить цену. Для меня, проставляешь, сочинила сказочку про девственность. Потом отодрал ее, и мы вместе поржали: видимо, денег на «защиты» не хватило.

— Ты можешь заткнуться? — предлагаю я, и кулаки сжимаются сами собой. Может, я и грязная тварь в своей чистой семейке, но все-таки не половая тряпка, чтобы подтирать мною каждый высер.

Раф прикладывает палец к губам, снова хлопает меня по плечу и снова чуть не сталкивает чертов горшок.

Я приоткрываю дверь. Слава богу, не скрипит. В комнате горит одна единственная настольная лампа, и круга тусклого желтого света я хорошо вижу Киру. Девчонка с ногами забралась на диван, кутается в ту же шаль и перебирает пальцами длинные пушистые кисти. Так и не скажешь, что профессионалка. Выглядит обычным испуганным котенком, которого облили бензином, но раздумали сжигать.

— Хорошенькая сучка, — говорит брат, и я мысленно матерю его на чем свет стоит. Кира не слышит нас только потому, что какому-то умнику приходит в голову мысль начать запускать фейерверки и первый взрыв оглушает даже меня.

Рафаэль говорит что-то еще, но я ни черта не слышу. Только чувствую вибрацию телефона в кармане. Звонит глава юридического отдела. Мы распрощались пару часов назад, если он снова до меня домогается, значит, что-то важное. Как не вовремя. И в таком грохоте я точно ни черта не услышу. Блядство!

Взгляд случайно цепляется за торчащий с моей стороны двери ключ. Такой большой, с кистью из бахромы. Похожей на ту, что на шали Киры. Хмм...

Я дожидаясь следующей очереди из фейерверков и быстро дважды проворачиваю ключ в замочной скважине. Вынимаю, грею ключ в ладони. Раф ухмыляется, как будто это для него загнали и поймали жертвенную лань, а не наоборот.

— Птичка в клетке, — прищелкивает языком брат. — Как себя чувствует счастливый обладатель золотого ключика?

— Охуенно, — бормочу я. Прячу ключ в карман, отвечаю на звонок и ору во все горло: — Токарев, я ни хера тебя сейчас не слышу! Подожди, найду место поспокойнее!

Глава тридцать девятая: Габриэль

— Подожди, найду место поспокойнее! — слышу в грохоте взрывов свой собственный голос.

Уже хочу нажать на «стоп», но синяя полоска времени показывает, что записи еще на полминуты. Что там может быть? В тот вечер я больше не разговаривал с братом. Это вообще последний раз, когда мы говорили. Я вышел на веранду, свалил куда-то в чертовы кусты, затыкая свободное ухо пальцем и на следующих полчаса выпал из жизни. Хорошо помню, что Токарев рассказал о понижении акций, которое искусственно запустили конкуренты, и мы в две головы соображали. Где еще взять денег, чтобы выкупить собственные активы до того, как контрольный пакет захватят более зубастые товарищи.

А потом я почувствовал запах дыма и увидел, что дом горит, словно пучок соломы.

И в голове не осталось вообще ничего.

Позже эксперты сказали, что все из-за фейерверков: пьяная компания нарушила правила безопасности и один ящик рванул прямо в доме. Большой деревянный коттедж загорелся в считанные минуты.

Я запер Киру, чтобы она не сбежала. Я понятия не имел, что стоит мне выйти, как скучная вечеринка превратится в декорацию драмы под названием «Сожженная заживо». Рафаэль был единственным, кто знал, чья рука повернула ключ. И он умолк навеки.

Несколько секунд на записи только шипение, а потом я слышу совершенно трезвый, осмысленный и злой шепот Рафа, как будто брат наговаривает прямо в динамик:

— Надеюсь, ты сожрешь себя заживо, когда узнаешь, что жестко поймел целку, любимый братик. Надеюсь, совесть спалит тебя с потрохами. Это тебе бонус за все унижения, Эл: вирус замедленного действия по имени «Кира» и она разъест тебя до основания. Может, ты у нас мастер вести дела и управляться с деньгами, но я — виртуоз по части человеческих душ. Ты владеешь богатством, Эл, а мы владеем твоей слабостью. И очень скоро ты будешь плясать под нашу дудку. Кира-блядь не потому что шлюха, а потому что она, блядь, умная хитрожопая куколка, и придумала этот план.

Первый урок на будущее: никогда не обижай хороших девочек, потому что котятки имеют свойство вырастать в зубастых львиц. Скоро увидимся,

братик.

Запись останавливается.

Я делаю перемотку последних тридцати секунд. Слушаю снова, теперь уже точно зная, что Раф говорит это персонально для меня. И снова, снова, снова, пока правда не впечатывается в барабанные перепонки.

Меня всегда удивляло, почему Раф бросился спасать Киру ценой своей жизни. После того, как ясно дал понять, что она ничегошеньки для него не значит. Брат знал, что она заперта, и знал, что ключ у меня в кармане. Вот только спасал он не любимую девушку, и не просто человека. Это не была ода его самоотверженности. Это был простой расчет.

Рафаэль спасал напарницу, потому что без нее он бы не получил власть надо мной.

Я несколько минут просто лежу в полной тишине. Даже собственное сердце почти не бьется, как будто я впадаю в спячку или в летаргию. И я бы не отказался сейчас вывалиться из поганой реальности, где все — вот так, как рассказал голос моего мертвого брата.

Я сам большое дерьмо и сделал в жизни много такого, о чем лучше не рассказывать внукам, но что обязательно припомнят, стоит совершить ошибку и оступиться. И с точки зрения справедливости, заслужил все это, и даже больше. Холодная голова и трезвый взгляд на мир помогают мне видеть ситуацию без эмоций, как есть: Кира имела право хотеть мне отомстить, имела право хотеть нашинковать мое сердце на мелкой терке и посыпать горку еще живой плоти солью. Брат... Я любил Рафа, как любой старший брат любит младшего, я всегда защищал его. А еще я всегда хотел то, что у него: игрушки, такие же праздники ко дню рождения, такие же светлые волосы, любовь наших родителей, право сказать «нет», когда не хочется мारаться в грязь на благо семьи. Пока мы были детьми, я ничего не мог с этим поделать и отрывался на его игрушках, воруя их и тайком ломая. Но это редко портило ему настроение, потому что взамен одной машинки, ему дарили десяток новых, о которых он забывал уже на следующий день.

Но когда я вырос и спас наш бизнес, то понял, что лучше подохну, лучше сам продам все по куску, чем передам его в руки чистенького брата Рафаэля. Мать так этого хотела, что только об этом и говорила. И тогда я просто отодвинул его от всех дел,ставлял на посмешище его попытки вникать в дела, пытаться что-то тявкать против моих решений. Потом одного за другим, как тараканов, вытравил из совета всех доносчиков моей матери, оставив только тех людей, в чьей преданности не сомневался. Когда мать попыталась устроить переворот, оказалось, что на ее стороне поля больше нет фигур.

У Рафаэля тоже был повод хотеть меня уничтожить, и в то, что он мог подложить под меня женщину, я легко поверю. Но Кира...

Переворачиваюсь на живот и что есть силы вколачиваю кулак в подушку.

Нужно сосредоточиться, подумать о том, кто прислал эту запись? Как она у него оказалась? И почему Невидимка сделал это именно сейчас?

Но в голове только одно: это правда, Кира? Ты ненавидела меня настолько сильно, что хотела стать моим возмездием? Думала, что я настолько одержим, что ты легко сможешь мною управлять? Заставишь плясать под вашу с Рафом дудку?

Но Раф уже обманул меня однажды. Выдавал Киру за проститутку, продажную девку, миллион раз говорил об этом, хоть я миллион раз просил заткнуться? Это он вдолбил мне в голову «Кира-блядь». Он... или они?

Глупо даже пытаться уснуть.

Валяюсь в постели, пока за окнами не собирается хмурое утро. Только начинает светлеть, звоню начальнику ай-ти отдела, выкладываю все, как есть — от него никаких секретов, потому что, кажется, именно этому мужику и его парням известно абсолютно все о моей грязной личной жизни. И даже больше, чем «все». Чем больше правды я скажу, тем легче ищейкам на пасть на след.

— Разберемся, Габриэль Александрович, — коротко обещает голос на том конце связи.

Душ. Кухня. Кофе.

Я делаю все на одних рефлексх, потому что голова забита прошлым. Я словно смотрю очень длинный фильм, но пленка испорчена и часто вместо кадров просто черные дыры и уродливые пятна. Кира и Раф. Мой брат был большим дерьмом, и его участие в вонючем плане даже не ставлю под сомнение. Но Кира?

Я закрыл ее в той комнате. Не рука Рафа провернула чертов ключ в замке и унесла его с собой — это сделал я. Так хотел получить ее, что был готов на все, даже запереть в комнате, лишь бы она снова никуда от меня не делась. Уже тогда она была не просто девочкой, которая сказала «нет». Она была кем-то большим, но разгадать себя я смог только сейчас.

Или просто повзрослел, чтобы принять правду как есть.

Делаю неосторожный глоток и кофе обжигает.

Когда на часах восемь, я набираю номер Киры. Наверняка она еще спит, но я просто не могу ждать. Мы должны поговорить. Я должен посмотреть ей в глаза, спросить — и увидеть, что она ответит. Не услышать, а увидеть: как будут дрожать ресницы, как будет кусать губы,

оправдываться или просто молчать. Я болван, если до сих пор продолжаю верить, что могу ее разгадать. Ни черта подобного. Она единственная женщина, которая так и осталась для меня шкатулкой с секретом.

Кира отвечает после второго гудка, как будто держит телефон в руке и ждет моего звонка.

— Это правда? — слышу ее придушенные рыдания. — В тот вечер — ты меня запер, Габриэль Крюгер?

Кем бы ни был сраный феникс, он послал эту запись не только мне.

— Кира, нам нужно поговорить, — стараясь сохранять хладнокровие, предлагаю я. — Буду у тебя через сорок минут.

Она просто мычит что-то в трубку, но это скорее «да», чем «нет».

Глава сороковая: Кира

Сложно сказать, сколько раз я прослушала эту запись.

Много — слово ни о чем, в данном случае. Электронный файл нельзя заслушать до дыр, но если бы можно было, он стал бы горской пепла. Горсткой того, что разрушило меня несколько часов назад.

После пожара полиция выдвигала версию о том, что меня заперли по ошибке. В комнате было не очень светло, кто-то из хозяев дома мог просто меня не заметить и запереть, чтобы гости случайно не испортили дорогие экземпляры книг. Но хозяева дома это отрицали. И никто не нашел ключа.

Не знаю почему, но как только я слышу весь диалог до конца, у меня нет сомнений, что это сделал Габриэль. Просто потому что он всегда был таким: хотел — и брал, хотел — и делал. Он хотел меня, и никогда не скрывал этого — Рафаэль постоянно напоминал об этом то случайно фразой, то рассказом невпопад, выдранной из контекста цитатой из их разговора.

Звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть, словно от пощечины. Может быть, не открывать? Сделать вид, что ничего вообще не было, спрятать голову в песок подальше от всех неприятностей. Притвориться, что я — это просто я, девчонка с ожогом, которая привыкла думать, что та запертая дверь была просто ошибкой, глупым и трагическим стечением обстоятельств. И вычеркнуть Эла из совей жизни. На этот раз — окончательно, навсегда.

Я продолжаю так думать, даже когда открываю дверь и отступаю вглубь коридора, чтобы Габриэль вошел. На улице дождь, на плечах его пальто влажные потеки, капельки воды стекают с сосуллек волос. Небритость на щеках играет острыми тенями.

И я прикрываю рот ладонью, потому что хочу его поцеловать. Хочу просто перечеркнуть все, что было — и попросить обнять меня, пока я не рассыпалась.

Реальность крошит отбойным молотком, и просто чудо, что я до сих пор не покрылась трещинами.

— Кира, я закрыл тебя, — глухо признается Эл. Не юит, не прячется. Он честный даже сейчас, хоть вряд ли не понимает, что это может лечь между нами куда большей преградой, чем могильная плита, под которой похоронен его брат. — Потому что вот такой я был мудака. Был, есть и буду.

Он долго смотрит мне в глаза.

Почему ты не соврал, Эл? Я бы поверила, слышишь? В любую, даже самую фантастическую историю, даже если бы ты сказал, что эту запись состряпали зеленые человечки и разослал Джокер.

— Кира, ради бога, скажи, что этот ублюдок соврал.

— Он соврал, Габриэль, — отвечаю я. — Ты так злил меня тогда, я так тебя ненавидела, но я бы никогда не сыграла твоей жизнью. Ни твоей, ни чьей-либо другой.

Я почти уверена, что он не поверит. Это же Габриэль Крюгер — он в принципе не верит в то, что люди могут просто бестолковыми овечками, которые не ищут выгоду абсолютно во всем, а просто плывут по течению, иногда совершая глупые и опрометчивые поступки, но не играя с совестью.

Эл в два шага — через весь коридор, ко мне. Сжимает так сильно, что выдавливает из легких последний глоток воздуха. Ничего не говорит, просто громко дышит носом мне в макушку. Мои руки живут своей жизнью: поднимаются, но силы обнять его просто нет. Хватаюсь, царапая, за его пальто на боках, и вою, как собака. Я должна выстрадать все это, переварить.

— Ты просто мерзавец, Эл, — слышу в своих всхлипах.

Кажется, он кивает.

— Ты столько раз меня обижал, что у нас с тобой точно Стокгольмский синдром.

— Что за херня? — вполне искренне удивляется мой злой Крюгер.

— Когда жертва любит того, кто над ней издевается. — Господи, даже в слезах, с разбитым сердцем и разорванной до дыр душой, я все равно нахожу место для улыбки.

— Ты любишь, Кира?

У него дрожит голос. Правда дрожит, словно у него в горле неочищенный каштан вцепились в плоть мертвой хваткой. Он правда волнуется?

Приходится постараться, чтобы освободиться из его рук, хотя это вряд ли можно назвать свободой. Просто дает глотнуть воздуха и посмотреть в глаза своему Агрессору.

Щурится, длинные ресницы прячут янтарный взгляд, между бровями вертикальные морщинки.

— Я была бы душой, если бы любила тебя, — говорю совершенно честно.

Это самая большая и ужасная правда моей жизни, но он пока этого не знает. Тяжело признаться даже самой себе, что у меня нет ни капли гордости и тем более нет ума, раз уж из всех мужчин в мире я выбрала

самого жестокого и недостойного. Но... Всегда есть «но» и в моем случае это решает все. Почему-то именно рядом с ним мне хочется жить, а не просто существовать.

— Но я дура, Крюгер, ты как-то сам это сказал. — Реву, слезы градом по щекам, по подбородку, щекочут, сползая, шею. Но все равно улыбаюсь. Совершенно сдурела из-за него. — Я до смерти буду влюбленной в тебя душой, Крюгер, и я все еще люблю твою злодейскую фамилию.

— Тогда хрен ты куда от меня денешься, упрямица.

Кто бы сомневался, что Эл останется верен своему характеру и не скажет ничего хоть близко похожего на извинения. Точно не я. Но только потому, что слишком хорошо его знаю. Он не из тех мужчин, которым слова извинений даются так же легко, как слова обид. И дело не в том, что одно он ставит выше другого. Просто вот такой он: злой мерзавец, наученный жизнью, что извинения — это слабость, а любая слабость — это брешь в защите, которую враги расковыряют до размера дыры во Вселенную, и обязательно запустят туда звездный десант.

И все же, Эл не стоит истуканом, и чтобы сказать мне миллион слов о том, как был не прав, он просто обнимает мое лицо ладонями, как будто держит в руках самую большую драгоценность всей планеты. Хмурится, когда смотрит в мои заплаканные глаза и еще больше хмурится, потому что я до сих пор реву.

— Я слабачка, Крюгер, так что буду реветь за нас обоих. На жизнь вперед слез вылью. — Это не кокетство, это правда, которую он знает без моих откровений.

Он точно хочет что-то сказать: собирается с духом, несколько раз сглатывает, и я даже перестаю дышать, чтобы не спугнуть его порыв. Но Эл мотает головой, разгоняя собственные мысли.

— Я так тебя и не накормил, Кира. — Это явно не то, что он хотел сказать секунду назад, но звучит, как забота, в которую хочется укутаться, словно в теплый плед прохладным осенним вечером.

— Ну я бы так я не сказала, — бормочу я, инстинктивно слизывая с губ его вкус. Это просто порыв, что-то, что говорит та часть меня, в которую Эл въелся весь целиком и которая уже настолько ему подвластна, что даже переняла его повадки. Я прежняя никогда бы не сказала ничего подобного, но теперь остается только смириться с тем, что я безнадежно им испорчена.

Что-то темнеет в янтаре его глаз. Превращается в расплавленное червонное золото, которое покрывает меня с головы до ног. Не так уж трудно догадаться, о чем думает этот мерзавец, но мы оба еще слишком

взвинчены, чтобы двигаться дальше.

Наверняка наши мысли в точности повторяют одну другую: если бы можно было — так бы и простояли в темном коридоре весь день, чтобы запечатлеть момент, когда между нами нет ни единого секрета.

— Если обещаешь вести себя прилично, то я приготовлю нам завтрак, — говорю я.

Он смотрит так печально, как будто я предложила сыграть в домино. Но все же кивает и снимает обувь, чтобы пройти на вслед за мной на кухню. Краем глаза замечаю, как неодобрительно осматривает несвежие и кое-где отклеившиеся обои, капающий кран.

Видимо, в свой прошлый разговор с хозяйкой, она не приглашала его дальше коридора.

Я пыталась навести порядок своими силами, и сейчас квартира выглядит лучше, чем в тот день, когда я в нее заселилась, но для Эла это все равно конюшня, нее достойная даже того, чтобы ставить в нее автомобиль. К счастью, он молчит, потому что если бы открыл рот и снова заговори о квартире, я бы выставила его вон.

— Ты получила запись по телефону? — спрашивает он, пока я взбиваю яйца.

— Да. — Рука вздрагивает и нож снова чуть не соскальзывает на пальцы. Но в этот раз я успеваю взять себя в руки. Так много всего случилось за последние дни, что я не берусь корить себя за эти нервы. Пройдет немного времени — и я перестану дергаться от всего, что напоминает о прошлом. Точно так же, как, кажется, перестану нуждаться в баллончике.

Эл что-то мычит себе под нос и без спроса идет в комнату, чтобы вернуться с моим телефоном. Ему не нужно разрешение, чтобы разблокировать его — у меня нет пароля — и начинает листать что-то в его содержимом. У меня нет секретов, и это проявление эгоизма только еще раз подтверждает, что я связалась с самым невыносимым мужчиной на земле.

— Ну а ты? — Я выливаю взбитые белки во взбитые желтки, смешиваю и отставляю миску в сторону, пока нагреется сковорода.

— Что «я»? — не поднимая головы, переспрашивает Эл.

— Ты можешь так же дать мне свой телефон? Или у тебя там слишком много того, о чем нельзя рассказывать влюбленным дурочкам?

Габриэль отрывается от своего занятия, достает телефон, снимает пальцем блокировку и протягивает мне, даже не пытаясь что-то удалить. Вот так запросто разрушает мою уверенность в том, что он скорее укусит себя за локоть, чем пустить меня в святая святых. Может, берет «на слабо»?

Думает, что раздумаю, испугаюсь его прошлого и настоящего?

Но я жадно хватаю телефон и первым делом лезу в галерею. Что я хочу там найти? Боль, которая спустит меня с небес на грешную землю, когда увижу там кучу развратных фотографий его девочек? Поднимаю взгляд над телефоном — и замечаю, что Эл с усмешкой наблюдает за моими поисками. В галерее нет ничего: я, конечно, не пересматриваю все фото, но там точно нет ничего похожего на то, что я ожидала увидеть.

— У тебя всего сто семь фотографий, — отмечаю я. — На какой планете ты живешь, Крюгер?

— На той, где мужчина работает, а не делает долбанные селфи, — не мешкает с ответом он.

Я на секунду просто замираю, сбита с толку тем, как нелепо он выглядит в своей дорогой рубашке и брюках посреди этой почти разрухи. И как это в то же время правильно.

— Нашел, что искал? — спрашиваю я, чтобы разбавить неловкость.

Вместо ответа Габриэль вдруг хватает меня за руку и рывком садит себе на колени.

Приходится вцепиться ему в шею, потому что после бессонной ночи у меня немного кружится голова. Хотя, конечно, Крюгер держит меня крепко и нет никаких шансов, что я упаду. Он долго изучает мое лицо, а потом совершенно серьезно, словно на суде после присяги, отвечает:

— Нашел.

Глава сорок первая: Кира

В наших головах одни и те же мысли — не нужно их проговаривать, чтобы это понять.

Он тоже думает о том, что на улице припустил дождь и мы можем целый день провести вместе, и для этого нам не нужны ни дорогая плазма на пол стены, ни акустическая система. И мы обязательно поговорим об этих записях, но немножко позже, потому что сейчас хотим выпить момент до дна.

— Мы с тобой синхронизированы, — говорит Эл, когда я оставляю на его здоровой щеке клеймо поцелуя. — Я думаю — ты делаешь.

— Ментальная связь, — улыбаюсь я, и все-таки выскальзываю из его рук, чтобы разобраться с омлетом. Еще немного — и понадобится попытка номер три.

Когда все готово, мы садимся рядом друг с другом на старый кухонный диванчик и несколько минут абсолютную тишину нарушает только стук вилок о тарелки и наше голодное жевание. А потом у Габриэля звонит телефон, но он не выходит, чтобы поговорить — отвечает сразу.

Несколько минут, которые он сопровождает короткими односложными ответами: да, нет, угу. Даже не представляю, о чем разговор.

— Я дал задание отследить, кто разослал письма, — поясняет он, когда заканчивает. — Они нашли ай-пи адрес, но это не самая точная информация. Теперь ею занимается служба безопасности.

— Какой-то шпионский фильм, — говорю я, и аппетит внезапно пропадает, хоть я и так съела большую часть порции. Он, наверное, подумает, что я идиотка, но мне нужно сказать, даже если мои предположения звучат, как полный бред. — Это ведь запись Рафаэля? Может быть, он не погиб на том пожаре?

— Тебе бы этого хотелось?

— Мне бы хотелось сбросить с души этот груз, — не лукавлю я. Моя жизнь очень бы изменилась, если бы оказалось, что все это время Рафаэль был жив.

— Он сильно обгорел, опознать его было невозможно, поэтому пришлось делать экспертизу по зубам, — неожиданно рассказывает Габриэль. Мы никогда не обсуждали то, что случилось после пожара, потому что в принципе и не говорили после него по-человечески. — Это был Рафаэль, Кира. Я сам видел заключение.

— Тогда откуда эта запись?

— Скорее всего, он переслал ее кому-то до того, как все случилось, — задумчиво произносит он.

И это может означать только одно — все это время у Рафаэля был план стукнуть нас лбами, иначе зачем он сделал эту запись? Зачем навал обо мне?

— Кому-то, с кем был в сговоре? — продолжаю противную мысль, от которой внутренности связываются узлом, как будто меня накачивают кипятком. — Но зачем? Что мы ему сделали?!

Я непроизвольно повышаю голос, потому что в голове не укладывается, что все это время меня использовали, как приманку, чтобы заманить добычу в клетку.

— Не «мы», а только я, — поправляет Габриэль с мрачной жесткостью. — И его напарник мог либо точно так же меня ненавидеть, либо Раф просто соблазнил его внушительной суммой.

— Рафаэль действительно мог так поступить?

Эл бросает в мою сторону напряженный взгляд, и я чувствую, что он что-то недоговаривает, но понятия не имею, как спросить о том, чего не знаю.

И, словно по заказу, в наш разговор вторгается звонок его телефона.

На экране только одно имя: «Мать».

Не знаю почему, но именно этот звонок, как натянутая струна, рвется в моей голове на самой высокой тревожной ноте. Нет ничего странного в том, то мать звонит своему сыну в десятом часу утра посреди рабочей недели. Нет ничего странного в том, что Эл выходит, чтобы поговорить с ней и я слышу, что он нарочно приглушает голос, скрывая от меня их разговор. Почему? Я могу только догадываться, и ждать, когда Габриэль расскажет сам. Между нами пока еще все так зыбко и хрупко, что даже по свежему лицу в оттепель идти безопаснее, чем пробовать форсировать наши отношения. Вряд ли будет так уж уместно приставать к Элу с вопросами, о чем они говорили и почему этого нельзя было сделать при мне.

И вдруг оживает мой собственный телефон. От вибрации медленно ползет к краю стола, но мне страшно даже притрагиваться к нему, потому что голос внутри злое шепчет: может быть, это еще один звонок из прошлого? Может быть, это еще одна правда о человеке, которому я только что призналась в любви? Может, черт все подери, это та самая бомба, которая разрушит... все?

Но звонки продолжают, и я хватаю трубку, стараясь не смотреть на

имя звонящего.

Просто фокусируюсь на зеленом кружке «Ответить» и смахиваю его вверх.

— До тебя не дозвониться, — слышу на том конце связи немного обиженный голос Веры, и с облегчением, почти смеясь, выдыхаю.

— Прости, много работы.

— У тебя вообще есть время на подруг? — продолжает ворчать она, но я слышу в голосе веселые нотки. Это же Вера, мы со школьной скамьи вместе, так что обиды между нами тают быстрее, чем девичьи слезы после первого любовного разочарования. — Я понимаю, что ты теперь без пяти минут телеведущая, и с нами, простыми учительницами, в один трамвай не сядешь, но...

Мы, не сговариваясь, посмеиваемся, и я бросаю косой взгляд в коридор, где Эл до сих пор разговаривает с матерью.

— Хорошо, что ты позвонила, — искренне говорю подруге. По крайней мере, теперь мне есть с кем поговорить и забить время ожидания.

— Хотела узнать из первоисточника: Кира, про вас с Габриэлем Крюгером — правда?

Она говорит шепотом, как будто эту тайну знаем только мы, и о ней не трубят все новостные ленты уже который день подряд. Кажется, на каком-то популярном интернет-портале даже создали опрос о том, как долго протянут наши с Габриэлем отношения. Я нарочно даже не стала смотреть статистику, но сомневаюсь, что диванные всезнайки дали нам много шансов.

— Тебе нужно меньше верить сплетням и смотреть телевизор, — пытаюсь изображать строгую мамочку, говорю я.

— Шутишь? У меня в инстаграмме какая-то ненормальная каждая третья фотка — ваша.

— Ты подписана на новости даже в инстаграмме?

Вера фыркает и я слышу на заднем фоне выразительный звонок на урок.

— Слушай, Кира, мне ора бежать. Давай встретимся вечером? Часиков в пять? Кофе выпьем, поболтаем, а то Юлька тоже как в воду канула. Бессовестные вы обе.

Я не говорю ни «да», ни «нет», но мы договариваемся созвониться примерно в это время и уточнить планы.

Когда кладу трубку, Габриэль уже стоит в дверях и хмурится, как будто разговор был не просто неприятным, а невыносимо тяжелым. И я, кажется, догадываюсь, о чем. Если новости о наших «отношениях» расползлись по

всему миру семимильными шагами, то о них узнала и его мать. Сомневаюсь, что она звонила, чтобы выразить ему свою радость или пожелать счастья.

— Мне нужно ехать, Кира, — говорит Габриэль, и заталкивает телефон во внутренний карман пальто. — Я скажу на работе, что тебя не будет пару дней.

— Мне столько не нужно, — пытаюсь сопротивляться я. Не смогу высидеть дома в полной тишине даже до вечера, что уж говорить о нескольких днях. Я просто с ума сойду, пытаюсь разгадать, кто и зачем шлет эти записи.

— Кира, ты не будешь мне перечить, — заявляет Эл немного раздраженно, а потом потирает переносицу, и я только сейчас замечаю темные круги у него под глазами. — Я заеду вечером.

— У меня были планы. Хотела встретиться с подругой.

— С какой подругой? — настораживается Габриэль.

Первая мысль — сказать ему, что у меня может быть личная жизнь и не только у него есть дела, которые нужно решать, но он смотрит такими глазами, что, если я и дальше буду упрямствовать, он все равно заставит меня сказать, но по-своему, возможно даже утащив меня в постель, как неандерталец. Или не станет терять время и все случится прямо здесь.

И я даже готова бросить ему вызов, потому что Эл так сильно нужен мне в этот момент, что хочется просто прижаться к нему и сказать, что со мной можно больше не нянчиться, как с маленькой девочкой, которая разбила коленку. Но у Габриэля снова звонит телефон и это опять дела, потому что он больше не настаивает, только отдает четкие команды:

— Будь на связи, если я звоню. И не отвечай ни на какие письма и телефонные звонки с незнакомых номеров, поняла? Позвони матери, скажи, чтобы звонила только со своего номера. Мои айтишники покопаются в твоём почтовом ящике.

Даже не спрашиваю, нужен ли ему пароль — просто стою в пороге, пока Эл возится в прихожей. И в груди что-то неприятно жмет, невидимая пятерня сдавливает сердце, словно эспандер. Слышу, как щелкает дверной замок, крепко жмурюсь, чтобы не дать себе раскинуть окончательно. И чего я ждала? Что после всего он посчитает нужным хотя бы поцеловать меня на прощание?

— Я, конечно, Чудовище, но не до такой же степени, чтобы так отчаянно не хотеть на меня смотреть.

Горячий шепот обжигает губы, а вслед за ним их клеймит терпкий поцелуй.

— Не возьмешь трубку, когда я позвоню — накажу, — обещает мой Агрессор и я могу только с глупой улыбкой ответить: «Звони в любое время дня и ночи».

Глава сорок вторая: Кира

— Слушай, кажется, твои новые отношения на тебя хорошо влияют, — говорит Вера, выразительно поглядывая на половину большого куска тирамису, который я ем в прикуску с латте.

Все-таки хорошо, что я согласилась на вылазку, хоть до сих пор не понимаю, почему вера выбрала такое дорогое кафе, если у нас есть пара проверенных временем мест, где мы можем съесть точно такой же торт и выпить кофе, и при этом не оставить там половину зарплаты. Но с моей стороны, конечно, не очень корректно сравнивать классический рецепт из проверенного кафе с тем произведением искусства, который нам подали здесь. Вера даже попыталась взять на себя все расходы по чеку, напустив туману, мол, у нее тоже наметились перемены в жизни, и скоро она тоже будет завсегдатаем таких места.

Конечно же, я отказалась.

Эл звонил только раз, примерно пару часов назад, чтобы сказать, что у него поменялись планы и он будет занят до поздней ночи. Спросил, куда именно я иду с подругой, и я назвала совсем другое кафе, потому что до последнего была уверена, что мы с Верой не станем изменять старым традициям. На всякий случай даже отправила сообщение, что планы поменялись, но так его и не отправила. Сама не знаю почему.

— Ну и как он? — громким заговорщицким шепотом спрашивать подруга, когда мы заказываем по еще одной чашке кофе.

— Не хочу это обсуждать. — И правда не хочу, потому что не знаю, о чем тут вообще говорить. Мы с Элом... Мы — просто «мы». Он не предлагал никаких отношений, не становился на одно колено, не клялся вообще ни в чем, но откуда-то в наших отношениях повелось это «мы» и мне этого достаточно.

Вера прищелкивает языком, говорит что-то о моей неразговорчивости и о том, что между нами раньше никогда не было тайн, но ее обиды тонут в оглушительном грохоте стучащего прямо в виски сердца, потому что в кафе входит парочка. Я бы, наверное, и не обратила на них внимания, если бы девушка не была в таком вызывающем красном платье, и, если бы она не обозначила свой приход громким смехом. Ее спутник стоит позади, но я ловлю знакомые движения, знакомые запястья, безошибочно, наперед угадываю, как он небрежным жестом предложит ей пройти в зал.

Это Габриэль и вряд ли можно сказать, что его рука на талии красотки

в красном — просто знак вежливости к деловому партнеру. Мне знакомо ее лицо, но я никак не могу сосредоточиться на воспоминаниях, потому что мысли постоянно соскальзывают к ому, как она поправляет волосы, как будто бы невзначай задевает его бедром, как тянется к нему, чтобы сказать что-то на ухо, хоть музыка играет на комфортной громкости, и мы с верой прекрасно слышим друг друга даже через стол.

— Все в порядке? — Когда я не отвечаю, вера прослеживает мой взгляд и цедит сквозь зубы «вот же козел!»

У меня так дрожат руки, что пока укладываю ложечку на блюдец, успеваю отбить о фарфор чуть ли не полную «Марсельезу». И тут же вспоминаю, где я видела эту девушку — он был с ней на островах, в тот раз, когда Дима возил меня отдыхать. Точнее, с ней была его мать, потому что Эл проводил время с девицей из эскорта. Кажется, она даже какая-то певица: в памяти всплывают клипы, где она щеголяет на морском берегу в трех тряпочках, которые даже на бикини тянут с трудом.

Наверное, именно эту встречу Эл обсуждал с матерью и не хотел, чтобы я слышала. И моя до отвала накормленная ревностью подозрительность тут же нашептывает: поэтому он так интересовался, в каком кафе я буду — прощупывал, чтобы случайно не столкнуться. И выбрал модное дорогое заведение, где я точно не могла бы появиться.

Куда уж мне, девчонке из сырой «хрущевки» с мокрым пятном в ванной, которое, хоть каждый день его замазывай, все равно появляется снова и снова.

Да, вот так, я буду думать о плесени, обо всякой ерунде, о чем угодно, лишь бы не поддаться соблазну и не подойти к их столику. Интересно, если бы я вдруг появилась там — что бы Габриэль придумал в качестве отговорки? Не хотел расстраивать мамочку?

Я безумно ревную, поэтому даже в мыслях не узнаю саму себя.

Я, как гадюка, которая давно не вонзала ни в кого зубы, истекаю ядом и, кажется, вот- вот задохнусь в его испарениях, убью сама себя, пожру, как Уроборос.

Тошнота кувыркается в горле, словно скользкий шершавый комок, которые невозможно проглотит. Как будто мне просто разорвет гортань от малейшей попытки опустить эту дрянь обратно в желудок. Бесполезно с этим бороться, поэтому единственное, что я могу — сорваться с места, запечатать рот двумя руками, и почти вслепую залететь в туалет.

Меня скручивает пополам, и поясницу выламывает, словно дерево — откуда-то из копчика, прострелом до самого мозжечка. Бегу к раковине, глотаю несколько пригоршней воды — и меня снова тошнит. И так

несколько раз, пока желудок не ссыхается стенка к стенке. Только после этого я могу дышать, хоть это последнее, чего мне сейчас хочется.

Я ведь могу просто подойти к их столу и сказать «привет»? Мы ведь не чужие люди? Мы ведь теперь «мы» и нет ничего странного в том, что я хочу узнать, почему мой мужчина проводит время с другой женщиной, хотя сказал, что будет занят до поздней ночи?

«Именно ею он и будет занят, и именно до поздней ночи», — не щадит внутренний голос и делаю то, о чем конечно же буду жалеть через минуту — бью ладонью по своему отражению. Бабушкино кольцо цокает о гладкую поверхность, но на зеркале ни царапины.

Выдыхаю: медленно, сдержано, мысленно проговариваю все, что я им скажу. Даже представляю, как вылью на Красную то, что она пьет, даже если это будет кипяток — мне все равно. Я имею все права на эту боль.

В зале душно, и хоть здесь не разрешают курить, я отчетливо слышу запах табака.

Просто фантомные воспоминания, потому что это не случайный запах табака, а именно тот, который я помню с того проклятого вечера, который снова стал моим навязчивым кошмаром.

— Кира? — слышу справа знакомый голос, но кто бы это ни был — мне все равно.

Отмахиваюсь, не глядя, фокусируюсь только на парочке за столом. — Кира, добрый вечер.

Чья-то ладонь берет меня за руку, потом — за плечи, хоть я пытаюсь сопротивляться.

— Вы снова ужасно выглядите, Кира Викторовна, — знакомыми меланхоличными интонациями отчитывает модный фотограф.

И Габриэль поворачивает голову в нашу сторону.

Мое первое желание — зажмуриться. Просто закрыть глаза, и представить, что я все еще вижу дурной сон. Что реальность оборвалась в тот момент, когда Эл провел меня до двери, поцеловал на прощание и пообещал заехать. А все, что случилось потом и продолжает случаться сейчас — это просто дурной сон. Сны ведь бываю длинными, нам кажется, что мы проживается в них всю жизнь, а на самом деле это всего лишь секундный импульс в мозгу.

Может быть, если очень сильно захотеть проснуться, кошмар закончится?

— Что-то не так? — обеспокоенно спрашивает Алекс.

А я даже ответить ничего не могу, только мысленно уговариваю себя проснуться.

Но чуда не происходит: я открываю глаза — и Габриэль все так же сидит за столом в компании девицы в красном платье, но теперь он даже не смотрит в мою сторону, он весь увлечен беседой. Это какая-то игра? Или он просто получил, что хотел? Может, это его месть за то мое «нет»? Он ведь обещал, что получит от меня все и я дам это сама.

То, что я сделала вчера вечером в его квартире, очень даже тянет на «захотела сама».

— Мне просто нужно присесть, — говорю я сбивчиво, и с трудом заставляю себя оторвать взгляд от стола, где сидит Габриэль.

— Вон там — разве не ваша подруга? — Алекс кивает в сторону Веры, которая уже изо всех сил машет нам рукой.

Молча киваю и все-таки сбрасываю со своих плеч его руки.

Габриэль Крюгер меня изменил. Это мерзкое ощущение, но глупо его игнорировать, потому что я чувствую себя его собственностью. Он сидит там с девицей, которая, конечно, не имеет проблем с пищеварением, у нее нет уродливого ожога и она точно не задыхается от поцелуев, и вряд ли упадет в обморок от нервного истощения. А я — здесь, и все мои мысли, как рой рассерженных диких ос выются только вокруг одного: почему он так со мной? Я ведь простила ему то, что он сделал, я себя наизнанку вывернула, разрешила, как последняя дура, ткнуть свое сердце вилкой, словно какой-то десерт. Я не умею врать, а теперь даже притворяться не могу, потому что устала от игры на публику и больше не хочу делать вид, что мне безразличен и Эл, и его отношение. И я имею право спросить, почему он обращается со мной, словно с носовым платком, который можно просто выбросить в урну и, не заморачиваясь, купить новый.

Мне только нужно перевести дух. Присесть на стул, запись противный кислый вкус остывшим кофе и взять себя в руки. Эл множество раз вторгался в мои разговоры просто потому, что он хотел и мог это сделать. Сейчас я хочу и могу вторгнуться на его территорию, и чем бы это ни кончилось, хуже уже все равно не будет.

— Кажется, она не важно себя чувствует, — обращается Алекс к Вере.

Подруга порывается позвать официанта, но я останавливаю ее руку, мотаю головой.

Господи, только бы она не увидела, только бы не...

— Кажется, я знаю в чем дело, — говорит она и я беззвучно стону от разочарования.

Сегодня самый невозможно противный день в моей жизни, потому что все складывается одно к одному. Как будто... нарочно.

Я пытаюсь сфокусироваться на этой фразе. Неосознанно, как будто

глубоко внутри меня звенит тревожный звоночек. Что-то не так. Я не знаю, что, но разве не слишком много совпадений для одного вечера? Кафе, Габриэль с этой красоткой, Вера, вдруг решившая привести меня в место, которое ни мне, ни ей явно не по карману. И Алекс.

Снова Алекс. Всегда Алекс, который появляется буквально везде, стоит нам с Элом столкнуться лбами.

Может быть, я просто слишком много надумываю? После этой записи и правды, которую до сих пор не могу толком переварить, вижу то, чего нет?

— Кира, он там с этой певичкой! — слишком громко говорит Вера, как будто это ее парень изменяет ей на глазах у всех.

— Ты можешь не орать так громко?

— А ты так и будешь сидеть и ничего не сделаешь? — вдруг насаждает она.

Вера всегда была отличной подругой: не такой взрывной и обидчивой, как Юля, не такой скорой на всякие выдумки, но она выслушивала и частенько оказывалась кстати со своими советами. Но чего я точно за ней не припомню, так это вот такого явного вторжения в мою личную жизнь. В конце концов, мы с Габриэлем не муж и жена, и она не держала над нами свечу в первую брачную ночь, и не имеет право указывать, как мне поступать.

— Алекс, что ты тут делаешь? — спрашиваю я.

— Я просто живу неподалеку, — немного хмурясь, отвечает он. — А сюда иногда захожу, чтобы съесть их фирменный десерт. Тот же, что заказала и ты.

Он кивает на недоеденный мной кусок торта.

— Увидел Вас в таком состоянии и не смог не подойти, — продолжает Морозов.

— Разве мы не на «ты»? — переспрашиваю я, хоть, если честно, не могу вспомнить наверняка.

— Я люблю всем «выкать», профессиональное, — улыбается он. А потом смотрит мне через плечо и почти подражая возмущенному тону веры, вдруг говорит: — Разве вас не поженили в прессе пару дней назад?

Какое им всем дело до наших с Габриэлем отношений? Почему я чувствую себя осажденной со всех сторон башней, к стенам которой подтягивают тяжелую артиллерию для беспощадной бомбардировки?

— Вы оба что-то хотите мне сказать? — спрашиваю всех и сразу никого. Слепо нащупываю сумку, достаю баллончик, но подавляю желание сделать глоток лекарства.

После рвоты горло стягивает спазмами и нужно очень стараться, чтобы глотать воздух и не корчиться от приступов удушья.

Они молчат, и я принимаю единственно правильное решение: я просто ухожу.

Хоть со стороны это выглядит, как бегство.

Глава сорок третья: Габриэль

— Я рада, что ты одумался, — говорит мать, когда я помогаю ей выйти из машины. — И рада, что мы нашли взаимопонимание. Ты не хуже меня знаешь, что есть определенный круг людей, которых лучше держать подальше от себя, тем более...

— Ты можешь хоть иногда открывать рот не только для того, чтобы накормить меня очередной порцией дерьма? — перебиваю ее на полуслове.

Я знаю наперед все, что она скажет, потому что в последнее время она стала слишком предсказуемой. Потому что я просто не помню ее другой, не знаю матери, которая бы любила меня и, хотя бы иногда говорила, что я молодец. Помню только, что это всегда делал отец, и мне приходилось брать то, что дают.

Вслед за матерью выходит Аня, ей тоже подаю руку. Когда она пытается взять меня под локоть, смотрю на нее очень тяжелым взглядом, надеясь, что хотя бы сейчас до этой овцы дойдет, что она здесь совсем не потому, что я собираюсь обхаживать ее, а только как прихоть моей матери.

Сегодня просто чертов Великий день.

День, когда мне исполняется двадцать шесть лет.

День, когда я собираюсь расставить все жирные точки.

А еще сегодня я увижу Киру. Спустя почти две недели тишины, я, наконец, ее увижу, потому что лично проследил, чтобы ей в руки попало приглашение, и она не сможет его проигнорировать.

— Мог бы хотя бы на людях изображать вежливость? — мне в плечо шипит мать, но я в который раз просто отмахиваюсь от ее наравоучений.

У нее нет для меня любви, у меня нет для нее вежливости. И уважения, пожалуй, тоже, но вряд ли она осознает, что я делаю все это не потому, что она так захотела, а только из собственной выгоды. А он, как оказалось, просто стала удобной возможностью. К счастью — только возможностью.

Я вообще без понятия, кто организывает торжество, потому что мне совершенно все равно, кто все эти люди, почему они оказались в списке приглашенных. Но приходится корчить гостеприимного хозяина, изредка даже улыбаться, хоть от притворства и лжи — в последнее время я варюсь в них, как креветка в котелке — уже тошнит.

Около восьми мне на телефон приходит сообщение от начальника службы безопасности: Кира приехала. Не одна. С мужчиной. Три кротких

фразы, но меня выкручивает, словно жгут. Я не слишком вежливо отделяюсь от какого-то скрипучего старика и его попыток навязать мне свой никому не нужный медиа-проект, и иду по залу, чтобы выбрать точку обзора. Рядом, как гриб, вырастает официант и я беру с подноса бокал с коньяком. Не люблю крепкие напитки, но знаю, что через секунду в зале появится Кира и мне просто нужно будет потушить пожар. Хотя, я конченный идиот, если собираюсь тушить огонь спиртом.

Кира появляется примерно через минуту — кажется, мой внутренний хронометр отсчитывает секунду за секундой, как наркоман, который ждет, что вот-вот начнется ломка и предвкушает дозу обезболивающего белого яда.

Мне нужно пол секунды, чтобы четко и на всю жизнь осознать ровно три вещи.

Первая: я убью Алекса Морозова вне зависимости ни от чего, а потом надругаюсь над его телом и получу от этого блядское удовольствие.

Вторая: я чертов конченный и больной на всю голову собственник.

И третья: мое удовольствие от этого вечера будет просто безграничным, когда я порву на ней этот синий носовой платок, который Кира наверняка считает платьем.

У Кире просто безграничные ноги. Худощавые, тонкие, но пропорциональные. И я готов просто тупым бараном таращиться на ее колени, и пытаться угадать, где заканчиваются чулки, и какой ширины резинка.

Ее платье полностью закрыто с двух сторон: ни оголенной спины, ни глубокого декольте, вся пикантность только в том, что я понятия не имею, как она вообще в нем дышит, и что эта длина определенно выше, чем мое терпение. Волосы просто распущены и лежат на плечах и спине, и ей не нужны украшения и мертвые камни, чтобы быть королевой даже без короны.

«Я надеюсь, упрямица, ты и есть мой подарок?»

Алекс возникает у нее за спиной и как только замечает, что я смотрю на них через весь зал, укладывает ладонь Кире на талию.

Он точно покойник.

Мне кажется, что еще немного — и Кира поднимет голову, увидит меня, и сделает что-то знакомое, что немного скрасит этот совершенно бестолковый вечер. Например, скривит губы в надменной улыбке или просто тряхнет головой, как делает всегда, когда хочет избавиться от моего влияния. Наверняка думает, что я не вижу или не понимаю, но за каждым ее жестом кроется протест. Даже если она не произносит его вслух.

Когда я увидел ее впервые, то первая осознанная мысль была: просто хочу. Как игрушку в витрине, как что-то, на чем нет ценника и что невозможно купить. Как ту проклятую машинку, которая была у моего брата и которую я отобрал, когда он отвернулся. Отобрал, сломал и испытал удовольствие от того, что теперь у него тоже нет чего-то важного.

Но только сейчас я понимаю, что все это были лишь примитивные попытки защититься от девушки с криптонитовыми глазами, потому что уже тогда разумная, но задушенная часть меня знала — Кира не станет перевалочным пунктом.

Она так и не смотрит в мою сторону: только немного сторонится, когда Морозов пытается прижать ее к себе. Я киплю внутри, потому что теперь точно знаю — никто и никогда не будет до нее дотрагиваться. Только я. Потому что у меня есть права и на ее тощую задницу.

— Что она здесь делает? — слышу голос матери в спину.

— Я пригласил, — говорю, продолжая следить за Кирой взглядом, словно коршун. Есть предел того, что я готов терпеть из вынужденной необходимости, но это точно не попытки Морозова обозначить Киру, словно свою собственность.

— Ты пригласил Аню и... эту?

Хоть это и трудно, но все-таки отворачиваюсь, чтобы мать увидела все оттенки злости на моем лице. Даже немного подаюсь вперед, чтобы рассмотрела получше.

— Что ты видишь? — спрашиваю спокойно и жестко, в надежде услышать вразумительный и четкий ответ на свой вопрос.

Сегодня будет вечер чертовых точек, и одна из них станет жирным завершением моих попыток стать хотя бы намеком на любимого сына. В жопу все, пусть и дальше рыдает по покойнику. В конце концов, именно этим она и занимается последние годы, и даже из меня пытается сделать дурацкий надгробный памятник отмщения на могиле ее любимого Рафаэля.

— Вижу сына, которому плевать на боль материнской утраты, — морщится она. — Вижу брата, который забыл о возмездии. Вижу слабого мальчика, который не в состоянии взять себя в руки и сделать хоть что-то на благо семьи.

Вот так, все просто. Как будто и нет за плечами бесконечных лет притворства, лжи и самообмана. Я для нее просто инструмент. Игла, которой нужно выковырять занозу собственной обиды. Только теперь мне уже по хуй.

— Я надеюсь, теперь у тебя не будет так много времени, чтобы чахнуть над болью материнской утраты и грезить о возмездии, — говорю,

залпом выпивая всю порцию спиртного.

Не люблю коньяк, но пью его, чтобы прижечь матерные слова, когда их становится слишком много. Коньяк маслянисто плещется по рту, обдаёт зубы терпким вкусом, так, что деревенеет язык. Мать пытается угадать, что именно я имею в виду, и я не тороплю: даю ей минуту поразмышлять, копнуть в самую глубину предположений. Делаю это специально, чтобы правда ее оглушила, ведь, готов спорить на голову, среди ее вариантов нет ничего похожего на мой.

— Я заморозил все счета, которыми ты пользовалась в личных целях, — говорю я, и в тот момент, когда на лице этой женщины проступают белые и красные пятна, мне становится ее жаль. Злости нет, я словно пережил острый приступ боли, после которого тело накачали обезболивающими. — Надеюсь, у тебя есть сбережения, на которые ты сможешь жить.

— Габриэль? — не понимает она. Смотрит — и совсем не знает, что сказать в ответ на мой «подарок».

— Я подумал, что раз уж такой паршивый сын, то ты не слишком расстроишься, потеряв мои паршивые деньги.

— Это не твои деньги, — начинает злиться мать, потому что включилось позднее зажигание и до нее понемногу доходит, чем грозит «отлучение от церкви».

— Нет, мама, мои.

— Отец...

— ... лежит в могиле с дыркой в голове, — заканчиваю за нее, не дав ей шанса продолжить. — И я вдруг внезапно понял, что он был единственным человеком, который не считал меня «подкидышем», промокашкой, которая впитает всю грязь и далее по списку. Все, чем я теперь владею, принадлежит мне по праву. Мне, а не тебе и твоим слезам по покойнику. Так что предлагаю тебе либо найти источник дохода, либо умерить свои непомерные аппетиты. Ну или обратиться к магии вуду, поднять любимчика из могилы и предложить ему сунуть в грязь свои чистенькие руки.

Она сделает ровно шаг назад, но все еще пытается отыскать оружие, чтобы продолжить борьбу.

— Думала, я не узнаю, да? — спрашиваю нарочно размыто, чтобы она подергалась еще немного. Мне ее правда жаль, потому что еще недавно она была женщиной, которую я любил, и чьей взаимности хотел добиться. Любому сыну, даже такому черствому мудаку, как я, нужна семья. Отец говорил: всегда должен быть причал, к которому прибьет даже в самый

сильный шторм.

Я почти слышу, как она со скоростью десятков в секунду перебирает в уме догадки.

— Оставляю тебя наедине с твоими мыслями. — Беру у официанта новый бокал с коньяком, салютую матери и, развернувшись на пятках, ухожу.

Пусть почувствует, что значит — пожирать саму себя. Может хоть тогда у нас появится общая тема для разговоров.

Глава сорок четвертая: Кира

Мне неуютно в этом платье.

Мне неуютно в этой компании.

Мне хочется просто сбежать, но я не могу этого сделать просто потому, что у меня туфли на тонких каблуках, а с тех пор, как я вошла в зал, меня преследует запах одеколона Габриэля. Преследует — и сбивает с толку, кружит голову одним только острым цитрусовым послевкусием на языке, как будто глотнула текилу с лаймом. Я и шагу без поддержки ступить не смогу, поэтому приходится держать Алекса под локоть, хоть меня выворачивает от того, как запросто, словно мы обозначили наши отношения, он пытается меня обнимать.

Я нарочно не осматриваю зал, потому что чувствую взгляд Эла, словно он шарит у меня под платьем.

— Выпей, — Алекс протягивает бокал с шампанским. Кажется, это второй за вечер, а я от волнения так и не смогла ничего проглотить с самого утра.

Может, оно и к лучшему, потому что тяжесть понемногу выветривается из головы, и даже появление певички не ввергает меня в праведный гнев. Я все так же ненавижу ее, но теперь нахожу забавным мысленно разделять ее на кусочки столовым ножом.

Интересно, если ткнуть вилкой ее декольте, она сдуется и полетит, как воздушный шарик?

— Черт, — бормочет Алекс Морозов, шаря по карманам своего пиджака. А потом с надеждой смотрит на меня, спрашивая: — Можно позвонить с твоего? Забыл телефон в машине, а у дочки новая няня и я немного волнуюсь.

Я протягиваю ему телефон и с облегчением выдыхаю, когда остаюсь одна.

Сколько я уже тут? Почему-то стрелки на часах плывут, но я точно не пьяна до такой степени. Все дело в запахе, в том, что его вдруг становится оглушающе много, и я инстинктивно ухожу подальше из центра зала. Шаг за шагом, медленно переставляя ноги, туда, где меньше света и людей, где есть небольшая ниша в стене, частично скрытая бронзовой скульптурой почти в мой рост.

Я слышу, что он уже сзади: знакомое хриплое дыхание вырывается сквозь стиснутые зубы, шаги становятся быстрее. Наверное, самое время

повернуться, посмотреть в его лицо и сказать...

Не успеваю. Эл быстрее: одна его ладонь уже у меня на горле. Другая обхватывает подбородок, заставляя до отказа запрокинуть голову ему на плечо. Большой палец затыкает рот, оттягивает нижнюю губу, пока я, словно наркоманка, впитываю сумасшедше сексуальный вид его запястий. Смуглая кожа перечеркнута белоснежной тугой манжетой с черной запонкой, стильные часы отсчитывают такт ударов моего собственного сердца.

У мерзавца Крюгера даже руки особенные, я могу запросто представить эти пальцы везде, даже там, где подумать стыдно.

Кажется, я все-таки немного пьяна, но совершенно точно — шампанское тут ни при чем.

— Знаешь, как называется это платье, Кира? — шепчет мне на ухо, и колени подгибаются, словно из меня вынули кости и растворили суставы.

— Оно называется: «Пошел ты куда подальше, Крюгер», — бормочу я, потираясь губами о подушечку его большого пальца.

— Нет, упрямица, оно называется: «Трахни свой подарок, Крюгер».

Он больной на всю голову. Здесь столько людей, что кто-нибудь обязательно нас заметит. Кто-то прямо в эту секунду видит нас, следит за нами пристальным взглядом, возможно даже направив камеру мобильного телефона. Но... но мне ведь все равно? Или нет? Или я просто цепляюсь за повод, чтобы вырваться из его рук. Оправдать свой страх, что он снова — в который раз — контролирует меня одним своим взглядом. Я как под пагубным наркотическим влиянием его взгляда и запаха, который жадно глотаю ртом, словно рыба на берегу. Хочу надышаться перед падением, хочу, чтобы этот мужчина был во мне: в легких, в крови, глубоко в душе и в сердце.

— Ты для кого так вырядилась, Кира? — зло спрашивает на ухо Габриэль, продолжая пятиться вдоль по стене. — Для кого выставила эти чертовы ноги, упрямица?

— Уже не грязнуля? — зачем-то напоминаю я.

Я всегда ненавидела это слово, потому что им одни Крюгер размазывал меня по стенке, словно букашку, которая портит собой идеальный прилизанный порядок его жизни.

— Напрашиваешься? — хмыкает Эл.

Еще два шага — и мы оказываемся в коридоре. По случаю Дня рождения Габриэля, сняли весь холл пятизвездочной гостиницы, и сейчас мы в одном из служебных коридоров. Света совсем немного — всего пара ламп в потолке и острые тени прячут лицо моего Крюгера, словно

страшная маска. Я смазано скольжу ладонью по его щеке, большим пальцем прочерчиваю линию шрама. Эл, хоть и намного выше, смотрит на меня из-под ресниц, и я понятия не имею, что за человека он там прячет.

Бесчувственного дельца? Мужчину, который не привык к женским отказам? Или там все тот же Эл, который запер меня в проклятой комнате и от которого — я знаю — мне никогда не дожидаться извинений за тот поступок. Поэтому и не жду.

— Ты в курсе, что этот очкастый урод сжирал тебя глазами? — нависая надо мной, словно роковое проклятие, продолжает допытываться Габриэль.

— Тебе не все равно? — бросаю в ответ. — ты же тоже пришел... в приятной компании.

— Не начинай, Кира, — глухо, словно камнепад в горах, рокошет он.

— Или что? — Я отталкиваю его руки, когда Эл пытается взять меня за плечи, но это помогает лишь раз, да и то как эффект неожиданности — он не знал, что буду сопротивляться, не был готов, что после всего между нами, я захочу и смогу ему отказать. — Не трогай меня.

— Ты нарываешься...

Это предупреждение. Два слова, где одно похоже на удар кнута по моим внутренностям.

Я слишком поздно замечаю его по-змеиному быстрый взгляд вправо: на дверь, в которой торчит ключ. На табличке написано: «Служебное помещение». Хочу попробовать сбежать, пока окончательно не запуталась в сетях Крюгера, но он всегда, всегда на шаг впереди.

Берет за руку, словно окольцовывает стальным браслетом, заставляет идти следом, хоть каблуки тонут в плотном ковролине. Эл открывает дверь, вынимает ключ и практически вталкивает меня внутрь. Проворачивает защелку и металлический щелчок поет о том, что я снова попала в клетку. Пячусь назад, налетаю бедрами то ли на стойку, то ли на стол, но Габриэль не дает упасть — крепко держит за запястье.

— Что у тебя под платьем, Кира? — жжет взглядом.

— То, что ты не увидишь, — отвечаю с вызовом.

Он просто смотрит на меня и тянется к галстуку, развязывает узел и шел почти поет, когда Крюгер медленно вытаскивает его из-под воротника. Снимает пиджак и расстегивает пуговицы: одна, вторая. Когда останавливается на третьей, я невольно с шумом втягиваю носом воздух, потому что мне мало — так невозможно мало! — его ключиц, обтянутых смуглой кожей в контрасте с белоснежной рубашкой.

— Все еще не хочешь говорить, что у тебя под платьем? — хмыкает

он.

Куда-то падают запонки, манжеты скользят вверх, обнажая жилистые руки. Ответить не могу, но быстро, до сверкающий мошек перед глазами, мотаю головой. У меня должно быть достоинство, он не может просто так взять меня в какой-то кладовке, как будто я...

Он жестко проталкивает ладонь между моими ногами, и шершавая кожа скользит вверх по внутренней части бедра, до самой кромки чулок. Я судорожно сжимаю колени, цепляюсь ладоням в его запястье и пытаюсь убрать руку, но второй рукой Габриэль берет меня за подбородок и заставляет нырнуть в его взгляд.

— Чулки, — растягивает с таким намеренным удовольствием, что мои ноги вот-вот раздвинутся сами. — Раздвинь ноги, Кира.

И снова у меня нет силы на связный ответ, и снова мотаю головой.

— Брось, я же все равно тебя поймею, — хищно улыбается Крюгер. А потом вдруг отступает, складывает руки на груди и командует еще раз: — Хочу, чтобы ты задрала свое блядское платье. Ну? Либо сама, либо я порву и весь остаток вечера ты проторчишь в кладовке.

У меня есть минутка на вдох, но я уже не могу — мне слишком мало просто кислорода.

Мне нужен запах моего Агрессора, его терпкая убийственная горечь в горле.

Я сделаю все, что он прикажет. Приму из рук любое наказание, любое поощрение, и мы прекрасно это понимаем.

— Две недели, Кира, я каждое сраное утро просыпаюсь от того, что могу долбить членом херовы доски, — медленно, со злостью, как на исповеди, рассказывает Крюгер.

— Каждый день ты торчишь в моей голове, как наваждение. Поэтому, поверь, надевать это платье было большой ошибкой, потому что я трахну тебя в нем. Здесь и сейчас.

Такая одежда, Кира, предназначена для провокаций.

Я берусь за столешницу сзади, стряхиваю с ног туфли и медленно опускаю ступни на холодный пол. Габриэль тянется к ремню на брюках, но медлит, выжидает, пока я исполню приказ.

Платье слишком узкое, поэтому приходится водить бедрами из стороны в сторону, пока упрямая ткань нехотя ползет вверх. Первый раз Эл бормочет что-то очень грязное, когда показываются резинки чулок, второй — когда я задираю его до талии.

Что, Крюгер, нравится твой подарок?

— Ты смерти моей хочешь? — глухо интересуется он, разглядывая

крохотный черный треугольник шелка, весь усыпанный крошкой кристаллов «Сваровски». — Не смей даже шевелиться, упрямица, — замораживает мои попытки вернуть платье на место.

Вынимает ремень из брюк, подходит ближе и медленно, словно цедит терпение тонкой струйкой, ведет по моей ноге кожаной петлей. Огненные мурашки разбегаются вверх от колен, до треугольника между ногами.

Кого я обманываю?

Я хочу быть в этой клетке. Хочу быть в его клетке, и вошла сюда добровольно.

Глава сорок пятая: Кира

Он гладит ремнем выше, до выступающей тазовой кости, а потом опускается вниз.

— Раздвинь ноги, подарочек. — следующая команда.

Я почему-то приподнимаюсь на носочки: икроножные мышцы до предела натянуты в струны. Развожу ноги, и тут же непроизвольно запрокидываю голову, когда твердая петля ремня оказывается у меня в развилке: грубо трет, цепляя чувствительную точку между складками.

— Смотри на меня, подарочек, — говорит Эл, выуживая меня в реальность.

Он так сумасшедше сильно меня заводит одним своим видом. Просто тем, как почти лениво, на грани бесстыжей похоти, трет меня ремнем между ног, а вторую держит в кармане брюк. Как будто не происходит ничего вызывающего, и только заметная выпуклость на брюках выдает его возбуждение с головой. Эл прослеживает мой взгляд, растягивает губы в самую порочную улыбку, какую я когда-либо видела — и в один шаг оказывается рядом. Впечатывает мои бедра в холодный металл стола, роняет ремень и неистово накручивает тонкие тесемки трусиков на пальцы. Секундная боль, когда ткань врезается в кожу, словно леска — и он рвет их, без сожаления

Я не хочу больше ждать.

Я соскучилась по нему.

Умираю без него. Страдаю бессонницей в пустой постели. Я словно пустота, в которой нет ничего, кроме потребности быть заполненной единственным мужчиной на земле.

Габриэль кладет руки мне на плечи, так же грубо стаскивает рукава, фиксируя их у меня на локтях — теперь я даже пошевелиться не могу, и остается только пытаться сохранить хоть видимость гордости. Но и гордость бессильна против его зубов у меня на ключицах, против укусов, после которых на коже останутся следы. Я давно хочу носить клеймо моего владельца, я нуждаюсь в его метках, в праве собственности, которое он заявил давным-давно.

Внизу живота горячо и влажно тянет.

Все чувства скручиваются в одно, тугое, яркое и неистовое. Острая нить, которая обвивает сердце, затягивается вокруг тугой петлей и узлом.

Веки тяжелеют, потому что хочется закрыть глаза и позволить себе

утонуть.

— Две недели, Крюгер, — почти хнычу я, словно капризная девочка. — Ненавижу тебя.

Он не отвечает, только опускается ниже вгрызается в плоть с такой жадностью, что я хочу выть от восторга: он нуждается во всем этом так же сильно, как и я.

— Пожалуйста, прикоснись... — вымаливаю его пальцы у себя на груди, когда Эл подцепляет бретели и медленно стаскивает лифчик вниз.

Грудь ноет от напряжения.

И тягучий разряд прямо в мозг, когда Габриэль пропускает соски между пальцами, а потом — режет их острыми краями зубов. И обдувает жаром дыхания, лижет шершавым языком, катает во рту, будто сладость. Я схожу с ума от одного вида его склоненной надо мной темноволосой головы. От того, как кончик языка порхает над тугим комком плоти, а ресницы дрожат, словно в лихорадке.

Моя рука у него в волосах, тянет, чтобы найти этот рот для поцелуя, но Эл практически до отказа втягивает в рот мой сосок — и я выпадаю в другую реальность, где я теряю чувство контроля, забываю обо всем и громко, хрипло, с немой потребностью, растягиваю по слогам его имя:

— Габриэль...

Он вытаскивает рубашку из брюк, подхватывает меня под ягодицы — и толчком усаживает на стол, разводя мои ноги так широко, что болят сухожилия. Втискивается между ними всем корпусом, раками ведет по моим ребрам, и бормочет:

— Ты просто невыносимо худая, Кира. Моя, блядь, косточка...

Косточка...

Я плачу?

Или это всхлип удовольствия, когда его рука опускается мне между ног, и пальце перекатывает напряженный клитор?

Я открываю рот, но не произношу ни звука, потому что Эл закрывает его поцелуем. С коротким стоном, язык проникает между моих напряженных губ, целует, вбирает каждый мой звук, каждую ноту стоны, который наполняет живот и грудь, и подступает к гортани вместе с непреодолимой потребностью немедленно почувствовать его между ног.

— Хочешь меня? — требует ответ, размыкая поцелуй.

Палец уже у меня между ног — скользит по влаге. Эл усмехается, прибавляет второй и проникает внутрь. Ни нежности, ни терпения — мы взвинчены, мы как двое безумцев пляшем на остром крае бритвы, режем себя в кровь каждой секундой ожидания.

Он растягивает меня пальцами, вперемешку с грубостями, рассказывает, какая я тугая, как он сходит с ума от одной мысли, что войдет в меня так глубоко, что я буду чувствовать его в горле.

Я хочу смотреть на все, что он делает.

Я хочу видеть каждое движение.

И почему-то краснею, когда взгляд натывается на собственные соски, темные и влажные от его слюны. Мои ноги дрожат, живот втянут, кажется, до самого позвоночника, и артерия под кожей дрожит в районе пупка в сумасшедшем ритме. Я вижу, как пальцы Габриэля скользят внутрь меня, как его вторая рука нервно справляется с пуговицей брюк. Звук расстегнутой молнии царапает нервы. Он только немного стаскивает брюки вместе с бельем, но тут же прижимается ко внутренней части бедра своим твердым членом.

— Блядь, Кира, я вообще без понятия, как тебе трахать, если уже сейчас готов кончить тебе на живот, — кается он, и прижимается мокрым лбом к моему лбу.

Я елжу задницей по столешнице: раздается скрип, что-то с шелестом падает на пол.

Плевать.

— Эл, хочу тебя, — шепчу ему в рот. — Хочу во мне. Хочу прямо сейчас. Сделай мне больно, мой Агрессор.

Он толкается в меня одним тяжелым ударом. Бьет, словно молот — сразу до основания.

Влажный шлепок.

Скрип.

Его грязные словечки, от которых улетаю так далеко, что отсюда созвездия кажутся огромными, как фейерверки, и прямо над головой.

Он вбивается в меня короткими рывками: не жалит, не щадит, не дает привыкнуть к себе. Просто растягивает, наполняет, кричит каждым движением: ты все рано возьмешь меня всего, потому что ты — моя.

Задущенный стон огнем горит на губах.

Наверное, нас слышно.

Наверное, я не смогу выйти из этой кладовки, но сейчас я хочу только одного — быть заполненной до краев.

Удар за ударом, он выталкивает нас к краю пропасти, в последний момент окатывает горящим взглядом и одними губами:

— Люблю...

И с рыком, до упора, насаживает меня на себя, запуская по венам чистый адреналин.

В тишине кладовки наше дыхание похоже на судорожные попытки утопающего наглотаться воздуха в два горла. Мои руки на плечах Эла, и я чувствую, как промокла его рубашка, дорогой шелк прилип к телу, словно вторая кожа. Он так умопомрачительно пахнет в этот момент, что я не могу не поддаться искушению: зарываюсь носом в ямку у него за ухом, с шумом втягиваю все до капли. Возможно, именно сейчас, после бурного секса, работает какая-то химическая реакция, или мне просто хочется найти логическое объяснение нелогическим вещам, но еще никогда Габриэль Крюгер не пах так соблазнительно, как сейчас. Я готова прилипнуть к нему, готова просочиться под кожу, втереть себя, словно соль в каждую рану у него на коже, лишь бы никогда больше не расставаться.

Но проходит еще минута и мы все-таки отрываемся друг от друга. Я почти слышу фантомный звук, словно разорвали надвое бумажное сердечко, и в груди неприятно ноет.

Как-то торопливо одеваемся, приводим себя в порядок, и я с ужасом осознаю, что остаток вечера буду ходить без белья. А как только эта мысль бьет в голову, Эл наклоняется и поднимает с поля лоскуток, выразительно комкая его в кулаке.

— Кира, я тебя только что трахнул в подсоке, а ты снова краснеешь. — Эта улыбка триумфа... Я бы стукнула его чем-нибудь, но просто не могу, потому что он в самом деле победитель. И глупо отрицать очевидные вещи, ведь я хотела этого каждый день, каждый час все две недели.

— Я плохо сплю, — говорю прежде, чем защитный механизм накладывает печать на мой рот.

Габриэль наваливается плечами на стену, приподнимает бровь, давая понять, что готов уделить мне еще пару минут своего драгоценного времени.

— Я плохо сплю... без тебя, — выцарапываю из своего горла.

— У нас одинаковые проблемы, Косточка.

Косточка.

Значит, в прошлый раз мне не послышалось.

Может и то, другое слово тоже не было плодом моего больного воображения. Может быть, даже мое личное Чудовище способно сказать что-то от всего сердца? Или это был просто порыв, импульс? Говорят, мужчины часто говорят нежности во время секса, хоть Эл, кажется, наоборот матерится, как сапожник.

«Скажи мне это. — мысленно упрощаю его, потому что скорее умру, чем попрошу вслух. — Просто скажи. Это ведь всего одно слово, пять букв».

Я боюсь спросить прямо, потому что не переживу, если он отмахнется от меня или поднимет на смех. Все может быть с этим мужчиной, и глупо думать, что для нас может что-то измениться только потому, что мы...

Где-то раздается настойчивый писк телефона. Мне всегда хочется улыбнуться, потому что у моего дорого «золотого мужчины и завидного холостяка» на звонке самая обычная стандартная трель от производителя. Рафаэль любил что-то индивидуальное, обязательно персональное, как будто именно звонок телефона оправлял его статус.

Помню, он как-то всерьез размышлял нанять каких-то музыкантов, чтобы те сочинили ему уникальный рингтон, и очень злился, потому что брат послал его куда подальше.

Эл достает телефон, бросает взгляд на экран, потом — на меня.

— Все... в порядке? — спрашиваю осторожно, но он ничего не говорит. Просто сует мои трусики — то, что он них осталось — в карман пиджака, окидывает меня взглядом, проверяя, чтобы я была одета, проворачивает внутреннюю защелку.

В подсобку просачивается свет и Эл выходит в коридор, едва ли хоть раз глянув в мою сторону. Я проглатываю обиду, потому что Крюгера нужно принимать таким, как он есть. Чудовище нельзя любить в пол силы, потому что Чудовище никогда не согласится на полумеры.

Тому времени, как я, на нетвердых ногах, выхожу в коридор, стараясь не ослепнуть от освещения после темной подсобки, Эла уже и след простыл. Остается только идти на его терпкий запах, и радоваться, что хоть что-то, но я у него украла, и вне зависимости от того, как кончится сегодняшний вечер, мне будет что положить под подушку.

Глава сорок шестая: Габриэль

«Я действительно это сказал?»

Одно слово, но оно вяжет язык почему-то терпко-сладким привкусом, словно кальянный дым, которого я по неосторожности глотнул слишком много.

— Габриэль Александрович, — встречает начальник службы безопасности, когда я захожу в один из номеров, где мои натасканные псы устроили настоящий шпионский штаб. Если бы не был так взвинчен, наверняка бы отпустил пару шуток по поводу того, что с такими тылами можно начинать холодную войну.

— Он передал информацию, — говорит мой главный эСБэшник. — Сливают все.

— Те же координаты?

— Как всегда. Хорошо, что попался.

Я киваю, тру пальцами переносицу и пытаюсь вникнуть в то, что мне говорят.

Интересно, что скажет мать, когда узнает, что если бы не она, для нас с Кирой все могло бы закончиться не так радужно? Что именно ее выходка стала той каплей, которая склеила нас намертво? Клок волос точно себе выдерет.

— Можно его брать? — спрашиваю, когда эСБэшник заканчивает с деталями.

Мы две недели отслеживали Киру, чтобы взять засранца на горячем, и мне натерпится лично разьебать ему рожу, затолкать в глазные дыры стекла от очков и посмотреть, как тварь заплачет кровавыми слезами.

— Все доказательства тут, — молодой пацан из айтишников довольно стучит пальцем по съёмному жесткому диску, на который скидывает что-то прямо с ноутбука. — Хватит, чтобы пришить промышленный шпионаж и миллионный ущерб.

Киваю, тянусь, чтобы поправить галстук — и в друг с опозданием понимаю, что оставил его в кладовке. Мысли о Кире, сидящей на столе в открытой развратной позе, заставляют захотеть одернуть пиджак. Сукин сын очень дорого заплатит за то, что лишил меня моей Косточки на эти две недели.

Косточка. Ну надо же.

Откуда что берется?

— Пойдем распаковывать подарки, ребята, — говорю я, и мои цепные псы — вышколенная охрана в количестве шести человек — идут следом.

Морду мудаку Морозову я точно разобью собственными руками, а эти парни просто проследят, чтобы он не унес ноги до того, как мизансцена подойдет к концу и сраное ружье, наконец, выстрелит.

Я холле уже не протолкнуться, но охрана в считанные секунды находит знакомую башку.

Снова рядом с Кирой, снова держит ее за локоть и наклоняется к уху, словно собирается нашептать ей признание в любви.

Хорошо, блядь, что у меня есть законный повод его убить. Клянусь, если б у подонка не было маленькой дочери, я бы точно сделал так, чтобы остаток дней он провел со сломанными конечностями и адской болью там, где даже болеть нечему.

Я даю знак охранникам, чтобы нашли мою мать и отвели в заранее подготовленную комнату. Там все проверили на предмет прослушки и в тех стенах кристально чисто.

Как в исповедальне, мать его.

Но Морозова я возьму сам, прямо сейчас, пока он думает, что можно безнаказанно использовать мою Косточку и превращать ее в инструмент для собственного обогащения.

— Кира, а я тебя везде ищу. — Почти грубо вырываю ее из рук очкарика.

Она поворачивает голову, топит цунами криптонитовой страсти. Еще не остыла, еще пахнет мной. Наверняка между ногами тоже весь я. Бля, мы уже дважды трахались без защиты, и мне в общем, плевать, даже если завтра она скажет, что залетела. Точнее, мне совсем не плевать, но я убираю неожиданные сантименты в самый дальний угол своей души. Это подождет.

— Она со мной, — влезает Алекс, но я толкаю его в грудь, отправляю прямиков м «нежные и ласковые» руки моих двухметровых гоблинов в черном. Очкарик окидывает их нервным взглядом, и я нее без удовольствия замечаю нервную испарину у него на лбу.

— Ты потеешь, как свинья, — говорю коротко и кивком даю ребятам знать, что жертву можно тащить в клетку. Киру веду сам, и она очень-очень быстро, чуть не падая, переставляет ноги следом.

— Какого хрена? — возмущается Морозов.

— Что ты нервничаешь так, Морозов? — говорю в его перекошенное паникой лицо.

Удивительно, что в нашу прошлую встречу он так не дергался. — Не

хочешь лично поздравить именинника? А я вот как раз хочу увидеть твой подарок лично. Надеюсь ты разучил поздравительную кричалку, потому что придется встать на стульчик.

— Кира, ты в порядке? — спрашивает он с такой заботой, что его рот хочется заткнуть кулаком. Заодно и проверить, можно ли одним ударом вышибить все зубы.

Кира вопросительно ловит мой взгляд, а я просто таращусь на ее искусанные мною губы.

— Просто не спорь с этим ненормальным, — отвечает Кира, вздергивая нос.

Моя мать уже на месте: охрана безуспешно пытается заставить ее сидеть на месте, но она и сама останавливается, когда на «арене» появляюсь я, Кира и Морозов.

— Габриэль, что за спектакль?! — не разобравшись в чем дело, набрасывает она.

— Сядь, — приказываю я. — Сядь!

Она проходит по Кире злым взглядом, но все-таки опускается в кресло. Морозова тоже отпускают, и он раздраженно потирает запястья, которые мои гоблины не слишком ласково ему заломили.

— Кира, дай мне свой телефон, — протягиваю ладонь.

Она молча раскрывает сумочку, достает его и вкладывает мне в ладонь. Но мне даже не нужно его включать: последние две недели он был полностью у меня перед глазами.

Все звонки, сообщения, исходящий и входящий трафик, социальные сети, почта.

Абсолютно все. Моя служба безопасности разве что не научила этот маленький гаджет становиться на задние лапки и лаять за кусок сахара.

— Кому ты давала свой телефон? — спрашиваю четко, по слогам.

— Не понимаю, — хмурится она. Все-таки она не умеет врать, совсем. Просто удивительно, что продержалась так долго. Видимо, Морозову пора подумать о новых очках.

— Ты давала свой телефон кому-то в последние минут тридцать?

Она молча смотрит на очкарика.

— Что за херня? — «не понимает» он.

— Кира, ты занимаешься производственным шпионажем? — игнорирую его реплику. — выносишь секретную информацию?

— Нет, — прямо и совершенно бесхитростно отвечает моя Косточка.

— Я звонил домой, — снова встречается Алекс. — Что за цирк без клоунов, Крюгер? Совсем двинулся, потому что тебя отшили?

Охранник собирается поучить его смирению кулаком, но я останавливаю здоровяка.

— Кира, скажи ему.

— Уже можно? — улыбается она с облегчением.

— Скажи сейчас, пока он еще может слышать.

Я сказал ей, что люблю, но на самом деле, я осознаю это чувство только сейчас: ярко, сочно, пока Косточка идет ко мне уверенным шагом. Становится рядом, чуть-чуть заходя за спину, где ей самое место — сейчас и на всю жизнь.

— Я его не отшивала, — говорит Кира. Морозов сопит, тянет носом, словно убудок, который вдруг понимает, что вместо подарка ему под елку положили большой резиновый хер. — Я сказала ему «да».

Флешбек: Кира

Две недели назад...

Я не помню, как ловлю такси: кажется, просто выбегаю на улицу и машу рукой всем проезжающими мимо машинам. В голове бьется что-то тяжелое, горячее, слово металлический шарик в невесомости, чувствительный к каждому моему шагу. Машина притормаживает не очень аккуратно, окатывает меня водой из грязной лужи. Водитель бормочет извинения, но не очень старается, хоть мне плевать: ныряю в салон, трясущимися руками только с третьей попытки нахожу ручку, чтобы захлопнуть дверь.

Должно быть какое-то разумное объяснение всему происходящему. Потому что если его нет... Этот поступок Габриэля — он перечеркивает все, он словно отпечаток грязной обуви на моем признании. Как будто все, что я сказала утром, мои слова о прощении и о том, что я буду любить его таким, как есть, значат не больше, чем выстрел выхлопной трубы.

Но я не знаю, что думать. Все попытки мыслить трезво, искать логику и закономерности выскальзывают, словно песок сквозь пальцы, и остается только колющее недоверие, сумасшедшая ревность и обиды прошлого, которых так много, что игнорировать их равносильно танцу на заминированном поле.

«Зачем ты так со мной, Габриэль?»

В квартире собачий холод. Кажется, на двери в подъезд еще днем висел объявление о прорыве и ремонтных работах. Я снимаю обувь, но так и хожу по дому в куртке: ставлю на плиту чайник, держу над теплом трясущиеся пальцы и думаю о том, что Габриэль, должно быть, позвонит и скажет, что занят. Или даже не будет звонить, потому что он никогда не

станет оправдываться. Это не в его природе. Наверное, разговор с матерью расставил все на свои места. Матери умеют быть убедительными, тем более Валентина, у которой полный рот аргументов, почему бедный монстр, уложивший в могилу его брата, точно не лучшая партия для завидного холостяка.

Я уже давно сняла пальто, выпила две чашки кофе, но руки дрожат до сих пор, и нервы так натянуты, что, когда в дверь раздается звонок, я подпрыгиваю на месте, словно у меня над ухом выстрелили из ружья. Почему-то боюсь пошевелиться. Может быть, просто соседка? Иногда она заглядывает, чтобы одолжить соль или сахар. Но звонок повторяется, и на этот раз он настойчивый.

Только один человек может приехать ко мне почти в полночь и так настойчиво проситься войти. Я подхожу к двери и, поймав паузу между звонками, говорю:

— Уходи, Эл.

— Открой, Кира, нам нужно поговорить. Не веди себя, пожалуйста, как ребенок.

Я хочу огрызнуться, напомнить ему утренний разговор, но вместо этого прикусываю губу и открываю дверь.

Габриэль переступает порог и на ходу кладет мне что-то в руку, отдает короткую команду:

— Пока не открывай.

Я опускаю взгляд на ладонь: еще одна квадратная бархатная коробочка. Моргаю, потому что кажется — это просто галлюцинация. Но коробочка никуда не девается, и бархат приятно трется о тонкую кожу.

— Не открывай, Кира, — слышу голос Эла из кухни. Он хозяйничает: тархтит чашками, ставит чайник. — Иди сюда.

Я сошла с ума, потому что на цыпочках крадусь в собственную кухню и замираю в дверях, разглядывая, как преображается Габриэль, занимаясь бытовыми мелочами: раскладывает чай по чашкам, сыпет по ложке сахара в каждую, а потом останавливается. Вздыхает, сжимает ладони на столешнице и мотает головой, словно у него там так же много паршивых мыслей, как и у меня.

— Кира, это был просто блеф, — говорит он, не поворачивая головы. Габриэль снял пиджак, и под рубашкой спина так сильно напряжена, что ткань натянута туго, как на барабан. — Прости, что не позвонил и не сказал по телефону — тебя «слушают». Не хотел рисковать. Но... — Он в последний момент ловит ругательство зубами, прикусывает до неприятного скрипа. — Ты могла бы просто доверять мне. Тем более после всего, что

было утром.

Чайник закипает, и Эл отвлекается. Чтобы разлить кипяток по чашкам. Вряд ли кому-то из нас хочется сейчас пить, это просто механические действия, чтобы успокоиться.

— Что значит блеф? Кто меня слушает?

Я прячу лицо в ладонях, надеясь, что выгляжу хотя бы в половину не так глупо, как себя чувствую, задавая эти дурацкие вопросы. Умудряюсь стукнуть себя по лбу, и коробочка вываливается из рук. Габриэль успевает раньше: поднимает, осматривает меня с ног до головы и ставит свой «подарок» на стол.

— Эту запись прислала моя мать, Кира. Айтишники настоящие ищейки, если им хорошо платят и дают посильные задачи.

Почему я не удивлена? Потому что эта выходка очень в духе его матери. Наверное, она из тех, у кого гипертрофировано силен материнский инстинкт, и она защищает старшего сына от «убийцы» еще яростнее, чем защищала младшего, потому что теперь знает, что я могу «убить». Наверное, тяжело жить вот так: каждый день просыпаться и засыпать с мыслью о том, что единственный сын прямо сейчас увязает в паутине распоследней дряни.

— Я стал мешать им с Рафаэлем после того, как вытащил компанию из банкротства и отказался подарить брату на блюдецке с голубой каемочкой. — Эл пытается казаться безразличным, даже улыбается, но я чувствую, что он кровоточит, словно свежий порез.

— И они решили, что меня нужно взять под контроль.

— С моей помощью? — не понимаю я.

— Кира, ради бога, с самого начала было ясно, что я запал на тебя, как голодный волк.

— Вот теперь он улыбается по-настоящему, и ерошит волосы, как будто пытается скрыть смущение, хотя это же Габриэль Крюгер, и он не будет краснеть даже если придется бегать голым по центральной площади. — Мои спецы взломали ее переписки. — Габриэль вздыхает, хмурится. — Она делала тест ДНК. Хотела проверить, действительно ли я тот младенец, что вылез из нее в роддоме.

Я невольно смотрю на его темные волосы, смуглую кожу и вспоминаю, как Рафаэль несколько раз говорил, что брат среди них «белая ворона», потому что единственный, кто не такой белокожий и светлоглазый как остальные Крюгеры.

— Понятия не имею, на что она рассчитывала, — продолжает Эл. — Возможно, как-то оспорить завещание отца, но это все равно бессмыслица,

потому что даже если бы я не был ее сыном, это все равно ничего бы не меняло: бизнес в моих руках целиком и полностью, я обезопасил себя со всех сторон. Но я оказался ее сыном. И поэтому она сделала еще один тест, в другой клинике. Так хотела, чтобы я был подкидышем. Был бы повод с чистой совестью свалить все грехи на мою дурную наследственность.

Он еще не закончил, а я уже несусь к нему со всех ног: обнимаю так крепко, что выкручивает плечевые суставы. Наверное, испачкаю тушью его безупречную рубашку, но мне все равно. Мой Крюгер такой одинокий, что я прямо сейчас — и навсегда стану для него якорем, причалом, островом в безбрежном океане. Я буду для него всем: огнем, когда холодно, льдом в самый изнуряющий зной. Кем угодно, лишь бы навсегда погасить одиночество в его взгляде.

Габриэль обнимает меня, тянет к себе, словно цепляется за соломинку в шторм.

Дрожит. Дрожь — это единственная слабость, которую он может себе позволить. Я успокаивающе глажу его по спине, и мышцы понемногу расслабляются. Мы медленно, как последние листья октября, опадаем на пол, обнимая друг друга болезненно крепко.

— Она хотела, чтобы я был подкидышем, — бормочет Габриэль. — Чтобы я больше не пачкал фамилию своими дерьмовыми поступками. Но, наверное, ей просто хотелось знать, что такое чудище не могло выйти из ее живота.

— Ты не такой, — шепчу наперекор его словам. И сердце болит за него так сильно, что я готова прямо сейчас, босой и раздетой, по стеклу, по углям, бежать к суке Валентине и собственными руками вырвать ей сердце.

— Я Чудище, Кира, мы оба это знаем. Я не ищу себе оправданий. К черту, оправдания для слабаков. Мой замок никогда не превратится в диснеевский домик, а поцелуй не превратит в Прекрасного принца.

Я отодвигаюсь от него, упрямо поджимаю губы, пока мой Агрессор сидит на полу, обессиленно разбросав руки по обе стороны бедер.

— Кто-то должен любить Чудовище, — говорю тихо и твердо, обхватывая ладонями его колючие щеки. — Даже если оно рычит, ругается и колотит хвостом.

Эл хохочет, а я реву, потому что вот таким его точно никто и никогда не видел. Это как будто отрыть сокровище Атлантиды и потихоньку спрятать его под подушку, чтобы жадно, ночью, любоваться только самой.

— Она была уверена, что ее выходка вычеркнет тебя из моей жизни, и я стану покладистым щеночком в руках ее новой протеже — Анечки. — Эл закладывает локон мне за ухо. — Я позвонил дяде. Он, как ты понимаешь,

не горел желанием со мной разговаривать, но я умею быть убедительным. Почти уверен, ту блядь под него тоже подложила моя мать. Наверное, хотела добыть деньги, чтобы перекупить «в черную» часть акций, чтобы вернуть себе право голоса. Она же знала своего брата, как собственную пятерню.

— Это слишком даже для нее, — не хочу верить я.

— Просто бизнес, Кира. Бизнес и жажда власти, ради которой можно пойти на сделку с совестью. Я такая же расчетливая тварь, если ты вдруг думаешь иначе, но разница между нами в том, что я никогда не повернусь против своих. За своих я спущусь в ад и пошлю на хуй сатану. — Он тянется, чтобы почесать шрам, но я в последний момент ловлю его ладонь и отвожу от лица. — Ты даже не представляешь, как она тебя боится, Кира. Кажется, еще ни один человек на свете не доводил Валентину Крюгер до такой паники, раз она забыла о предосторожности.

— Я — Кира, Великая и Ужасная.

— Ты просто охренительная, Бель [\[12\]](#), - улыбается Эл. Закрывает глаза, и черты его лица, наконец, расслабляются. Он откидывается затылком на тумбочку, трет глаза костяшками больших пальцев и, забыв о приличиях, зевает, даже не потрудившись прикрыть рот. — Когда вся эта херня закончится, Кира, пойдем в ЗАГС, распишемся, а потом полетим на самый охуенный тропический остров, какой только есть на этой планете, и я возьму тебя в жены в венке из живых цветов, прямо на берегу океана.

Я сглатываю так громко, что Эл слышит и снова улыбается, явно довольный произведенным эффектом.

— Слушай, ну ты же знала, что выбросила в окно моей машины. Думаешь, та выходка меня бы остановила?

Я много чего думаю, но просто теряю дар речи.

Флешбек: Габриэль

Я нарочно не хочу открывать глаза, ведь то, что я увижу, точно вышибет из меня весь дух и терпение. А я еще не закончил эту чертову исповедь, и нам так о многом нужно поговорить, что по моим примерным подсчетам, на это уйдет вся жизнь. Так что сейчас будет просто короткий блиц, и я должен буду убраться куда подальше, иначе забуду о том, что моя упрямца еще не до конца зажила, и точно сделаю ей больно еще раз.

У меня дурацкая фантазия, но именно такой я вижу Киру: на берегу океана, в соленых брызгах, в белых цветах. Она врезалась мне в башку в

тот наш поцелуй на пляже.

Именно тогда я увидел ее вот такой: невинной, будто слеза. Увидел и понял, что она меня в итоге приручит, даже если буду сопротивляться. И я сопротивлялся, яростнее, чем хотел.

— С твоего телефона сливают информацию, Кира, — говорю я, нарочно резко меняя тему разговора. — То, что моя мать хотела просто сделать мне назло — это херня, но она не ударила по моим деньгам. Зато айтишники попутно вычислили исходящий трафик твоего телефона. Письма, которые отправляли и удаляли. Фотографии документов.

Производственный шпионаж. Знаешь, что это такое?

Кира жует губы, нерешительно кивает, так что я трачу еще немного времени, чтобы объяснить ей, что это значит.

— Кто-то передает третьим лицам важные финансовые документы, информацию о предстоящих сделках, даже стратегию развития.

— Эл, я этого никогда бы не сделала! — Она говорит так громко, что я глухну и ковыряю ухо, чтобы вытравить противный звон. — Я бы никогда не стала такое делать.

— Даже если бы я и дальше продолжал тебя мучить?

— Тем более, если бы продолжил, — совершенно серьезно отвечает она. — Сбежала бы от тебя на край света, но я не умею... вот так.

Волосы снова выползают у нее из-за уха, и на этот раз я медленно накручиваю их на палец. Тяну к себе, и Кира послушно наклоняется. Если поцелую ее сейчас — все разговоры пойдут глубоко в жопу, а мы пойдём сперва на пол, потом в постель, а потом, видимо, в анабиоз, потому что сил не останется даже, чтобы дышать.

— Кто-то в твоём окружении сунул тебя ко мне. Нарочно. Кто-то, кто знает о наших непростых отношениях и знает, что, если шпионаж раскроется, я подумаю на тебя и это будет самое логичное решение. Есть варианты?

Она делает лучше, чем если бы просто озвучила пару фамилий. Она просто шаг за шагом рассказывает о том, как попала в «ТАР»: с самого начала, буквально с того дня, как подруга приволокла ей букет от Морозова, из-за которого ее вышибли с работы. И я вспоминаю, где я видел этого очкарика: на корпоративах, потому что он работает в «ТАР» внештатным фотографом. Вспоминаю громкий скандал вокруг его развода, вспоминаю. И в голове крутится еще что-то, что тяжело поймать вот так сразу. На часах уже первый час ночи, но я все равно звоню начальнику службы безопасности: он как будто и не спит вообще, голос четкий, без намека на сон.

— Виктория Викторовна и этот ублюдочный очкарик — как-то связаны?

— Габриэль Александрович, она же его мать. Но Морозов на отцовской фамилии. Я же докладывал еще когда.

Матерюсь и одними губами говорю Кире: «Извини».

— Они шпионят, Саныч, — говорю ему и он матерится в ответ. — В семь утра у меня в кабинете.

С минуту мы с Кирой просто сидим в тишине, а потом она сама, словно любопытная кошка. Начинает распутывать клубок: как подружка Вера «вдруг» притащила веник, как потом ее фотография «вдруг» попала на глаза директору частной школы, как потом Морозов «вдруг» нашел такое чудесное место работы, и как ее «вдруг» взяли даже без номинального собеседования. И что много раз забывала телефон, когда бегала по заданиям Виктории.

Я слушаю и киваю, поправляю, делая свои пометки, но в итоге картина настолько четкая и ясная, что я почти уверен — внутреннее расследование подтвердит ее почти в точности. Возможно, выцарапает наружу какие-то дополнительные детали.

— Против этой парочки пока нет явных доказательств, — говорю я, и Кира кивает, соглашаясь. — И мне нужна твоя помощь, Кира.

— Я вся твоя, Крюгер, — без раздумий соглашается моя упряmica.

— Ты хоть понимаешь, что это звучит просто как удар током прямо в член? — признаюсь я, и Кира краснеет. — Можешь посмотреть, что в коробке.

Она взвивается на ноги со скоростью сквозняка, берет подарок, снова садится около меня и медленно открывает. Это кольцо лучше того, что было в прошлый раз, и если так подумать, то я даже рад, что первое она вышвырнула. Кира долго не решается достать его, так что приходится ей помочь. В полной тишине, надеваю кольцо на ее безымянный палец, радуясь, что угадал с размером — кажется, меньше просто не было.

— Я согласна, Крюгер, — говорит она, улыбаясь, сидя передо мной на коленях, словно прилежная школьница.

— А я вроде не спрашивал, — подначиваю ее.

— Я ведь и это кольцо вышвырну, Крюгер.

Приходится заставить ее подняться, а самому, нарочно охая и хмурясь, встать на одно колено.

— Будешь жить в моем мрачном замке, Кира?

— Буду, Агрессор, — снова разводит мокроту она.

— Выйдешь за меня замуж?

Да ну на хер, хватит с меня колен.

Ее соленое от слез «да» я ловлю жадным поцелуем.

Глава сорок седьмая: Кира

Пока я стою сзади него, за плечом, и осторожно тянусь, чтобы сплести наши пальцы, мир странным образом преобразается. Я словно вдруг стала единой и целой, собранной из множества кусочков, которые потерялись во времени и пространстве. Но, что куда главнее, собирая себя, идя по следу хлебных крошек собственной разбитой души, я пришла именно туда, где должна быть всегда: возле своего Чудовища. И это самое безопасное место на земле.

Алекс смотрит на нас огромными глазами, в которых недоумения даже больше, чем отчаяния. Он явно не понимает, где допустил ошибку, как проморгал заговор, пока сам играл на сторону. Мне хочется впитывать его панику, словно губке, потому что она так восхитительно оттеняет наш с Габриелем триумф. Наверное, я перенимаю у моего Агрессора его дурные привычки, потому что начинаю наслаждаться чужим страхом: как же так, что я упустил?

Пауза растягивается до состояния свежей жвачки: она тугая и не очень длинная, но стоит Алексу открыть рот, как тут же лопается, оставляя в воздухе слабую упругую вибрацию.

— Это просто подстава, — говорит он, и я слышу едкий смешок Эла.

Зря он это сказал. Зря подумал, что может переиграть свою участь, доказывая льву, что он не лев, а осел. Вряд ли Габриэля можно было разозлить еще больше, но Морозов превзошел сам себя.

Я чувствую, как мой Агрессор делает шаг вперед, поэтому еще сильнее сжимаю его пальцы между своими, нарочно удерживаю на месте, прижимаясь носом к плечу.

— Не стоит он того, — говорю так тихо, что даже в не очень большой комнате эти слова слышит только Эл.

Я делаю это не из жалости к Морозову или какого-то сострадания. Я первая «за» то, чтобы люди, которые играют чужими судьбами ради денег, получали свое. Но есть две вещи, которые могут срикошетить, если вора наказать по заслугам. У него есть маленькая дочь, и ребенок не виноват, что ее отец оказался таким вонючим куском грязи. Второе — Эл вряд ли в состоянии себя контролировать. Две недели, полных четырнадцать дней мы оба делали вид, что перестали существовать друг для друга. И все это время Алекс увивался вокруг меня, опыляя обманом. Хорошо, что именно сегодня все закончилось. Оборвалось до того, как я начала задыхаться в

паутине лжи.

Бесчисленное количество раз мне хотелось просто ударить его чем-нибудь тяжелым, когда он, как бы невзначай, заводил разговоры о Габриэле. Как будто знал, что бьет в самое больное место. Сколько всяких небылиц придумывал, подкладывая фото Габриэля, которые не могли быть новыми, делал так. Чтобы я «случайно» на них натыкалась.

Господи, стоит вспомнить, как они с матерью на пару шлифовали меня, как идея сдерживать Габриэля уже не кажется такой хорошей. Я бы сама выцарапала подонку глаза. Утешает и успокаивает лишь то, что свое он и так получит. В полном объеме. Как и все, кто вклинивался между Чудовищем и его Красавицей. Так сказал Эл, когда уезжал от меня в ту ночь. И в моей несчастной голове не осталось ни тени сомнения о нашем будущем. Я бы скорее поверила, что луна упадет на землю чем в то, что Габриэль может от меня отказаться.

Я размыкаю пальцы, и поздно понимаю, что Эл, как всегда, остается верен своей природе. Он успевает сделать шаг до того, как я охаю, и кулак врежется в челюсть Алекса с оглушительным противным хрустом. Морозов воет, ноги подводят его, но один из амбалов придерживает его за шиворот, фиксируя в горизонтальном положении. Алекс слепо машет кулаками, но это и близко не похоже на попытки дать отпор. Габриэль просто отбивает его руку и бьет еще раз, теперь уже левой, на этот раз позволяя Морозову бесформенным тюком оплыть на пол.

— Ты сядешь так надолго, что увидишь своих внуков только на фотографиях, — говорит Габриэль. — Доказательств против твоих махинаций достаточно. И, кстати, скажи спасибо, что спрячу тебя за решеткой от людей, в пользу которых ты шпионил. Потому что вот-вот они узнают, что все две недели ты сливал им дезинформацию, из-за которой они влетели на серьезные деньги. Так уж получается со стороны, что ты переметнулся на мою сторону и решил укусить кормящую руку.

Кровь идет у Алекса из носа, но он даже не может поднять руки, чтобы ее вытереть.

Просто смотрит на меня в поисках надежды. Я просто отрицательно качаю головой.

Наверное, должна быть жалость, но ее нет. Это просто справедливость, а она никогда не бывает черной — только белой.

— Мои адвокаты позаботятся о том, чтобы к этому делу добавилось дело о подтасовке документов, когда ты отнял ребенка у матери, — вколачивает последний гвоздь в затылок поверженного врага Габриэль.

— Нет, не нужно... — почти всхлипывает Алекс.

— Думал, можно безнаказанно творить всякую херню всю оставшуюся жизнь?

Я понятия не имею, о чем речь, но видимо попутно ищейки Эла раскопали что-то из бракоразводного процесса, в результате которого Морозов доказал, что его жена наркоманка и отобрал дочку для единоличной опеки. Если это так, то мне хочется, чтобы Габриэль отделал его до синяков, которые будут болеть всю жизнь, даже когда сойдут гематомы.

Габриэль делает знак, и охрана вытаскивает Морозова за дверь.

В комнате остаемся только мы с Габриэлем и Валентина, которая все это время сидела безмолвно и безучастно, словно оскорбленная невинность на скамье подсудимых. Эл отводит полу пиджака и нам нужен лишь один взгляд друг другу в глаза, чтобы понять без слов: достаю носовой платок и бережно стираю кровь с его сбитых костяшек. А потом подношу ладонь к своей щеке и трусь о нее, наплевав на то, что на коже останутся красные следы его злости.

— Не сдержался.

Он не оправдывается, просто говорит, что всегда и во всем будет поступать так, как посчитает нужным. К счастью, у меня нет ни тени сомнений, что вне зависимости от решений моего Крюгера, я всегда буду на его стороне. Есть кое-что, что я хочу сказать ему прямо сейчас, но я нахожу в себе силы и ловлю слова зубами, удерживая их на кончике языка. Не сейчас. Не здесь. Потому что они только для него.

— Ты очень расстроена, что я все-таки твой сын? — спрашивает Эл, поворачиваясь к матери.

— Я не скажу ни слова при ней, — говорит Валентина.

— Да мне плевать в общем, — передергивает плечами Габриэль. — Просто хочу, чтобы ты знала: я все равно не могу ненавидеть тебя достаточно сильно, чтобы сделать все, чего ты заслуживаешь. Ты моя мать, даже если ты всю жизнь будешь ненавидеть себя за это.

Она вскидывается, по сухим щекам растекаются кривые алые пятна. Я почти слышу неприятный лязг ее мыслей: как же так, он не дал ей упиться своей ненавистью, он просто ее... простил. Не дал ни единого подтверждения тому, что всю свою жизнь она зря не зря считала старшего сына Монстром. Он оказался единственным Человеком в шакальем помете.

— Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь, если что-то будет угрожать твоему здоровью, — продолжает Эл, потому что Валентина так и не нашла подходящих слов. — Я буду заботиться о том, чтобы ты могла вести нормальную достойную жизнь. Но если ты сунешься в мою

семью... — Он слепо находит мою руку, снова сплетает наши пальцы, и у меня в груди сладко щемит от того, что это я и есть его семья. — Живи своей жизнью, мам, а я буду жить своей.

Мы просто оставляем ее там: одну, в пустой комнате, наедине с едкими мыслями. Если в ней была хоть капля любви к своему ребенку, Валентина до конца своих дней будет ненавидеть себя за все, что сделала.

У нас впереди еще несколько тяжелых недель. Габриэль будет разбираться со своими конкурентами, я собираюсь потратить эти дни, чтобы наказать жадную подругу.

Мы идем ко коридору, и Эл наклоняется, чтобы стукнуть меня подбородком по затылку.

— Ты воришка, Косточка. Зачем тебе мой галстук?

— Привяжу, — «бодаю» его в ответ и достаю из выреза на платье длинную цепочку, на которой ношу подаренное им кольцо. — Придется еще раз встать на одно колено, чтобы надеть его на мой палец, Крюгер.

«Размечталась», — говорит Эл одними губами.

Эпилог: Кира

Я понятия не имею, ни что это за остров, ни как далеко он от цивилизации. Знаю только, что здесь нет никого, кроме нас, и что мы минимум час добирались сюда на моторной лодке из небольшого курортного городка.

Солнце стекает за горизонт оранжевым жидким огнем, и я иду по пляжу, где небо так низко, что кажется бархатом, по которому разбросали серебро монет. Тянусь рукой, чтобы взять пригоршню и пропускаю звезды между пальцами. Взгляд скользит по сморщенной коже ожога, но я больше не боюсь его показывать. И мне больше не нужен баллончик, чтобы справляться с приступами паники, потому что теперь у меня есть надежная спина, собственный волнорез, о который разобьется абсолютно все, что может причинить мне вред. И ощущение полной безопасности в замке моего Чудовища настолько сладкое и жгучее, что, оглядываясь назад, мне хочется сказать себе-прошлой, что я с самого начала, с самого первого дня выбрала правильного брата.

А потом просто долго блуждала в лабиринте без фонаря.

Мое платье для гражданской церемонии самое простое: ни пышных юбок, ни дорогого шелка. Просто льняной сарафан длиной в пол и немного ручной вышивки. Я купила его сегодня утром на местном рынке, у пожилой смуглой островитянки. Не знаю, как мы поняли друг друга жестами, но, когда она поняла, что я собираюсь выйти в нем замуж, притащила откуда-то милое ожерелье из перламутровых ракушек.

Я медленно иду по пляжу, нарочно глубоко погружая ноги в теплый песок. Кому нужны бриллианты, брендовое платье и тысяча гостей, когда есть бездонное небо, в которое не страшно упасть, и шепот вечернего прибоя, и золотой закат.

И этот мужчина, который медленно бредет мне навстречу.

Мы не договаривались вообще ни о чем, просто решили, что дадим друг другу клятвы не в сером скучном ЗАГСе, а вот так: на церемонии, традиции которой придумали сами для себя. Поэтому я останавливаюсь, не в силах сдержать улыбку. Мое Чудовище тоже «принарядилось»: в простую белую полотняную сорочку, выправленную из простых же белых брюк, которые он небрежно закатил почти до самых колен. На фоне с загорелой кожей, белая ткань кажется слепяще яркой. Эл нарочно идет по самой кромке прибоя и волны щекочут его пятки. Наверное, в этом причина его

совершенно расслабленной улыбки, об которую мне хочется потереться щекой. Желание такое сильное, что действует на меня, как закон притяжения, и ноги сами несут навстречу.

Мы схлестываемся в центре деревянной арки, увитой тропическими цветами и белыми лентами. Эл выразительно оценивает мой наряд и говорит:

— Слава богу, никаких крючков, пуговиц и корсетов. Кажется, эта штука прекрасно снимается.

— Это так... по Крюгеровски! — прячу смех за деланным возмущением.

— Смирись, Косточка, что ты жена озабоченного альфы, — хмыкает он, а потом поднимает обе руки и я только сейчас замечаю, что он принес мне обещанный свадебный подарок.

Габриэль осторожно укладывает мне на голову венок из живых белых орхидей. Не хочу портить иллюзию и спрашивать, когда и где он успел его раздобыть. Нарисую картинку этого «альфы», блуждающего в джунглях в поисках нужных цветов — и буду вспоминать ее с теплом до самой смерти.

— Мне идет? — я задираю нос и верчу головой, давая получше себя рассмотреть.

Кажется, моему Чудовищу впервые в жизни совсем нечего сказать, и, чтобы стереть неловкость, он берет меня за руки.

Мы клянемся не искать легких путей.

Мы клянемся всегда идти в ногу и в одну сторону.

Мы клянемся любить друг друга дольше, чем горят звезды на небе.

Мы клянемся быть друг для друга началом и концом, клянемся быть бесконечностью.

Мы клянемся любить друг друга за недостатки.

— Я Крюгерозависима, — наконец, говорю те слова, что с трудом сдержала две недели назад.

Почему-то для меня они значат больше, чем если бы я сказала, что люблю.

— Ты теперь Крюгероокольцована, Крюгерозапечтана и Крюгероприсвоена, — подхватывает Габриэль. А потом недвусмысленно тянет руки, чтобы развязать ленту сарафана у меня на шее. Скрипит зубами, когда сделать это одной рукой не получается, и тут же врезается поцелуем в мою вредную улыбку. — Признавайся, нарочно так завязала?

— Да, — растягиваю улыбку, сознаюсь я.

— Да по хрену, — рыкает Чудовище, прежде чем взвалить меня на плечо и потащить в хижину.

Мммм... Нет, всего лишь на пару метров вглубь пляжа.
Надеюсь, с этого острова мы привезем не только песок в волосах.

Конец.

---

notes

Примечания

1

СБ — служба безопасности.

Хаббл — телескоп на орбите земли

Выражение «прокрустово ложе» стало крылатым и означает жёсткие границы, в которые желают вогнать что-либо, жертвуя ради этого чем-нибудь существенным.

4

Отсылка в сериалу "Игра престолов".

"Никогда не заботились о том, что они делают, никогда не заботились о том, что они знают, но я знаю..." ("Nothing Else Matters" группы Metallica).

Стокгольмский синдром (англ. Stockholm Syndrome) — термин, популярный в психологии, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и (или) применения угрозы или насилия.

Panzerkampfwagen VIII «Maus» (Maus — «Мышь») — сверхтяжёлый танк, спроектированный в Третьем рейхе в период с 1942 по 1945 годы под руководством Фердинанда Порше.

Крез — последний царь Лидии из рода Мермнадов, правивший в 560–546 гг. до н. э. Считается, что Крёз одним из первых начал чеканить монету, установив стандарт чистоты металла (98 % золота или серебра) и гербовую царскую печать на лицевой стороне (голова льва и быка). По этой причине он слыл в античном мире баснословным богачом.

Граф Жоффрей де Пейрак (фр. Joffrey de Peyrac) — один из главных героев романов Анн и Сержа Голон об Анжелике и экранизаций этих книг. Муж Анжелики, который, вопреки своему физическому уродству, сумел завоевать любовь молодой красавицы, выданной за него замуж вопреки её воле.

Гаррота (исп. — закручивание, затягивание; казнить) — инструмент для удушения человека.

Прихлоп Билл Тёрнер (англ. Bootstrap Bill Turner) — вымышленный персонаж вселенной «Пираты Карибского моря», вынужденный служить капитану проклятого корабля «Летучий Голландец», а потому и сам проклят и покрыт коростами.

Бель (англ. Belle — «Красавица») — главная героиня диснеевского мультфильма «Красавица и Чудовище».